

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

6

Выпуск (861)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

6

Issue (861)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2022

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 6 (861)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

доктор филологических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 6 (861)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
G. G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определение цифрового текста как методологическая проблема ПИЩАЛЬНИКОВА В. А.	9
Интерпретация динамического события в гетеросемиотических новостных сообщениях РОМАНЕНКО О.В.	15
Полимодалная метафора как дискурсивная практика в видеорекламе ЧЖАН ЛИУАНЬ.	23
Реконтекстуализация новостной информации в веб-порталах: типы структурных модификаций ЮАНЬ МИНЦИН	31

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЯ

Современный ландшафт компьютерной лингвистики КОМАЛОВА Л. Р.	40
Распознавание окказиональных метафор при чтении. Работает ли эффект прайминга? КИОСЕ М. И., ЯРИКОВА В. А.	48
Истоки и современное состояние интерлингвистики КОСТЮХИН А. А.	57

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Принципы этнопсихолингвистического исследования сознания АДАМОВА З. Г.	64
Исследование закономерностей овладения родным языком как направление французской психолингвистики БАРИНОВА П. С.	70
Моделирование ассоциативно-вербальной сети антиценностей в сознании китайцев ДУБКОВА О. В.	78
Динамика способов предикции в структуре речевого действия (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») СТЕПЫКИН Н. И.	86

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИЙНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Научометрический анализ документопотока по интернет-дискурсу, представленному в базе данных CSSCI при CNKI ЛЮ ЦИЦИ.....	93
Вербальные способы выражения несогласия в политическом дискурсе (на материале вьетнамского парламентского дискурса) ТХИ МИНЬ НГУЕН НГУЕТ	99
Конфронтационность как типичная характеристика предвыборных теледебатов ЦВЕТАЕВ Е. Ю.	107
Проблемы популяризации русского языка в социальных медиа ШЕСТЕРИНА А. М.	116

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Сравнительно-сопоставительный анализ поэтических переводов стихотворения Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» на английский язык ПАЛЬВАНОВА Е. М.	122
Цветонаименование <i>белый</i> в творчестве Умберто Эко РОССАЛЬ В. В.	129

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Бывают странные сближенья»: особенности поэтики романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной ЖУЛЬКОВА К. А.	136
Подлинная мистика, правдивая история: баллады, легенды и образ Белой Дамы в романах «Ламмермурская невеста» и «Монастырь» В. Скотта КОЛОСОВА Е. И.	144
Массовая литература как социальный феномен РАРЕНКО М. Б.	151

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Композиционные особенности российских и итальянских развлекательных ток-шоу КОСТЕВА В. М., РУДЖЕРИ Ф.	157
Культурологическая характеристика шведских топонимов на карте Стокгольма ПИЩАЛЬНИКОВА В. А., ПРИРОДИНА У. П.	164

LINGUISTICS

STUDYING POLYCODE TEXT: METHODOLOGICAL PROBLEMS AND EMPIRICAL RESEARCH

Definition of Digital Text as a Methodological Problem PISHCHALNIKOVA V. A.	9
Interpretation of Dynamic Events in Heterosemiotic News Items ROMANENKO O. V.	15
Multimodal Metaphor As a Discourse Practice in Video Advertising CHZHAN LIYUAN'	23
Recontextualization of Nnews Information in Web-portals: Types of Structural Modifications YUAN MINGQING.....	31

TOPICAL DIRECTIONS OF LINGUISTIC RESEARCH: THE PRESENT AND THE PAST

Modern landscape of Computational Linguistics KOMALOVA L. R.	40
Novel Metaphors Recognition in Reading. Do We Face Priming Effects? KIOSE M. I., YARIKOVA V. A.	48
Origins and Current State of Interlinguistics KOSTYUHIN A. A.	57

PSYCHOLINGUISTICS

Principles of the Ethnopsycholinguistic Study of Consciousness ADAMOVA Z. G.	64
First Language Acquisition as a Domain of French Psycholinguistics BARINOVA P. S.	70
Modeling the Associative-verbal Network of Anti-values in the Minds of the Chinese DUBKOVA O. V.	78
Dynamics of Predication Operations in the Structure of Speech Action ("Multilingual Associative Thesaurus of Politeness") STEPYKIN N. I.	86

CONTENTS

STUDIES OF POLITICAL AND MEDIA DISCOURSE

Scientific Analysis of Document flow on Internet-discourse Presented in the CSSCI Database at CNKI LIU QIQI	93
Verbal Disagreement Strategies in Political Discourse (on the Material of Vietnamese Parliamentary Discourse) THI MINH NGUYET NGUYEN	99
Conflict in Televised Election Debates TSVETAEV E. YU.	107
Problems of Popularization of the Russian Language in Social Media SHESTERINA A. M.	116

LINGUISTICS AND TRANSLATION THEORY

Comparative Analysis of Poetic Translations of "To be Famous is not in Good Taste" by B. Pasternak into English PALVANOVA E. M.	122
The Colour Term White in the Works of Umberto Eco ROSSAL V. V.	129

LITERARY STUDIES

"There are Strange Rapprochements": Features of the Poetics of Novels "Laurus" by E. Vodolazkin and "Children of Mine" by G. Yakhina ZHULKOVA K. A.	136
Genuine Mysticism, True Story: Ballads, Legends and the Image of the White Lady in W. Scott's «The Bride of Lammermoor» and «The Monastery» KOLOSOVA E. I.	144
Mass Literature as a Social Phenomenon RARENKO M. B.	151

CULTURAL STUDIES

Compositional Features of Russian and Italian Entertainment Talk Shows KOSTEVA V. M., RUGGERI F.	157
Culturological Characteristics of the Swedish Godonyms on the Map of Stockholm PISHCHALNIKOVA V. A., PRIRODINA U. P.	164

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 81.13
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_9

Определение цифрового текста как методологическая проблема

В. А. Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pishchalnikova@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует специфические свойства цифрового текста и доказывает, что цифровой текст является принципиально поликодовым. Его основа – объединение элементов гетерогенных знаковых систем для репрезентации доминантного авторского смысла и образование особых синкретических смыслов. Данная специфика возрастает вследствие активизации процесса образования новых знаков на технологической основе цифровой среды. Автор подчеркивает, что в многочисленных работах смешиваются текст как объект научного исследования и процессы деятельности индивида с текстом.

Ключевые слова: цифровой текст, существенные характеристики, дефиниция, поликодовый текст, гетерогенные семиотические системы

Для цитирования: Пищальникова В. А. Определение цифрового текста как методологическая проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6(861). С. 9–14. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_9

Original article

Definition of Digital Text as a Methodological Problem

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pishchalnikova@mail.ru

Abstract. The author analyzes specific characteristics of digital texts and proves that a digital text is a polycode text in principle. The basis of a digital text is integration of elements of heterogeneous sign systems for representation of the author's dominant meaning and formation of special syncretic meanings. This specificity increases due to activation of the process of new signs' formation; these new signs are formed on the technological basis of digital environment. The author underlines that text as the object of scientific research and processes of an individual's activities with text are often confused in numerous researches.

Keywords: digital text, essential characteristics, definition, polycode text, heterogeneous semiotic systems

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2022). Definition of digital text as a methodological problem. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 9–14. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_9

ВВЕДЕНИЕ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ ЦИФРОВОГО ТЕКСТА

Существование новых направлений современной отечественной лингвистики без четко сформулированных специфических характеристик главного объекта исследования – не редкость. Таково одно из направлений психолингвистики с методологически важнейшим, но неопределенным термином «языковое сознание», такова когнитивная лингвистика с безграничным и неуловимым «концептом», лингвокультурология с исследованием «отношений между языком» и вполне неопределенными «культурными концептами» и др.

Активно множасьщиеся сейчас разные лингвистические и смежные с языковедением направления – медиалингвистика, медиастилистика, медиакультура, медиаобразование и пр. – называют своим общим объектом медиатекст, но единого понимания специфических характеристик такого текста нет. При этом исследователи подчеркивают смежность своих научных направлений с другими, и тогда логично ожидать осознания того, что привносит в научную парадигму методология «смежников» и как привнесенное адаптируется к принимающей концепции. Осознание этого позволило бы более точно сформулировать признаки объекта того ли иного становящегося направления и, следовательно, способствовало бы установлению его оригинальности.

В этом смысле, если мы говорим о значимости исследуемого лингвистического объекта в жизни каждого современного носителя культуры и языка и если на специфике такого текста строятся новые концепции восприятия и понимания действительности человеком, важно установить особенности цифрового текста, как правило, включаемого в медиатекст. Однако общеизвестно, что словом *медиатекст* объединяются очень разные речевые произведения, «параллельные, взаимозаменяемые или пересекающиеся феномены – массово-коммуникативный текст, массмедийный текст, журналистский текст, публицистический текст, газетный текст, телетекст, рекламный текст, PR-текст, Интернет-текст и т. д.» [Казак, 2012, с.320]. И для того, чтобы претензии медиатекста на «статус базовой категории в медиалингвистике, медиастилистика, медиакультуре, медиаобразовании – новых направлениях лингвистической, философской, педагогической науки» [там же] – были аргументированы, необходимо основательно исследовать содержание его сущностных свойств, которые, по М.Ю. Казак, обусловлены, с одной стороны, развитием информационных технологий, с другой – осуществляемой на их основе «конвергенцией

средств массовой коммуникации» [Казак, 2012, с. 321]. Но даже весьма привлекательное определение медиатекста как «интегративного многоуровневого знака, объединяющего в единое коммуникативное целое разные семиотические коды» [Казак, 2012, с. 323] не может быть использовано в качестве операционального для конкретного анализа текстов, поскольку все выделяемые существенные свойства, во-первых, принципиально не подвергаются параметризации («медийность» (воплощение текста с помощью тех или иных медиасредств, его детерминация форматными и техническими возможностями канала), массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиaproдуктов), интегративность, или поликодовость, текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов), открытость текста» [Казак, 2012, с. 323]), во-вторых, имеют слишком общий характер и не реализуются в каких-либо моделях второго порядка, пригодных для спецификации конкретных текстов.

При этом «очевидно, что новые тексты предполагают также *новые способы чтения, репрезентации и концептуализации*. Можно предположить, что когнитивные механизмы, используемые при постраничном чтении вербального текста на материальном носителе, отличаются от тех, что задействованы индивидом при чтении гипертекстов в Интернете, а *репрезентация содержания поликодового вербально-рисуночного текста строится иначе, чем репрезентация содержания вербального текста*» [Сонин, 2005, с. 116] (курсив мой. – В. П.). Поэтому сама проблема определения цифрового (медиа) текста порождает несколько важных вопросов:

- Каковы особенности когнитивных механизмов восприятия и понимания цифровых текстов?
- Как осуществляется конвергенция семиотических систем в рамках одного текста, на каких ментальных основаниях?
- Как установить степень целесообразности таких текстов в коммуникативном цифровом пространстве?

Представляется, что наиболее существенным для теории медиатекста и определения его специфики остается второй вопрос, на который современные исследователи практически не отвечают, ограничиваясь декларациями наличия конвергенции знаковых гетерогенных систем в пространстве поликодового текста.

Количество исследований, выявляющих особенности «новых текстов», в том числе цифровых, велико. В них актуализируются разные аспекты проблемы определения цифрового текста,

выявляется специфика содержания текста, технологии репрезентации этого содержания, проблемы его восприятия и понимания, рассматриваются многочисленные результаты экспериментов с цифровым текстом, что, безусловно, приводит к необходимости теоретического осмысления его сущностных характеристик. Однако большее количество участников исследовательского процесса эти характеристики рефлексировать не всегда, предпочитая, как правило, относить к существенным свойствам наиболее часто отмечаемые в работах, при этом качество выделяемых параметров осмысливается редко, а «смежные» знания, которые могли бы помочь в их уточнении, методологически почти никогда не адаптируются к «медиапарадигме». Одновременно постоянно декларируется, что цифровой текст – это особый текст, специфическая «информационно-коммуникативная единица». На наш взгляд, скороспелые определения цифрового текста задерживают спецификацию научного направления, невозможную без базового терминологического аппарата и определения сущностных характеристик объекта исследования, и делает решение других многочисленных проблем, связанных с цифровым текстом, не вполне аргументированным. Называя цифровой текст поликодовым и подчеркивая своеобразие использования в нем различных знаковых систем, невозможно обойтись без обращения к тому, как это взаимодействие знаковых систем интерпретируется в семиотике, и не учитывать специфики глубинных ментальных процессов, реализующих такое взаимодействие. Трудно предположить, что при характеристике цифрового текста можно не учитывать достижения теории значения в разных ее концептуальных реализациях. И, конечно, невозможно говорить о восприятии и понимании «нового типа текста» без акцентирования психологической сущности речесмыслорождения и анализировать некие «новые культурные практики в пространстве цифровой культуры», не определив каждый из входящих в это словосочетание терминов. Словом, работы по исследованию цифрового текста изобилуют значительным количеством постулатов и деклараций, которые редко соотносятся с фундаментальными теориями «смежников» или с массивом их экспериментальных данных. Так, язык компьютерного интерфейса называется «новым культурным метаязыком», но при этом специфика его остается неопределенной; утверждается, что цифровые технологии изменяют язык культуры, но тенденции и закономерности такой трансформации не установлены, хотя наблюдения за отдельными изменениями осуществляются; как нечто очевидное рассматривается «изменение способов

обработки информации», однако серьезная нейрофизиологическая база под это утверждение не подводится. Что касается давнего, распространенного и кажущегося очевидным тезиса о деформации реальности в цифровом тексте и отношений человека с таким текстом, то он тоже, по сути, мало подкреплен серьезными исследованиями. Конечно, все эти вопросы стоят перед *становящимися*, развивающимися «медиапарадигмами», и их решение, требующее создания универсальных методов познания (междисциплинарности подхода), еще впереди, но тем не менее необходимо определить специфические и существенные характеристики объекта, который все медиапарадигмы признают доминирующим.

ТЕНДЕНЦИИ ИЗУЧЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ СВОЙСТВ ЦИФРОВОГО ТЕКСТА И ЕГО ДЕФИНИЦИЯ

Рассмотрим специфические свойства цифрового текста, которые обычно связываются с особенностями его *понимания*, что позволяет предполагать влияние этих свойств на процессы познания, на развитие новых когнитивных способностей человека как пользователя цифрового информационного пространства. Только определив эти свойства, мы можем обоснованно говорить о принципиально новом типе текста. Практически все исследователи отмечают свойство *гипертекстуальности*, и в последнее время все чаще повторяется мысль о том, что этот параметр текста обусловлен *технологией* представления текста, но не его структурно-содержательными особенностями, а в ряде работ уже поднимается вопрос о том, насколько технологические операции могут быть интерпретированы как отличительные параметры цифрового текста.

Акцентируем то, что лингвистическая традиция связывает выделение сущностных характеристик текста с особенностями представления содержания средствами естественного языка и ролью текста в коммуникации. Так, рассматривая текст как коммуникативное событие, В. Дресслер и Р.-А. де Богранд выделяют семь широко известных признаков текста: когезию; когерентность; интенциональность; воспринимаемость; информативность; ситуативность; интертекстуальность [Dressler, de Beaugrande, 1981]. Пытаясь определить специфику цифрового текста как текста определенного типа, исследователь может идти за этими (или иными известными) принципами выделения характерных текстовых свойств и 1) показать их трансформацию в цифровом тексте, 2) объяснить

их нерелевантность для него, 3) выделить новые особенные характеристики. В последнем случае важно учитывать имеющиеся сейчас данные смежных исследовательских парадигм, поскольку цифровой текст претендует на объектную междисциплинарность. Гипертекстовость практически никогда не рассматривается как специфическое содержание, детерминированное структурными особенностями цифрового текста, и тем большее недоумение вызывает интерпретация ее как *существенного свойства цифрового текста*. Гипертекстовость – это технологически реализованный путь присвоения содержания, как правило, учебного текста, заданный автором. И этот путь никак не изменяет эволюционную линейность восприятия текста: реципиент воспринимает выделенные автором вербальные смысловые блоки и отдельные языковые знаки только линейно, что обусловлено нейрофизиологически и аргументировано теоретически еще в работах Ф. де Соссюра. Поэтому гипертекстовость – это не специфический параметр цифрового текста как лингвистического объекта, а технология представления графического пространства текста, которая принципиально не меняет ни содержания текста, ни характера его восприятия и понимания. По фундаментально обоснованному научному убеждению психологов и психолингвистов, понимание является *принципиально вероятностным* процессом, и технология представления объекта, в том числе вербального текста, не может этого изменить.

Существует ряд параметров восприятия, которые исследуются экспериментально, например, скорость чтения экранного текста, однако существенные корреляции между скоростью чтения и *пониманием* текста как когнитивным процессом не установлены. Плюсы и минусы использования гипертекста в процессе обучения и вообще в получении информации широко обсуждаются; свою позицию по этому вопросу мы высказали в: [Пищальникова, 2021]. Дополнительно подчеркнем, что гипертекст направлен на редупликацию знания и имитацию способа его усвоения, поэтому не только не изменяет привычных операций понимания, но закрепляет шаблонные, способствующие пассивному присвоению знания. Едва ли можно считать специфическим свойством именно *цифрового* текста и интерактивность. Эта характеристика вербального текста вообще вычленяется давно и интерпретируется по-разному: от комментирования до смысловой и технологической трансформации текста, причем в последнее время, несмотря на отсутствие однозначного определения цифрового текста, упор делается именно на технологическое

взаимодействие человека и цифровых устройств. Но включение таких устройств в познание опять-таки не изменяет принципиальным образом сущность процесса понимания = смыслопорождения. Оно требует от субъекта умений применять технические операции, которые легко формируются при работе с компьютером. Цифровое информационное пространство предоставляет технические возможности для расширения пространственных и временных границ познания, но психофизиология познавательного процесса и его нейрофизиологическая база сущностно не изменяются, хотя, естественно постепенно накапливаемые под воздействием культурных факторов его модификации могут привести и к формированию каких-то принципиальных нейрофизиологических изменений. Интерактивность – это психическое свойство любой познавательной активности реципиента, интерпретирующего *всякий предмет деятельности*, в том числе текст, исходя из содержания своего сознания, – это свойство понимания как психического процесса, которое в цифровом тексте может получать дополнительные технические опоры (различные виды графем, шрифты, цветовое выделение, примечания, гиперссылки, выноски и пр., принципиально не меняющие сущности процесса понимания. Особым свойством цифрового текста признается также мультимодальность / поликодовость, хотя единства в понимании его сущности тоже нет: часть исследователей разделяет поликодовость и мультимодальность, часть интерпретирует их как синонимичные. Наиболее аргументированная точка зрения, разграничивающая эти понятия, основанная на серии экспериментов, предложена А. Г. Сониным: «Поликодовыми будут называться тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих – вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117] (курсив наш. – В. П.). В этом определении акцентируется, что поликодовый текст принципиально отличается намеренным и обязательным использованием компонентов гетерогенных знаковых систем для представления актуального авторского смысла. При этом мультимодальность понимается как психологическое свойство реципиента, располагающего нейрофизиологической способностью воспринимать и интерпретировать полученные данные о познаваемых объектах на основе объединения нескольких модусов восприятия. Именно это свойство позволяет реципиенту воспринимать текст как поликодовую структуру и порождать интегративные смыслы, которые

во многом зависят от функциональной нагрузки каждой модальности, что было установлено еще в 90-е гг. Р. Майером.

Преимущества поликодового текста с точки зрения понимания представляемой в нем информации постоянно акцентируются, но на деле измерение уровня понимания таких текстов – чрезвычайно сложная экспериментальная процедура, требующая серьезной теоретической аргументации, и в настоящее время она не является общепринятой. Так, А. Г. Сонин в свое время выделял три направления в исследовании понимания поликодовых текстов, которые существенно не изменились и сейчас: сравниваются вербальный текст и его иллюстрированная версия, две версии одного и того же вербального текста с разными иллюстрациями; выявляются различия во влиянии на реципиента каждой текстовой гетерогенной составляющей. Проведение экспериментов значительно осложняется необходимостью установления семантической эквивалентности семиотически гетерогенных текстов, адекватного семантике текстов тестирования и др. А. Г. Сонин отмечал также, что различия в скорости и качестве когнитивной обработки моно- и поликодовых текстов в экспериментах устанавливаются при изучении «действий испытуемых, производимых на основе полученной в тексте информации» [Сонин, 2005, с. 123] по-разному: на базе контрольных вербальных тестов на понимание и запоминание, по времени, затраченному на выполнение описанных в учебном тексте действий, при сравнении количества ошибок, допущенных в них и др. При этом экспериментальные данные не выявляют устойчивых однозначных тенденций понимания, например, из 371 «экспериментального сравнения между монокодовой вербальной и поликодовой иллюстрированной версиями результаты 134 сравнений свидетельствуют о лучшем понимании и запоминании иллюстрированных текстов по сравнению с монокодовой версией ... Лишь в пяти сравнениях обнаружено превосходство вербальной версии. Наконец, 232 сравнения не позволили установить значимых отличий в понимании текстов двух типов» [там же, с. 117]. Кроме того, времени на запоминание поликодового текста может уходить меньше, чем на запоминание собственно вербального текста, но при этом количество ошибок больше и пр. А. Г. Сонин строил свой обзор на анализе более чем 350 экспериментов; данные современных обзоров подтверждают его основные выводы. Очевидно, что технологическое акцентирование вербальных компонентов текста пиктографическими и иными средствами может приводить к более *однозначному* пониманию вследствие

двойного кодирования содержания, но важнее *осмысленное* понимание, при котором активная деятельность субъекта, выделяющая важные гетерогенные составляющие текста, соединяется с технологической организацией текста – только в этом случае возможна результативная интеграция вербальных и невербальных компонентов в мышлении человека. Но такие теоретически обоснованные утверждения еще не проясняют *механизмов взаимодействия ментальных моделей на основе составляющих разной семиотической модальности*, поскольку когнитивистика как не располагала в 90-е гг. и «концептуальным аппаратом, который позволял бы описывать аналогические ментальные структуры» [Denhière, Baudet, 1992, с. 137], так не располагает им и сейчас. А именно в объяснении сущности таких механизмов и коренится осознание специфичности цифрового поликодового текста. Поэтапное выявление этих механизмов требует системы проведения экспериментов, направленных на обнаружение специфических особенностей синкретичных смыслов, образуемых в результате восприятия и понимания поликодовых текстов. Пока же единство ученых проявляется лишь в одном – в признании опоры на разные когнитивные механизмы и стратегии в процессе цифрового чтения и чтения с листа [Лебедева, Веселовская, Купрещенко, 2020]. Но специфика этих когнитивных механизмов не определена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ свойств цифрового текста, теоретически представляемых в качестве существенных, показывает, что оснований для рассмотрения гипертекстуальности и интерактивности как специфических параметров собственно *цифрового* текста нет, поскольку существенными могут считаться отличительные параметры объекта, противопоставляющие его любым другим объектам и являющиеся структурообразующими. Цифровой текст принципиально строится как поликодовый, т. е. элементы различных знаковых систем становятся его неотъемлемым свойством. Авторская система соотношения гетерогенных компонентов, представляющих авторский смысл, осознается реципиентом в стохастическом процессе осмысления текста, функционально интегрирующем содержание его компонентов в синкретические смыслы. Такие процессы в целом не специфичны для мышления, однако специфично включение в процесс осознания все новых и новых знаков, в том числе и возникших в цифровой среде на основе новых технологий для представления культурно

релевантных значений как новых средств социального мышления (Л. С. Выготский). И это закономерно ведет к образованию новых паттернов активации, связанных со становлением и развитием нейрофизиологических операций, необходимых для эффективного понимания цифровых текстов и культурно детерминированных цифровыми технологиями [Пищальникова, 2021]. При выявлении специфических параметров цифрового текста следует разграничивать текст как объект

научного исследования и процессы деятельности индивида с текстом. Тогда различия между собственно характеристиками текста и характеристиками умственной деятельности, связанной с ним, акцентируются, а поликодовость как специфический принцип объединения знаков разных семиотических систем для репрезентации *синкретичного* доминантного смысла цифрового текста очевидно выявляется как его специфическая характеристика.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Лингвистика речи. Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г. Я. Солганика. Москва: Флинта, 2012. С. 320–334.
2. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
3. Dressler W. U., de Beaugrande R. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer, 1981.
4. Пищальникова В. А. Сущностные признаки цифрового текста // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. Вып. 2. С. 12–125.
5. Denhière G., Baudet S. Lecture, compréhension de textes et science cognitive. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.
6. Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. Вып. 4(46). С. 74–98. URL: pnojournal.wordpress.com/archive20/20-04/

REFERENCES

1. Kazak, M. Yu. (2012). The specifics of the modern media text. Lingvistika rechi. Mediastilistika (pp. 320–334): collective monograph, dedicated to the 80th anniversary of Professor G. Ya. Solganika. Moscow: Flinta. (In Russ.)
2. Sonin, A. G. (2005). Experimental study of polycode texts: main directions. Voprosy Jazykoznanija, 6, 115–123. (In Russ.)
3. Dressler, W. U., de Beaugrande, R. (1981). Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Niemeyer.
4. Pishchalnikova, V. A. (2021). Essential features of digital text. Pyatigorsk State University Bulletin, 2, 120–125. (In Russ.)
5. Denhière, G., Baudet, S. (1992). Lecture, compréhension de textes et science cognitive. Paris: Presses Universitaires de France.
6. Lebedeva, M. Yu., Veselovskaya, T. S., Kupreshchenko, O. F. (2020). Features of perception and understanding of digital texts: an interdisciplinary view. Perspectives of Science and Education, 4 (46), 74–98. pnojournal.wordpress.com/archive20/20-04 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolievna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Интерпретация динамического события в гетеросемиотических новостных сообщениях

О. В. Романенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

olga.romanenkos@yandex.ru

Аннотация. В статье разрабатывается процедура интерпретации динамических событий в гетеросемиотическом дискурсе интернет-новостей. Анализируются два типа события – событие₁, о котором повествуется в дискурсе новости, и событие₂, которое создается при взаимодействии текста и изображения. Результаты анализа эмпирического материала показали, что протекание события₂ стимулируется путем усиления динамических событий фиктивного движения текста событиями фактуального движения изображения, дублирования динамических событий текста и изображения, увеличения динамики события за счет кликабельности изображений.

Ключевые слова: дискурс интернет-новости, образ-схема, динамическое событие, гетеросемиотический дискурс, событие в дискурсе

Для цитирования: Романенко О. В. Интерпретация динамического события в гетеросемиотических новостных сообщениях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6(861). С. 15–22. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_15

Original article

Interpretation of Dynamic Events in Heterosemiotic News Items

Olga V. Romanenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

olga.romanenkos@yandex.ru

Abstract. In the paper, we develop the interpretation procedure of dynamic events in heterosemiotic Internet news discourse. We consider two types of events, Event₁ which describes the news contents, and Event₂ which describes the integration of semiotic components, text and image. The results show that the dynamics of Event₂ in the Internet news is enhanced by the intensification of dynamicity in the image schemas of fictive motion in the textual component via factive motion image schemas in the image, in the reduplication of dynamic image schemas in both text and image, and in the intensification of image dynamicity via its clickable character.

Keywords: Internet news discourse, image schema, dynamic event, heterosemiotic discourse, event in discourse

For citation: Romanenko, O. V. (2022). Interpretation of dynamic events in heterosemiotic news items. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 15–22. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_15

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье разрабатывается процедура интерпретации динамических событий в компонентах гетеросемиотического новостного интернет-дискурса (заголовок и лид, изображение). Как известно, прагматика новостного дискурса определяется не только содержанием самой новости, но и тем, с помощью каких каналов и семиотических компонентов она транслируется [van Dijk, 1985; Cotter, 2010]. В качестве основной категории, формирующей дискурс интернет-новости, мы рассмотрим категорию события [van Dijk, 1995; Hart, 2014; Киосе, 2021]. Типы событий, динамические и нединамические, в настоящей работе исследуются с опорой на типы образ-схем, под которыми понимаются когнитивные модели действительности, характеризующиеся движением или изменением или, напротив, отсутствием движения [Talmy, 2000]. Сложность анализа событий интернет-новостей заключается в том, что данный тип гетеросемиотического дискурса формируется с участием по меньшей мере двух типов событий – события, которое транслируется семиотическими компонентами дискурса, и события, которое создается при интегративном участии этих компонентов. Разграничение двух данных типов события и разработка интерпретационной процедуры их анализа с опорой на типологию динамических образ-схем является целью настоящей работы. Гипотетически формирование динамического гетеросемиотического дискурса интернет-новости происходит за счет дублирования динамических образ-схем его компонентов, текстового компонента и изображения.

МЕТОДОЛОГИЯ, МАТЕРИАЛ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, дискурс интернет-новости формируется с участием двух основных типов компонентов, текстовых компонентов и изображения. Основные текстовые компоненты интернет-новости включают в себя заголовок (headline) и аннотацию новостной статьи (лид, lead), которые Т. А. ван Дейк определяет как саммари (summary), или краткое изложение новости, информационную сводку, за которой следуют такие компоненты, как новые события (new events), предшествующие события (previous events), контекст (context), комментарий (commentary) [van Dijk, 2009]. Помимо основных компонентов интернет-новости выделяются строки, имеющие скорее технический характер и содержащие информацию о тематической

принадлежности новости, дате и месте публикации, наличии исправлений [Технология новостей от Интерфакса, 2011]. Новости также могут включать в себя строку с именем автора [van Dijk, 2009]. Помимо вербального компонента, текст интернет-новости содержит невербальные компоненты, такие как статические изображения и видео. Изображение как компонент новостной интернет-статьи наряду с заголовком и аннотацией выполняет ряд функций, например, информативную, иллюстративную, уточняющую. Статическое или динамическое изображение играет значимую роль и всё чаще включается в состав компонентов дискурса [Ковалева, 2017], что, по нашему наблюдению, служит его динамизирующим фактором.

Такие дискурсы в литературе называются поликодовыми, если в ходе анализа основной акцент делается на типы кодов культуры или коды коммуникации [Якобсон, 1975; Лотман, 2004; Степанова, 2012]; креолизованными, если исследуются типы связности компонентов [Сорокин, Тарасов, 1990; Анисимова, 1996; Анисимова 2003]; поли- или мультимодальными, если объектами анализа становятся социальные или коммуникативные функции семиотических систем или модальностей [van Leeuwen 2005; Kress, 2010]. В настоящей работе в ходе анализа дискурса интернет-новостей и описания его комплексной семиотической структуры, мы будем использовать термин «гетеросемиотический дискурс», подразумевая то, что он формируется с участием компонентов нескольких семиотических систем, транслирующих содержание одних и те же когнитивно-коммуникативных категорий [Киосе, 2021]. В качестве основной категории, формирующей гетеросемиотический дискурс интернет-новости, мы рассмотрим категорию события [van Dijk, 1995; Hart, 2014; Киосе, 2021]. При изучении типов событий мы опираемся на типологию образ-схем, предложенную Л. Талми [Talmy, 2000]. Так, ориентируясь на роли компонентов, Л. Талми устанавливает ряд основных типов образ-схем, например, [MOVE], [FICTIVE MOTION], [MOVE+GROUND], [MOVE+PATH], [MOVE+MANNER], [MOTION-EVENT + CO-EVENT], которые позволяют описывать характер динамических событий в гетеросемиотическом дискурсе. Материалом исследования в данной работе являются 33 новостные интернет-статьи, отобранные на 11 сайтах российских интернет-изданий информагентств «Интерфакс», «РИА Новости», «РосБизнесКонсалтинг», интернет-издания и порталы «РТ на русском», «Лента.ру» и «Newsru.com», газеты «Комсомольская правда», «Известия», «Аргументы и факты», телевизионного канала «Первый канал», а также

сайтов новостной телевизионной передачи «Вести» и радиостанции «Вести FM». На первом этапе работы был выполнен отбор 50 опубликованных в 2001, 2006, 2011, 2016, 2021 годах русскоязычных интернет-новостей на темы «выборы» и «голосование» в количестве десяти на каждый из указанных годов. На втором этапе из 50 новостных интернет-статей были выделены отвечающие следующему критерию: наличие заголовка, изображения и аннотации (лид). В итоге были проанализированы 33 новостные интернет-статьи, опубликованные в 2001, 2006, 2011, 2016, 2021 годах. Среди них оказалось наибольшее количество новостей, опубликованных в 2021 году (все 10 новостей). Не ставя целью данной статьи количественно-диахронический анализ, отметим, что в более ранние временные периоды не все интернет-новости отвечали данному критерию (по пять в 2001 и 2006 годах, шесть в 2011 году и семь в 2016 году). Количественные вариации по годам могут быть связаны с важностью для освещения того или иного события в социокультурном контексте, соответственно изображение чаще всего сопровождает новость, которая выступает как отчетливо резонансная. Однако максимальная представленность изображений в новостях 2021 года также может быть обусловлена возрастающей ролью изображений в гетеросемиотических дискурсах, что, как мы предполагаем, связано с тенденцией к динамизации дискурса интернет-новостей.

Анализ отобранных новостных интернет-статей включал три этапа. На первых двух этапах был выделен состав образ-схем динамических событий в дискурсе, а именно компонентов интернет-новостей, условно обозначаемых как *событие*₁. Состав образ-схем события₁ выполнен с опорой на классификацию образ-схем Л. Талми. На первом этапе работы выявлены образ-схемы событий в текстовых компонентах (заголовке и аннотации). Состав образ-схем устанавливался при помощи сегментации сложных предложений линейного дискурса интернет-новости на простые предложения и дальнейшего определения типов схем. На втором этапе определены образ-схемы событий в заглавных изображениях. Выделение состава образ-схем изображений включало в себя определение количества событий в изображениях, определение участников, субъектов каждого из событий, их сориентированность по отношению к друг другу, а также по отношению к предметам, объектам в событии. В рамках третьего этапа произведен интерпретационный анализ динамических событий в *событии*₂, которое мы понимаем как событие, возникающее во взаимодействии компонентов *событий*₁.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ДИНАМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

С целью демонстрации первого этапа процедуры исследования приведем примеры образ-схемы (по Л. Талми) в рассматриваемых текстовых компонентах. Динамическая схема [DYNAMIC] в отличие от статической схемы [STATIC] характеризуется наличием фактического движения [FACTIVE MOTION] или некоторого изменения фиктивного характера, если событие подразумевает изменение состояния, в некоторых случаях метафоричность [FICTIVE MOTION]. Рассмотрим следующий заголовок интернет-новости (1) *Премьер Турции вручил президенту прошение об отставке правительства*¹. В данном примере мы наблюдаем наличие динамической схемы [DYNAMIC], которая также характеризуется фактуальностью [FACTIVE MOTION]. Движение MOVE получает дальнейшую детализацию. В примере (1) в *вручил президенту* реализуется схема [MOVE + PATH], так как упоминается направление действия. Схема [MOVE+GROUND] детализирует место действия, как в (2) *В США началось голосование выборщиков*². Здесь движение подразумевает смену состояния, характеризуется фиктивностью [DYNAMIC] [FICTIVE MOTION] и имеет указание места, в котором действие происходит [MOVE+GROUND], при этом данное событие является единичным и не сопровождается дополнительным или второстепенным событием [MOTION-EVENT]. Наличие образа действия описывается схемой [MOVE + MANNER]. Рассмотрим следующий заголовок (3), где наречие образа действия *незаконно* является маркером [MANNER]: *Трамп: на выборах миллионы человек проголосовали незаконно*³. В данном примере присутствуют два события, а именно в *Трамп* (имеется в виду *Трамп говорит*): [DYNAMIC] [FACTIVE MOTION] [MOVE] и в прямой речи *на выборах миллионы человек проголосовали незаконно* [DYNAMIC] [FACTIVE MOTION] [MOVE + GROUND] [MOVE + MANNER] [MOTION CO-EVENT].

Продemonстрируем второй этап процедуры анализа, в ходе которого были выявлены образ-схемы событий в заглавных изображениях интернет-новостей. Для этого обратимся к рисункам 1 и 2.

На рисунке 1 определяется одно событие [MOTION EVENT], а также один участник, находящийся в кабинете [GROUND], запечатленный в момент

¹ URL: <https://ria.ru/20110614/388345346.html>

² URL: https://aif.ru/politics/world/v_ssha_nachalos_golosovanie_vyborshchikov

³ URL: <https://www.vesti.ru/article/1513138>

Рис. 1. Пример 1 динамической схемы
(<https://www.vesti.ru/article/1513138>)

Рис. 2. Пример 2 динамической схемы
(<https://www.rbc.ru/society/29/11/2021/61a43f559a794757c640ec04>)

Рис. 3. Пример 1 события фиктивного движения, включающего со-бытие
(<https://www.vesti.ru/hitech/article/2610424>)

Рис. 4. Пример 2 события нефиктивного движения, включающего со-событие
(<https://m.lenta.ru/news/2006/07/10/mexico/amp/>)

речи [FACTIVE MOTION], обращенный в сторону [PATH], с определенным эмоциональным выражением [MANNER]. Таким образом, схема события на рисунке 1 строится следующим образом: [DYNAMIC] [FACTIVE MOTION] [MOVE + PATH] [MOVE + MANNER] [MOVE + GROUND] [MOTION EVENT]. Рассмотрим событие на рисунке 2. Как видим, участники находятся в кабинете [MOVE + GROUND]; они объединены одним делом, следовательно, на изображении представлено одно событие [MOTION EVENT]. Фокус внимания в событии направлен в центр, так как участники передают бумаги в центр стола, что описывает фактуальный тип движения. С другой стороны, действия участников могут интерпретироваться как рассмотрение протоколов, что соответствует фиктивному типу движения. В связи с этим возникает сложность в определении степени фиктивности действия в событии. При возникновении подобных сложностей приоритетным для нас становится фактуальное, нефиктивное движение. Таким образом, схема события на рисунке 2 определяется нами как динамическая, движение или действие в которой характеризуется фактуальностью, направленностью, локализованностью: [DYNAMIC] [FACTIVE] [MOVE + PATH] [MOVE + GROUND] [MOTION EVENT]. Рассмотрим иной пример (см. рис. 3 и 4).

Попадающее в фокус действие на рисунке 3 интерпретируется как фиктивное, так как на экране заметно нечто похожее на новостную ленту, которую человек просматривает в поезде метро. Человек держит палец над экраном, но движение «нажатия на экран» отсутствует. На данном рисунке мы также видим статичное со-событие, а именно сидящих в метро людей. Таким образом, схема определяемая в событии₁ на рисунке 3 строится следующим образом: [DYNAMIC] [FICTIVE] [MOVE + PATH] [MOVE + GROUND] [MOTION EVENT + CO-EVENT] [STATIC]. Сходная ситуация наблюдается на Рис. 4, однако в данном случае событие является фактуальным. Кандидат просматривает листы и с недовольством поджимает губы (фактуальное движение), на его фоне демонстрируется статическое изображение мужчины, возможно, охранника. Образ-схема, отражающая событие₁ на рисунке 4, представлена следующим образом: [DYNAMIC] [FACTIVE] [MOVE + PATH] [MOVE + MANNER] [MOVE+GROUND] [MOTION CO-EVENT] [STATIC].

Рассмотрим особенности события₁ на рисунках 5 и 6.

На рисунке 5 мы можем выделить несколько событий, каждое из которых имеет динамический характер, однако степень фиктивности и нефиктивности движения в событиях варьируется. Т. Блэр

Рис. 5. Пример 1 динамических событий
(<https://m.lenta.ru/news/2001/06/07/britain/>)

Рис. 6. Пример 2 динамических событий
(<https://ria.ru/20210926/germaniya-1751847490.html>)

в толпе сторонников улыбается и использует жест (большой палец вверх), который указывает на то, что он доволен результатами выборов и поддержкой, оказанной его сторонниками. Схема для первого события на изображении выстраивается следующая: [DYNAMIC] [FACTIVE] [MOVE + PATH] [MOVE + MANNER] [MOVE + GROUND] [MOTION CO-EVENT]. Во втором событии данного изображения мы видим уже двух главных участников. Приобняв Т. Блэра за плечо, женщина эмоционально целует его в щеку (прищурившись и вытянув губы) [DYNAMIC] [FACTIVE] [MOVE + PATH] [MOVE + MANNER] [MOVE + GROUND] [MOTION CO-EVENT]. Третье событие изображения является фоновым: сторонники Т. Блэра улыбаются: [DYNAMIC] [FACTIVE] [MOVE + MANNER] [MOVE + GROUND] [MOTION CO-EVENT]. В данном примере Т. Блэр оказывается в центре событий, движение других участников направлено на него. При этом происходит «наложение», интеграция нескольких динамических схем события₁, таким образом динамика события₂ возрастает.

На рисунке 6 мы видим двух участников: женщину-избирателя в маске и мужчину, который работает на избирательном участке. Двое участников сориентированы не по отношению к друг к другу, а к избирательной урне. В данном случае определяются два события, при этом событие, где женщина голосует, будет центральным. Третье событие изображения включает текстовый компонент. При «нажатии» на изображение для его увеличения, появляется надпись, дублирующая содержание событий в изображении основного события, а именно *Женщина голосует на одном из избирательных участков в Берлине во время парламентских выборов в Германии*. Схема событий₁ в изображении и надписи одинакова [DYNAMIC] [FACTIVE]

Рис. 7–8. Примеры статических и динамических событий
(<https://ria.ru/20161108/1480860718.html>)

[MOVE + PATH] [MOVE + GROUND] [MOTION + CO-EVENT], однако со-события [MOTION + CO-EVENT] различаются. Различия в компонентах события определяются наличием *голосовать* [MOVE] в надписи и *бросать бюллетень в урну для голосования* в изображении [MOVE + PATH].

Рассмотрим иные возможности формирования события₂ на рисунках 7 и 8.

При анализе событий заглавного изображения мы столкнулись с тем, что изображения часто характеризуются большей плотностью событий, чем текст, который они сопровождают. Это в особенности проявляется в кликабельных заглавных фотографиях, которые могут содержать галерею из нескольких фото. Динамика событий при этом стимулируется при помощи вовлечения динамической активности читателя. На рисунках 7 и 8 события₁ в тексте характеризуются слабой динамикой, однако динамика усиливается за счет смены событий в кликабельном изображении. В ходе анализа установлено, что динамизация события₂ также может происходить за счет взаимодействия фактуальных образ-схем в изображении с образ-схемами фиктивного движения в текстовом компоненте. На рисунке 9 фактуальная образ-схема дополняет схему фиктивного движения в заголовке интернет-новости: *Данные экзит-полов в Германии отдали победу социал-демократам и ХДС/ХСС*. Необходимо также отметить, что фото имеет надпись, которая служит отдельным событием и детализирует событие со схемой [MOVE + GROUND].

На рисунке 10 представлено изображение, сопровождающее заголовок *Предварительные результаты выборов в США: Трамп побеждает Хиллари*. На изображении мы видим коллаж из двух фотографий двух основных соперников на американских президентских выборах 2016 года, о которых идет речь в заголовке. Кандидаты, участвующие в выборах, предстают на коллаже на фоне флага США [GROUND]. Отсутствие взаимодействия между двумя участниками слева и справа на изображении позволяет говорить о двух отдельных событиях. Маркеры, которые говорят о динамическом характере изображения, включают жесты и мимику участников событий: Д. Трамп широко улыбается [DYNAMIC FACTIVE MOVE+MANNER MOVE + GROUND MOTION CO-EVENT], в то время как Х. Клинтон сжала губы и прикоснулась рукой к подбородку в напряжении [DYNAMIC FACTIVE MOVE+MANNER MOVE + GROUND MOTION CO-EVENT]. Динамическое событие в заголовке *Трамп побеждает Хиллари* [DYNAMIC FICTIVE MOVE MOTION EVENT] сопровождается динамическими событиями изображения. Манера действия [MOVE+MANNER], отсутствующая в заголовке и аннотации новостной интернет-статьи, динамический характер событий₁ и фактуальность движения способствует повышению динамики события₂. Таким образом, в ходе анализа обнаружен ряд способов повышения динамического характера события, формирующегося с участием событий₁

Рис. 10. Пример динамических событий
(<https://www.kp.ru/daily/26603.1/3620788/>)

Рис. 9. Пример динамических событий
(<https://www.interfax.ru/world/793657>)

текстового компонента и изображения. К ним относятся 1) усиление динамических событий фиктивного движения в тексте событиями фактуального движения в изображении, 2) дублирование динамических событий текста и изображения с расширением их динамических характеристик в изображениях, 3) увеличение динамики события за счет кликабельности изображений. Отсутствие данных средств и способов динамизации (как на рис. 10) может свидетельствовать о том, что внимание читателя привлекается к каким-либо компонентам события (участникам, объектам), а не к реализуемому действию, фактуальному или фиктивному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе предпринята попытка применить теорию динамических образ-схем, разработанную Л. Талми для анализа текста, к анализу гетеросемиотических единств текста и изображения в материалах новостных интернет-новостей. Предложена процедура интерпретации динамических событий в гетеросемиотическом

дискурсе интернет-новостей, которая включает три этапа: 1) установление состава образ-схем динамических событий₁ в текстовом компоненте дискурса; 2) установление состава образ-схем динамических событий в изображении; 3) интерпретационный анализ динамических событий₂ во

взаимодействии событий₁ текста и изображения. В ходе анализа гетеросемиотических образцов дискурса интернет-новостей выявлены способы динамизации события, которые используются в современных изданиях для привлечения и удерживания внимания читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. van Dijk T. A. Structures of News in the Press Discourse and Communication. New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Ed. by: Teun A. van Dijk. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1985.
2. Cotter C. News Talk. Investigating the Language of Journalism. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2010. P. 24–26.
3. van Dijk T. A. Discourse Analysis as Ideology Analysis // Language & Peace. London: Routledge, 1995.
4. Hart Ch. Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives. London: Bloomsbury, 2014.
5. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р. Валент, 2021.
6. Talmy L. Toward cognitive semantics: in 2 vols. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. Vol. 1: Concept structuring systems. Vol. 2: Typology and process in concept structuring.
7. van Dijk T. A. News, Discourse, Ideology // Handbook of Journalism Studies. New York: Routledge, 2009. P. 191–204.
8. Герасимов В. В., Ромов Р. Б., Новиков А. А. и др. Технология новостей от Интерфакса: учебное пособие для студентов вузов / под ред. Ю. А. Погорелого. М.: Аспект Пресс, 2011.
9. Ковалева Л. А. Место и роль фотоизображений в современных методах передачи информации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. №3 (25). С. 193–197.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / сокр. пер. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
11. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004.
12. Степанова Н. И. Коды культуры: семиотический и культурологический аспекты // Идеи и идеалы. 2012. № 1 (11). Т. 2. С. 130–136.
13. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
14. Анисимова Е. Е. О целостности и связности креолизованного текста (к постановке проблемы) // Филологические науки. 1996. №5. С. 74–85.
15. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М.: Academia, 2003. С. 17–29.
16. Van Leeuwen T. Introducing social semiotics. London: Routledge, 2005.
17. Kress G. Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. London: Routledge, 2010.

REFERENCES

1. van Dijk, T. A. (1985). Structures of News in the Press. Discourse and Communication. New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication. Teun A. van Dijk (ed.), Berlin; New York: W. de Gruyter.
2. Cotter, C. (2010). News Talk. Investigating the Language of Journalism. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 24–26.
3. van Dijk, T. A. (1995). Discourse Analysis as Ideology Analysis. Language & Peace. London: Routledge.
4. Hart, Ch. (2014). Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives. London: Bloomsbury.
5. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretatsii teksta i izobrazheniya. Konstruirovaniye i okulograficheskij e'ksperiment = Secrets of interpretation of text and image. Construal and oculographic experiment. Moscow: R.Valent. (In Russ.)
6. Talmy, L. (2000). Toward cognitive semantics: in 2 vols. Cambridge, MA: MIT Press. Volume 1: Concept Structuring Systems. Volume 2: Typology and Process in Concept Structuring.
7. van Dijk, T. A. (2009). News, discourse, ideology. Handbook of journalism studies (pp. 191–204). New York: Routledge.
8. Gerasimov, V. V., Romov, R. B., Novikov, A. A. et al. (2011). Tekhnologiya novostej ot Interfaksa = News technologies of Interfax, ed. by Yu. A. Pogorelyj. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
9. Kovaleva, L. A. (2017). Place and role of photos in a modern data transfer methods. Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya, 3(25), 193–197. (In Russ.)
10. Jacobson, R. (1975). Lingvistika i poetika = Linguistics and poetics. Strukturalizm: «za» i «protiv» (pp. 193–230). Moscow: Progress. (In Russ.)
11. Lotman, Yu. M. (2004). Semiosfera. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)

12. Stepanova, N. I. (2012). Codes of culture: semiotic and cultural aspects. *Idei I idealy*, 2, 1(11), 130–136. (In Russ.)
13. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). *Kreolizirovannye teksty I ikh kommunikativnaya funktsiya* = Creolized texts and communicative functions. Optimization of speech effects, Moscow: Nauka, 180–186. (In Russ.)
14. Anisimova, E. E. (1996). O tselostnosti i svyaznosti kreolizirovannogo teksta (k postanovke problem) = On integrity and coherence of creolized text (to the problem). *Fililogicheskie nauki*, 5, 74–85. (In Russ.)
15. Anisimova, E. E. (2003). *Lingvistika teksta I mezhkul'turnaya kommunikatsiya* = Linguistics of text and intercultural communication. Moscow: Academia. (In Russ.)
16. van Leeuwen, T. (2005). *Introducing social semiotics*. London: Routledge.
17. Kress, G. (2010). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романенко Ольга Васильевна

преподаватель кафедры второго иностранного языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanenko Olga Vasilievna

Lecturer, Department of Second Foreign Languages,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Полимодальная метафора как дискурсивная практика в видеорекламе

Чжан Лиюань

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

zlysybil922@gmail.com

Аннотация. В данной работе полимодальная метафора, реализующаяся на уровнях языка, динамического изображения, музыкального и звукового сопровождения, рассматривается как дискурсивная практика рекламы, ориентированной на внешний и внутренний рынок. На материале китайских и российских рекламных видеороликов (реклама шоколада) устанавливаются типы метафорических моделей и их проекций. Определяется роль каждого из трех уровней в реализации метафорических моделей и их проекций с учетом характера адресации рекламы.

Ключевые слова: концептуальная метафора, полимодальная метафора, дискурсивная практика, метафорическая модель, метафорическая проекция, рекламный видеоролик

Для цитирования: Чжан Лиюань. Полимодальная метафора как дискурсивная практика в видеорекламе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 23–30. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_23

Original article

Multimodal Metaphor as a Discourse Practice in Video Advertising

Chzhan Liyuan'

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

zlysybil922@gmail.com

Abstract. In the present study, we explore the multimodal metaphor appearing in language, dynamic image, music and sound as a type of discourse practice which displays differences depending on whether the advertisement is oriented on home or foreign market. Featuring Chinese and Russian video advertisements of chocolate we identify the types of metaphoric models and their correspondences. We also study the role of language, dynamic image, music and sound in the metaphoric models and their correspondences with reference to advertisements orientation.

Keywords: conceptual metaphor, multimodal metaphor, discourse practice, metaphoric model, metaphoric correspondence, video advertising

For citation: Chzhan Liyuan'. Multimodal metaphor as a discourse practice in video advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 23–30. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_23

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие полимодальная метафора как один из типов концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980; Grady, 2007], реализующейся посредством нескольких семиотических или коммуникативных модальностей [Forceville, Urios-Aparisi, 2009; Голубкова, Таймур, 2020; Киосе, 2021], стала одним из важных объектов анализа дискурса. Так, метафорические модели соотносятся с теми или иными дискурсивными установками, культурными ценностями, коммуникативными функциями; в то же время выбор той или иной семиотической или коммуникативной модальности (например, языка или изображения) для реализации данных моделей также свидетельствует о ее значимости для формирования рекламного дискурса. В настоящей работе полимодальная концептуальная метафора рассматривается как дискурсивная практика, организующая процесс производства рекламы. Данное положение развивается с опорой на уровневую теорию критического анализа дискурса Н. Фэркло [Fairclough, 1993; Fairclough 1995], согласно которой анализ коммуникативно-дискурсивного события включает анализ собственно текстового компонента, дискурсивных практик, социальных и социокультурных практик. Полимодальная концептуальная метафора как дискурсивная практика производства рекламы зависит от социальных и социокультурных практик, которые диктуют выбор тех или иных метафорических моделей и их проекций. Данные модели и проекции оформляются средствами языка, динамического изображения и музыкального сопровождения. В настоящем исследовании на материале полимодальных концептуальных метафор, представляющих область знания ШОКОЛАД, выявляются типы метафорических моделей и их проекций, определяемые социокультурными практиками Китая и России.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В теории критического анализа дискурса, разработанной Н. Фэркло применительно к текстовому материалу, дискурсивное событие понимается как «случай использования языка, подвергающийся анализу в аспекте самого текста, дискурсивных практик и социальных практик» [Fairclough, 1993, с. 138]¹. Исходя из данного определения события, Н. Фэркло проводит процедуру его анализа как

трехчастную, включающую в себя анализ 1) структурно-семантических характеристик коммуникативной или семиотической системы (например, текста), 2) дискурсивных практик, регламентирующих прагматическую и коммуникативную направленность этой системы, 3) социальных и социокультурных практик, определяющих функционирование данной системы. Социальные и социокультурные практики при этом определяют организацию дискурса в целом («order of discourse») и формируют его как особую социальную и институциональную сферу. В настоящем исследовании такой сферой является сфера рекламной деятельности. Практика производства рекламы определяется, во-первых, прагматическими установками рекламы в целом [Паршин, 2000; Олянич, 2011], во-вторых, ее установкой на полимодальную реализацию [Kress, Van Leeuwen, 2001; Lim Fei, 2007], в-третьих, социальной установкой на трансляцию культурных ценностей и стереотипов [Умеренкова, 2016]. Как известно, с помощью рекламы пропагандируются определенные этнокультурные ценности [Цзоу, Новопасская, 2021].

Одним из значимых видов дискурсивных практик является метафорическая модель [Баранов, 2004], реализующаяся в рекламном дискурсе с помощью полимодальной концептуальной метафоры. Согласно теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson, 1980], метафорическая модель включает сферы источника и мишени (цели), между которыми устанавливается ряд концептуальных проекций. Например, метафора ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ КОРАБЛЬ раскрывается в проекциях «курс корабля есть историческое развитие государства», «море, пересекаемое судном, есть обстоятельство, с которым сталкивается государство» [Grady, 2007, с. 190]. Концептуальная метафора как вид дискурсивной практики применяется и для анализа этнокультурных ценностей в рекламе, в том числе ценностей российской и китайской культуры [Чудинов, 2004; 张玉, 2011]. В настоящей работе концептуальная метафора рассматривается как полимодальная. Она реализуется в рекламе на трех уровнях: на уровне языка, динамического изображения (видеоряд) и музыкального сопровождения (звуковой ряд). Таким образом, в соответствии с моделью Н. Фэркло первым объектом анализа являются структурно-семантические свойства каждого из уровней, вторым – типы метафорических моделей и их проекций (они относятся к сфере дискурса), третьим – типы транслируемых в социуме ценностей (они относятся к социальной сфере; их анализ невозможен без учета их национально-культурного характера).

¹ Точная цитата: «...instance of language use, analyzed as text, discursive practice, and social practice».

Вслед за М.Данези к языковым (риторическим) характеристикам рекламного дискурса мы относим использование слоганов (*I'm lovin'it*), форм императива (*Just do it*), риторических формул (*A Volkswagen is a Volkswagen*), аллитерации (*Guinness is good for you*), а также снижение роли собственно языкового компонента и введение намеренной недосказанности (*Don't tell your friends about...*) [Danesi, 2015]. К характеристикам изображений и музыкального сопровождения мы относим типы объектов (в том числе, музыкальных объектов) и их функции в дискурсе [Kress, Van Leeuwen, 2001; Lim Fei, 2007].

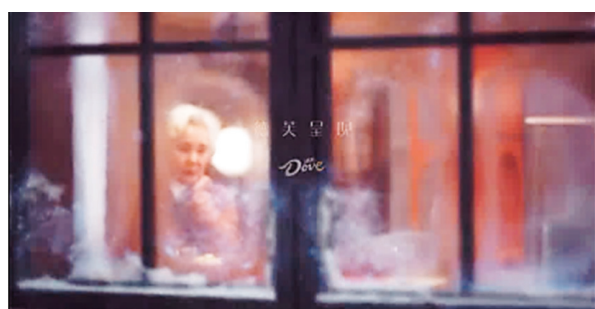
Материалом анализа являются рекламирующие шоколад ролики китайских, российских и европейских брендов, ориентированные на трансляцию этнокультурных и «универсальных» (здесь транслирующих ценности обеих культур) видов ценностей. Цель анализа состоит в выявлении роли и типов метафорических моделей в трансляции разных видов ценностей с учетом полимодальной природы концептуальной метафоры. Гипотеза, положенная в основу исследования, заключается в том, что тип бренда и его ориентированность на внутренний или внешний рынок могут определять выбор метафорической модели, «универсальной», или эксплуатирующей «универсальную» сферу-источник, и национально-специфической, а также выбор характеристики ее реализации на каждом из трех уровней (язык, изображение, музыкальное сопровождение). Процедура анализа

включает в себя следующие этапы: 1) отбор рекламных роликов, демонстрирующих 3 типа бренда (исконный китайский бренд, исконный российский бренд и европейский бренд; 2) установление ведущей метафорической модели; 3) определение национально-культурной специфики пространства-источника метафоры и, соответственно, типа метафорической проекции как ориентированной на трансляцию национальных или «универсальных» ценностей; 4) выявление характеристик языка, изображения, музыкального сопровождения, реализующих данную проекцию; 5) контрастный анализ метафорических моделей, проекций и характеристик их реализации в российских и китайских рекламных роликах.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Для анализа отобрано 20 роликов; из них 6 роликов представляют исконный российский бренд шоколада, 2 ролика – исконный китайский, 8 роликов – европейские бренды, ориентированные на китайский рынок, 4 ролика – европейские бренды, ориентированные на российский рынок. Продолжительность роликов составляет от 20 сек. до 2 мин. 59 сек. Анализ проводится на трех уровнях: язык, изображение, музыкальное сопровождение.

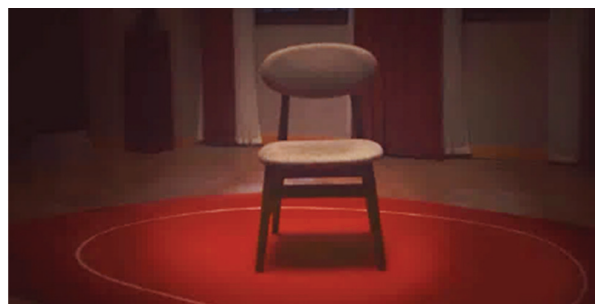
Приведем пример анализа цепочки кадров рекламного ролика (см. рис. 1).

а

б

в

г

Рис. 1 (а–г). Скриншоты кадров рекламного ролика шоколада «Dove»

(https://m.weibo.cn/status/4717872964436762?sourceType=weixin&from=10C3295010&wm=9006_2001)

д

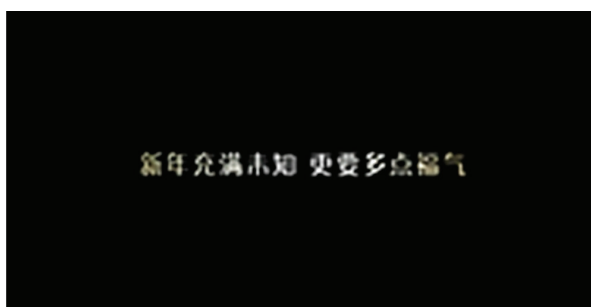
з

е

и

ж

Рис. 1 (д–и). Скриншоты кадров рекламного ролика шоколада «Dove»

(https://m.weibo.cn/status/4717872964436762?sourceType=weixin&from=10C3295010&wm=9006_2001)

В рекламе американского шоколадного бренда «Dove» 德芙 «笑来运转年年得福» рассказывается о том, что пожилая женщина была расстроена разлукой с внуком: в новогоднюю ночь ее внук, работающий врачом, не мог вернуться домой, так как дежурил в больнице во время эпидемии. За семейным чаепитием, во время которого все угощаются шоколадом, с внуком связываются по мобильному телефону; это доставляет радость бабушке и внучке. Основные объекты визуального ряда изображения: 1) дом, который мы наблюдаем сначала извне как зрители (а), далее перспектива меняется и «встраивает» зрителя в состав членов семьи (как бы внутрь дома), 2) члены семьи, бабушка, девочка и внук, 3) рекламный продукт (шоколад). Метафорическая проекция «одиночество и грусть есть отсутствие члена семьи» реализуется визуально путем демонстрации стула (пустого), расположенного в центре комнаты (б). Эта проекция подкрепляется вербально с помощью реплики диктора, выраженной риторической формулой «致敬春节不能回家的你» (выражение уважения к тем, кто не может вернуться домой во время праздника Весны),

и в музыкальном сопровождении (звучит грустная мелодия) (в). Метафорическая проекция «радость есть встреча с близким» реализуется визуально (г), дополнительно транслируются приветственные реплики участников сцены. При этом данная проекция сопровождается еще одной проекцией «угощаться шоколадом в праздник есть ощущать радость и счастье» (д, е), которая подкрепляется вербально, а именно, риторическими репликами «新年充满未知·更要多点福气» (Новый год полон много неизвестного, поэтому нужно побольше удачи) и «笑来运转·年年得福» (При этом Шоколад это удача или счастье. Здесь заменяется иероглиф «福» омофоном «笑» в слогане «福来运转» «Наступило счастье» «福», «судьба повернулась к нам лицом») (ж–и). Таким образом, с помощью трех последовательно представленных проекций «одиночество и грусть есть отсутствие члена семьи», «угощаться шоколадом в праздник есть ощущать радость и счастье» и «радость есть встреча с близким» в рекламном ролике реализуется полимодальная концептуальная метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ РАДОСТЬ ОТ ВСТРЕЧИ С БЛИЗКИМИ – Музыкальный ряд (вначале грустная, потом приятная и радостная мелодия) здесь играет вспомогательную роль, однако он стимулирует реализацию указанных проекций. Актуализация источника метафоры происходит, в первую очередь, за счет речи, однако она подкрепляется изображением.

Музыкальное сопровождение не вводит новые метафорические проекции, но способствует их активации. Реализуемая метафора европейского бренда основана на «универсальных» культурных ценностях.

В рекламе другого европейского (итальянского) бренда «Ferrero Rocher» 月亮里的诗 реализуется та же метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ РАДОСТЬ ОТ ВСТРЕЧИ С БЛИЗКИМИ, однако она создается с участием иной проекции «шоколад есть луна» (см. рис. 2).

Рис. 2. Фрагмент видеоряда рекламы бренда «Ferrero Rocher»

(https://m.weibo.cn/status/459358785557964?sourceType=weixin&from=10C3295010&wm=9006_2001)

Как известно, луна имеет особое значение в традиционной китайской культуре. Так, например, круглая луна символизирует воссоединение семьи. Данная проекция подкрепляется вербальным рядом: используется фрагмент из прецедентного стихотворения 明月几时有 («Когда же явилась, над миром сияя, луна?..») известного поэта Су Ши династии Сун. Стихотворение повествует о боли поэта, который во время праздника середины осени находится далеко от дома и не может воссоединиться со своей семьей. В той же метафоре, которая фигурировала в предыдущем примере рекламного текста, используется иная проекция: ее источник является не «универсальным», а культурно (национально) специфическим.

Таким образом, существуют две возможности реализации «универсальных» метафор – эксплуатирование метафорических проекций,

задействующих «универсальные» и национально-специфические источники. В иных рекламных роликах европейского бренда шоколада «Ferrero Rocher», ориентированных на российского и китайского потребителя (здесь не приводятся), эксплуатируется «универсальная» метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ УСПЕХ. Она раскрывается проекцией «успех есть взятие новой высоты»: достижение новой высоты является сферой-источником в обеих культурах. Однако более частотным является использование национально-специфических источников проекций «универсальной» метафоры. Так, в рекламе «Hershey's» задействована «универсальная» метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ. Одной из ее проекций выступает «фея дворца династии Тан есть поставщик / продавец шоколада», эксплуатирующая традиционный национальный символ (см. рис. 3).

Рис. 3 (а–в). Визуальный ряд рекламы бренда «Hershey's»

(https://m.weibo.cn/status/459358785557964?sourceType=weixin&from=10C3295010&wm=9006_2001)

Данная проекция реализуется совместно с проекцией «доставлять шоколад есть приносить радость», она поддерживается звуковым рядом, смехом героев видеоряда.

Далее рассмотрим особенности формирования полимодальных метафор при помощи национальных брендов. В ролике, рекламирующем национальный бренд шоколада Китая «Нофань», ведущую роль играют звуковое

и музыкальное сопровождение, а также визуальный ряд (см. рис. 4).

Визуальный ряд рекламы представляет горную местность северо-западного Китая и Дуньхуан, древний исторический и культурный город, храм буддийского искусства (а). Город известен как «оазис в пустыне» и «западная жемчужина», он является туристическим центром на древнем Шелковом пути. На кадрах демонстрируются

Рис. 4. Визуальный ряд рекламы бренда «Нифань»

(https://m.weibo.cn/status/4718980227400106?sourceType=weixin&from=10C3295010&wm=9006_2001)

дуньхуанские фрески и рукописи (б). Звуковой ряд включает в себя шум рыхлых комьев, шум ветра, пение трудящихся, звук переворачиваемых страниц. Визуальный и звуковой ряд способствуют построению метафорической проекции «шоколад есть национальная история». Риторическая формула 寻梦敦煌 (искать мечту в Дуньхуане) реализует метафорическую проекцию «история есть моя мечта». Таким образом, в рекламе данного национального бренда шоколада используется метафора, построенная на источнике (не источнике проекции, а источнике метафорической модели в целом), носящем национально-культурный характер, ШОКОЛАД ЕСТЬ ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ СБЫВАЕТСЯ. При этом активно задействованы

все три уровня дискурса. Сходная реализация метафорической модели, источник которой является национально специфическим, наблюдается и в рекламе российского шоколада бренда «Вдохновение» (см. рис. 5). За счет ряда метафорических проекций, выраженных визуальными средствами «балет есть искусство», «искусство есть вдохновение», «пробовать шоколад есть ощущать вдохновение» (а–б), создается метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ ВДОХНОВЕНИЕ, которая дополнительно поддерживается музыкальным сопровождением (звучит фрагмент оперы «La diosa fredda»), визуальном-вербальным рядом (название бренда, введение символа российского балета – здания Большого театра) (в) и рекламным слоганом.

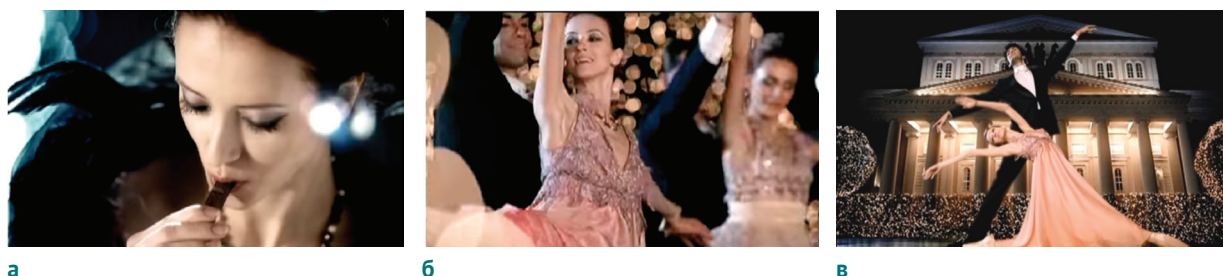

Рис. 5. Визуальный ряд рекламы бренда Вдохновение

(<https://www.youtube.com/watch?v=xEH1H8xw-IY>)

Таким образом, бренды, ориентированные на внутренний рынок, могут актуализировать метафорические модели, построенные на национально-культурных сферах-источниках. Однако в ходе анализа обнаружены и случаи использования «универсальных» метафор. Например, в рекламе шоколада «Алёнка» эксплуатируется «универсальная» метафора ШОКОЛАД ЕСТЬ РАДОСТЬ. По сюжету семья находит бездомных кошек и покупает корову, чтобы их кормить, однако корова убегает в лес, и чтобы накормить кошек, Алёнка использует молочный шоколад (см. рис. 6).

Полагаем, что использование «универсальной» метафоры обусловлено тем, что бренд ориентирован на потребителей-детей; хотя

и в этом случае присутствует ряд проекций с источниками национально-культурного характера, например, «встреча семьи есть традиционное чаепитие». В рекламе ведущую роль играет звуковой ряд, который включает в себя использование слогана, рифмовки и аллитерации, риторических формул.

Таким образом, национальные бренды используют обе возможности построения полимодальной концептуальной метафоры: введение национально-специфических метафорических моделей и введение метафорических проекций с национальными сферами-источниками.

В целом, результаты исследования показывают, что тип бренда и его ориентированность на внутренний или внешний рынок определяют

Рис. 6. Фрагмент видеоряда рекламы бренда «Алёнка»
(<https://www.youtube.com/watch?v=lkupmXcNCxY>)

не только выбор метафорической модели и характеристики ее реализации на каждом из трех уровней реализации, но и выбор метафорической проекции. Так, эксплуатируя «универсальную» метафору, европейские бренды часто обращены к метафорическим проекциям с национально-специфическими источниками. В то же время национальные бренды могут опираться на национальный источник при построении всей метафорической модели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании с опорой на концепцию Н. Фэркло анализируется роль полимодальной концептуальной метафоры в трансляции социальных практик на определенных уровнях рекламного дискурса (языка, изображения и музыкально-звукового сопровождения). Гипотеза, положенная в основу исследования и состоящая в том, что рекламные бренды, ориентированные на внешний рынок, могут определять метафорические модели с «универсальной» сферой-источником, а рекламные бренды, ориентированные на внутренний рынок – с национально-культурной сферой-источником, подтвердилась лишь частично. В ходе исследования были выявлены значительные различия между отдельными метафорическими проекциями; при этом наибольшая вариативность в выборе типов метафорических моделей и их проекций была обнаружена в национальных брендах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago University Press: Chicago, 1980.
2. Grady J. *Metaphor* // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 188–212.
3. Forceville Ch. J., Urios-Aparisi E. *Multimodal Metaphor*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2009.
4. Голубкова Е. Е., Таймур М. П. Вербально-графическая метафора: рецепты успешного приготовления // *Когнитивные исследования языка*. 2020. Вып. 41. С. 385–389.
5. Киосе М. И. *Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент*. М.: Р-Валент, 2021.
6. Fairclough N. *Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities* // *Discourse Society*. 1993. Vol. 4. P. 122–169.
7. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. New York: Longman, 1995.
8. Паршин П. Б. *Речевое воздействие: основные сферы и разновидности* // *Рекламный текст. Семиотика и лингвистика*. М.: Изд. дом Гребенникова, 2000. С. 55–73.
9. Олянич А. В. *Рекламный дискурс и его конститутивные признаки* // *Рекламный дискурс и рекламный текст*. М.: Флинта, 2011. С. 10–37.
10. Kress G., Van Leeuwen T. *Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication*. London: Arnold, 2001.
11. Lim Fei V. *The visual semantics stratum: making meaning in sequential images* // *New directions in the analysis of multimodal discourse* / ed. by T. D. Royce, W. L. Bowcher. Lawrence Erlbaum, Mahwah, 2007. P. 195–213.
12. Умеренкова А. В. *Рекламный текст как средство формирования национальной идентичности* // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2016. Вып. 4 (23). С. 114–120.
13. Цзоу Х., Новоспаская Н. В. *Классификация элементов лингвокультурологической информации в поликодовом тексте печатной рекламы на материале русского и китайского языков* // *Litera*. 2021. Вып. 2. С. 1–10.
14. Баранов А. Н. *Метафорические модели как дискурсивные практики* // *Изв. Рос. АН. Сер. лит. и яз.* 2004. Т. 63, №1. С. 33–43.
15. Чудинов А. П. *Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ* // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: уч. пособие*. М.: Издательство Московского университета, 2004. Ч. 2. С. 175–197.
16. 张玉. 英汉广告语中隐喻蕴含的中西文化价值观[J]. 商品与质量 = Zhang Yu. Чжан Ю. Китайские и западные культурные ценности в метафорах на английских и китайских рекламных слоганах // *Commodities and Quality*. 2011. Issue 6. P. 182–183.
17. Danesi M. *Advertising discourse* // *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction* / ed. by K. Tracy. London: John Wiley & Sons, 2015. Accessed at: <https://onlinelibrary.wiley.com>

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago University Press: Chicago.
2. Grady, J. (2007). Metaphor. In D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.), *The Oxford handbook of cognitive linguistics* (pp. 188–212). Oxford: Oxford University Press.
3. Forceville, Ch. J., Urios-Aparisi, E. (2009). *Multimodal metaphor*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton.
4. Golubkova, E. E., Taimur, M. P. (2020). Verbal'no-graficheskaya metafora: recepty uspehnogo prigotovleniya = Verbal-graphic metaphor: the recipes of successful cookery. *Cognitive studies of language*, 41, 385–389. (In Russ.)
5. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretacii teksta i izobrazheniya. Konstruirovaniye i okulograficheskij eksperiment = Secrets of interpretation of text and image. Construal and oculographic experiment. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
6. Fairclough, N. (1993). Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: The universities. *Discourse Society*, 4, 122–169.
7. Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language*. New York: Longman.
8. Parshin, P. B. (2000). Rechevoe vozdejstvie: osnovnye sfery i raznovidnosti = Speech effects: basic spheres and types. In *Advertising text. Semiotics and linguistics* (pp. 55–73). Moscow: Publishing house of Grebennikov. (In Russ.)
9. Olianich, A. V. (2011). Reklamnyj diskurs i ego konstitutivnye priznaki = Advertising discourse and its constituents. *Advertising discourse and advertisements* (pp. 10–37). Moscow: Flinta. (In Russ.)
10. Kress, G., van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal discourse. The modes and media of contemporary communication*. London: Arnold.
11. Lim Fei, V. (2007). The visual semantics stratum: making meaning in sequential images. In T. D. Royce, W. L. Bowcher (eds.), *New directions in the analysis of multimodal discourse* (pp. 195–213). Lawrence Erlbaum, Mahwah.
12. Umerenkova, A. V. (2016). Reklamnyj tekst kak sredstvo formirovaniya nacional'noj identichnosti = Advertising text as a means of national identity formation. *Theory of language and intercultural communication*, 4(23), 114–120. (In Russ.)
13. Tzou, K., Novospasskaya, N. V. (2021). Classification of elements of linguocultural information in multi-code advertisement text in Russian and Chinese. *Litera*, 2, 1–10. (In Russ.)
14. Baranov, A. N. (2004). Metaphoric models as discourse practices. *Izvestia of Russian Academy of Sciences. Literature and Languages*, 63, 33–43. (In Russ.)
15. Chudinov, A. P. (2004). Kognitivno-diskursivnoe issledovanie metafory v tekstah SMI = Cognitive-discourse study of metaphor in Media texts. *Media language as an object of study* (part 2, pp. 175–197). Moscow: MSU editorial house. (In Russ.)
16. 张玉. 英汉广告语中隐喻蕴含的中西文化价值观[J]. 商品与质量 = Zhang, Yu. (2011). Chinese and Western cultural values contained by metaphors in English and Chinese advertising slogans. *Commodities and Quality*, 6, 182–183.
17. Danesi, M. (2015). Advertising discourse. In K. Tracy (ed.), *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. London: John Wiley & Sons. <https://onlinelibrary.wiley.com>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Лиюань

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Liyuan

Post-graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Реконтекстуализация новостной информации в веб-порталах: типы структурных модификаций

Юань Минцин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

1257736939@qq.com

Аннотация. В работе выявляются типы структурных модификаций веб-порталов, возникновение которых связано с реконтекстуализацией или трансфером информации в новый контекст, культурный и социальный. С применением метода полимодального критического дискурса-анализа реконструируются иерархические модели китайских и российских новостных веб-порталов. Результаты анализа определяют основу для дальнейшего исследования реконтекстуализации в функционально-семиотическом и дискурсивно-прагматическом аспектах.

Ключевые слова: реконтекстуализация, полимодальный критический дискурс-анализ, веб-портал, новостной веб-сайт, структура веб-портала, иерархическая модель веб-портала

Для цитирования: Юань Минцин. Реконтекстуализация новостной информации в веб-порталах: типы структурных модификаций // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 31–39. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_31

Original article

Recontextualization of News Information in Web-portals: Types of Structural Modifications

Yuan Mingqing

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

1257736939@qq.com

Abstract. The article explores the types of structural modifications in web-portals which result from recontextualization or information transfer into a new context, social or cultural. Multimodal critical discourse analysis serves to build hierarchical web-portal models in Chinese and Russian official news web-portals. The results of the analysis lay the foundation for further research of recontextualization in news web-portals in functional semiotic and discourse pragmatic aspects.

Keywords: recontextualization, multimodal critical discourse analysis, web-portal, news website, web-portal structure, hierarchical web-portal model

For citation: Yuan, Mingqing. (2022). Recontextualization of news information in web-portals: types of structural modifications. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 31–39. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_31

ВВЕДЕНИЕ

В современных исследованиях дискурса ведущими направлениями являются Критический дискурс-анализ (CDA) и Мультимодальный (полимодальный) дискурс-анализ (MDA). Как известно, CDA (реализуемый научными школами Т. ван Дейка, Н. Фэркло, Р. Водак и др.) направлен на установление дискурсивных практик и стратегий, используемых для экспликации власти и идеологии. MDA (развиваемый в научных школах Г. Кресса, Т. ван Левена, К. О'Халлоран) исследует информационную структуру разных семиотических модальностей (язык, изображения, жесты, музыка и т. п.) и их функции с опорой на положения работ М. Халлидея. В последнее десятилетие на фоне того, что полимодальность стала «нормальным состоянием человеческого общения» [Kress, 2010], наметилась тенденция интеграции полимодального анализа дискурса и критического дискурс-анализа, основу которой составляет опора на методы системно-функционального (структурного, функционального и прагматического) описания семиотических модальностей. Одним из центральных тезисов полимодального критического дискурс-анализа (MCDA) является тезис о реконтекстуализации, или трансфере информации в новый контекст, культурный и социальный [Wu, Huang, Zheng, 2016]. Исследование особенностей реконтекстуализации в разных социокультурных контекстах, например, в разных семиотических модальностях, в полимодальных источниках, ориентированных на разных адресатов, сформированных в рамках разных типов дискурса, позволяет установить критерии и типы модификаций в структуре, содержании и функциях полимодальных систем. В настоящем исследовании анализу подвергается феномен реконтекстуализации новостной информации в веб-порталах ведущих новостных изданий, ориентированных на разные национальные культуры. Как известно, веб-сайт, представляющий веб-портал, является одним из наиболее актуальных объектов полимодального анализа [Zhang, O'Halloran, 2012]. Он исследуется в аспекте структуры и дизайна [Callahan, 2005] и функций отдельных семиотических модальностей [Zhang, O'Halloran, 2012; Luc, 2012]. Цель работы заключается в установлении критериев и типов модификаций структуры веб-порталов при сохранении ими общего содержания новостной информации. Данное исследование является первым этапом реализации комплексного полимодального критического дискурс-анализа; его вторым этапом станет анализ функционально-семиотических и дискурсивно-прагматических модификаций, который позволит представить реконтекстуализацию как системное и уровневое явление.

Гипотеза, положенная в основу исследования, заключается в том, что модификации в структуре новостных веб-порталов определяются их национально-культурной ориентированностью. К анализу привлекаются китайские и российские веб-порталы ведущих информационных агентств (официальные источники). В ходе анализа реконструируются иерархические модели китайских и российских новостных веб-порталов сайтов, определяются сходства и различия в представлении новостной информации и формулируются основные критерии и типы модификаций.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем исследовании разрабатывается процедура полимодального критического дискурс-анализа (MCDA) применительно к веб-порталам. Данный метод только начинает получать развитие в лингвистике, при этом исследования ведутся в двух направлениях (различие состоит в выборе основной задачи анализа) – это критико-полимодальный дискурс-анализ [Djonov, Zhao, 2014; Djonov, van Leeuwen, 2018] и полимодальный критический дискурс-анализ [Machin, 2013; Ledin, Machin, 2019]. Вслед за [Djonov, van Leeuwen, 2018; Bateman, 2019] мы полагаем, что MCDA может обеспечить методологическую поддержку эмпирическим исследованиям полимодального дискурса, в которых акцент делается не только на описание функций разных семиотических модальностей (как в MDA), но и на установление дискурсивно-прагматических особенностей их реализации (как в CDA). Еще в конце прошлого века ученые предположили, что CDA может быть привлечен для анализа полимодальных систем [Fairclough, 1992], однако такой интегративный подход пока только развивает свой инструментарий и методологическую базу [Jewitt, 2016]. Решение данной задачи невозможно без привлечения материалов, ориентированных на трансляцию сходной информации, но осуществляемой полимодальными источниками разного типа и семиотической структуры. В связи с этим в полимодальных исследованиях в последнее время появляется интерес к феномену реконтекстуализации. Так, в работе [Wu, Huang, Zheng, 2016] реконтекстуализация изучается применительно к медиадискурсу; авторы устанавливают типы модификаций информации в отношении судебных дел, представленной разными источниками.

Изучение реконтекстуализации подразумевает выявление двух типов модификаций: модификаций в структуре полимодальных систем и в их

функционально-семиотической и дискурсивно-прагматической организации. В данной работе реализуется первый этап исследования, нацеленный на установление модификаций в структуре полимодальных систем; реконтекстуализация изучается на материале веб-порталов, которые являются важным каналом транслирования информации, выражения мнений, оказания влияния на частных лиц, на компании и различные организации. Веб-портал – это виртуальная площадка, реализуемая веб-сайтом с приложениями, структура и содержание которой отвечает ее функциональной направленности. Он представляет собой особый тип веб-страницы, характеризующийся интертекстуальностью, гипертекстовым характером и семиотической полимодальностью. Веб-портал знакомит пользователей с общим содержанием сайта, демонстрируя информацию в виде блоков или разделов, интегрирующих визуальную и вербально представленную информацию, и позволяет организовать маршрут движения по сайту с помощью навигаций и гиперссылок. В MCDA анализу подвергается семиотическая организация пространства портала на предмет характера интегрирования модальностей и типов ориентации на пользователей [Baldry, Thibault, 2006]. Также предметом анализа становится процесс Смыслообразования, осуществляемый с помощью семиотических ресурсов на портале [Callahan, 2005; Zhang, O'Halloran, 2012; 王炜琳, 2019].

В связи с тем, что в работе предметом анализа являются типы модификаций в структуре веб-порталов, автор также обратился к исследованиям, выполняемым вне MCDA, но посвященным дизайну веб-порталов. Так, анализируя портал веб-сайта Банка Китая и США, Жэнь Боян обобщил средства, используемые для выделения различных компонентов самого портала веб-сайта банка¹. Чжао Цзюин провел контрастивный анализ дизайна порталов на предмет его «линейности»². Так, он определил, что структура сайта МИД Китая более линейная, нежели структура официального сайта Госдепартамента США. При анализе порталов Ван Вейлинь (2019) предложил рассматривать в их дизайне 3 функциональные области: верхнюю, центральную и нижнюю. Верхняя функциональная область в основном используется для навигации по веб-сайту и для поиска; центральная

функциональная область включает в себя текстовые блоки, блоки изображений и разрешает навигацию; нижняя часть в основном представляет гиперссылки на соответствующие веб-страницы. Материалом исследования являются 10 новостных веб-порталов, в том числе пять российских центральных новостных веб-порталов («Аргументы и факты», «Ведомости», «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета») и пять китайских аналогичных новостных веб-порталов («Гуанмин», «Жэньминь», «Синьхуа», «Китай», «Chinanews»). При разработке иерархических моделей структуры веб-порталов мы ориентировались на пространственное расположение блоков информации как определяющее семантику информационного сообщения, а также на трехчастное представление блоков [王炜琳, 2019]. Объектами анализа стали новостные ленты данных веб-порталов, появившиеся с 1 февраля по 31 марта 2022 года. Модели реконструируются как иерархические образования, включающие в себя три основных блока и их компоненты. Контрастивный анализ данных моделей позволил выявить типы их модификаций и сформулировать критерии, «управляющие» данными модификациями.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В ходе анализа были реконструированы 10 иерархических моделей структуры веб-порталов. На рисунке 1 приведем модели, разработанные для российских изданий. Все модели включают три блока: верхний, средний и нижний. В целом, именно средний блок является информационно более насыщенным по составу компонентов, однако наблюдается и определенная вариативность в распределении информации в верхнем и среднем блоках. На новостных веб-порталах верхний блок обычно содержит логотипы веб-сайтов, меню, рубрики веб-сайта и вход в аккаунт, предоставляет справочные услуги и ключевую информацию о веб-сайте. Нижний блок новостных веб-порталов относительно прост и содержит меньше информации; в основном, это информация о сайте и контактная информация. В связи с быстрым развитием социальных сетей контактная информация, представленная в нижней части новостных порталов, включает в себя не только адрес электронной почты, адрес агентства, номер телефона, номер факса, но и информацию об учетной записи новостных веб-сайтов в основных социальных сетях, которая является эффективным способом расширить каналы распространения и аудиторию.

¹ 任柏洋. 中美银行网站主页特征对比分析. 黑龙江大学 = Рен Баян. Сравнительный анализ жанровых характеристик китайских и американских банковских порталов. Хэйлунцзянский университет, 2015.

² 赵九营. 中国外交部和美国国务院官网主页的多模态话语分析. Чжао Цзюин. Полимодальный дискурсивный анализ официального сайта МИД КНР и Госдепартамента США. Пекинский университет Цзяотун, 2017.

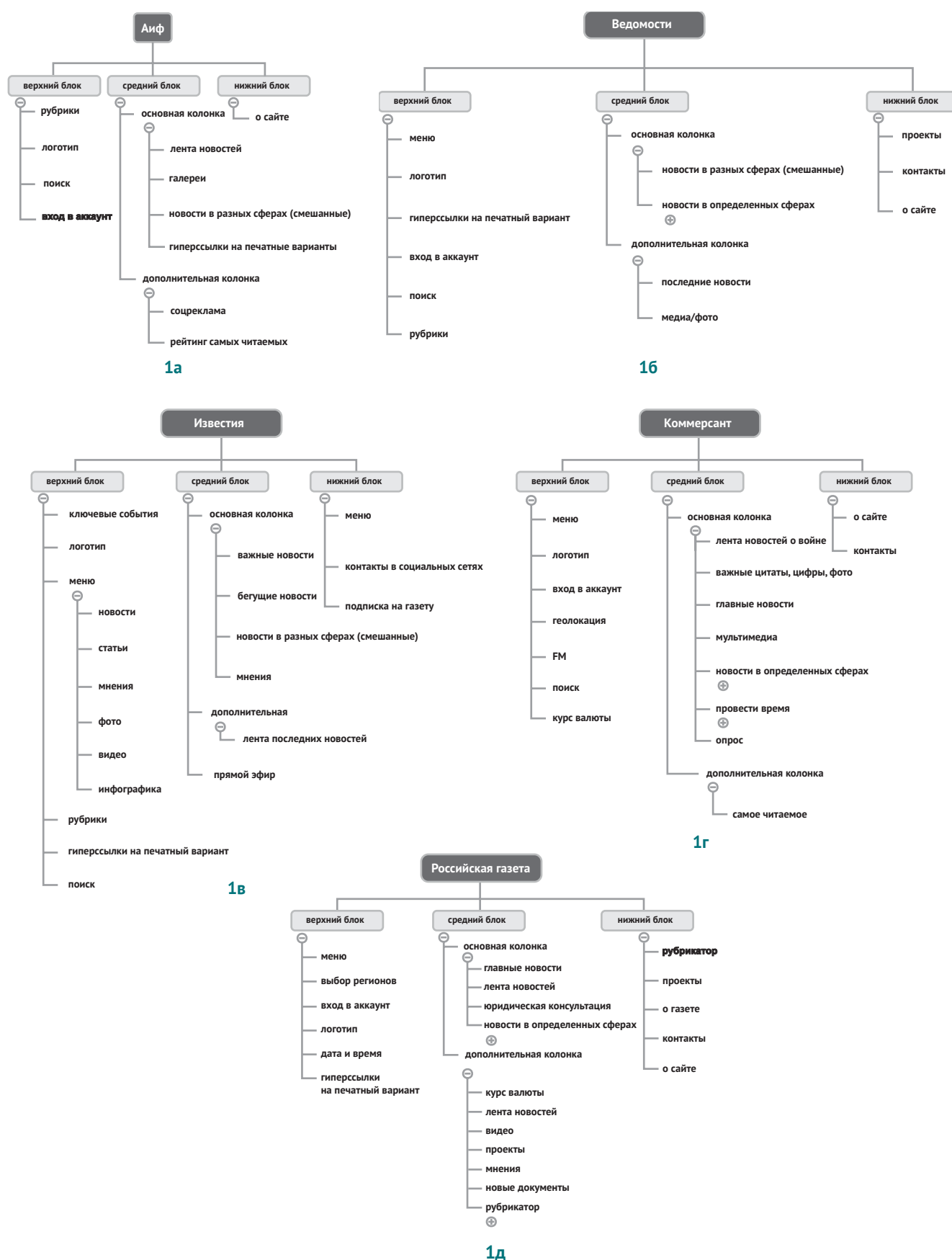

Рис. 1 (а–д). Иерархические структурные модели российских веб-порталов

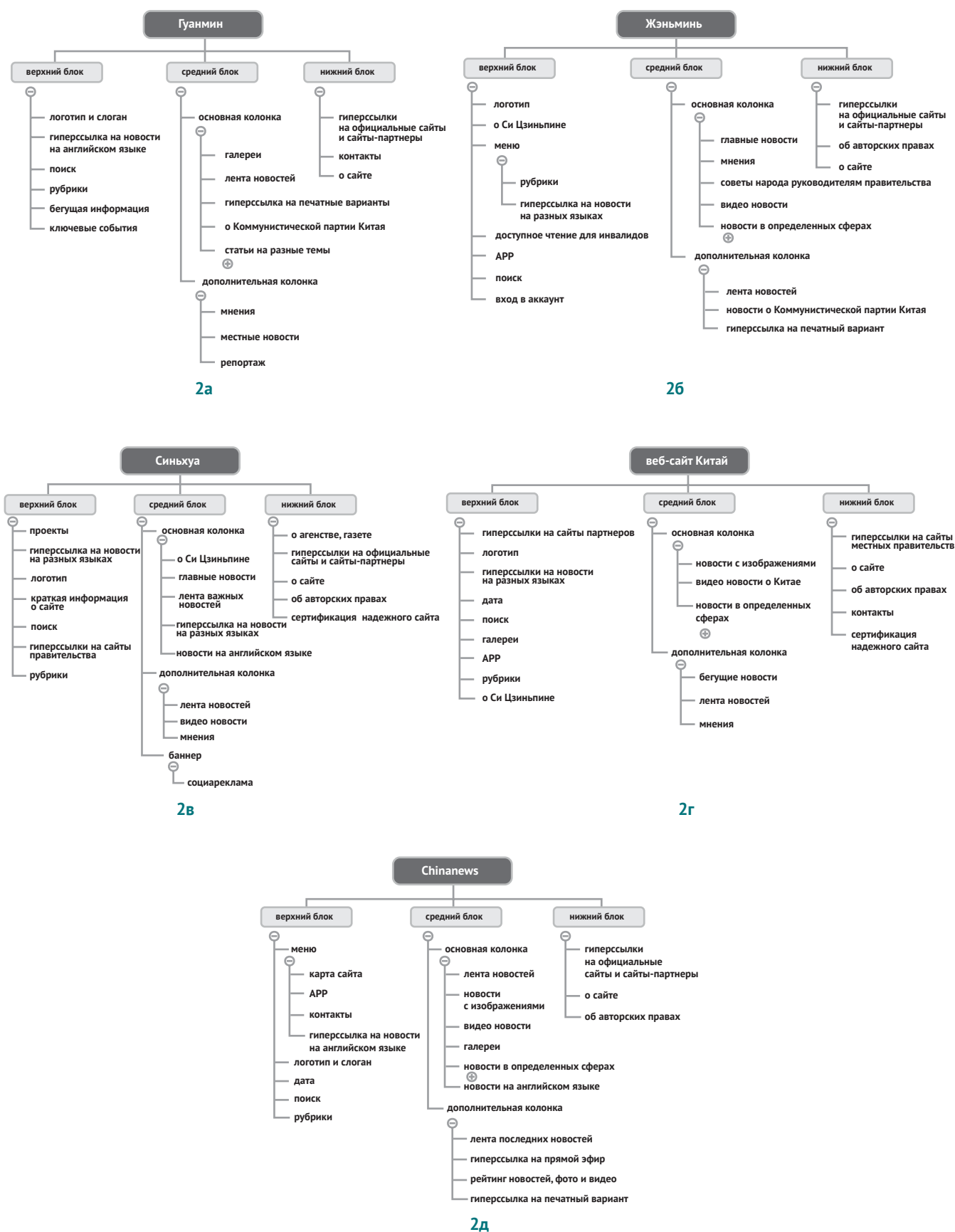

Рис. 2 (а–д). Иерархические структурные модели китайских веб-порталов

На некоторых новостных порталах нижний блок веб-сайта также имеет дополнительную навигацию, например веб-портал «Известия». Средний блок является основной частью новостных веб-порталов, именно эта часть представляет важнейший элемент новостных веб-сайтов – сами новости. Средний блок обычно можно разделить на две части, представленные в основной и дополнительной колонках (см. рис. 1). Основная колонка веб-портала чаще расположена в середине страницы, дополнительная колонка может быть разделена на две части: левая и правая. В основной колонке используется более широкий набор символов, чем в дополнительной. Модель 1г («Коммерсант») включает в себя значительно больше компонентов, нежели модель 1а («Аргументы и факты»). Так, в верхнем блоке модель 1г предоставляет такие услуги, как геолокация и курс валюты, доступ к местным новостям. При анализе структуры средних блоков модели 1а и модели 1г мы обнаружили, что модель 1г имеет большую детализацию и в самих сферах новостей, которые включают в себя 12 их типов: экономику, политику, мир, бизнес, финансы, потребительский рынок, телекоммуникацию, новости компаний, общество, происшествия, культуру и спорт. Среди них бизнес, потребительский рынок и телекоммуникации являются «уникальными» сферами, встречающимися только на данном веб-сайте. Появление «уникальных» новостных сфер свидетельствует о том, что веб-портал имеет аудиторию с разными запросами и интересами, позиционирует себя особым образом. Кроме того, «Коммерсант» содержит также компонент «Провести время», что соответствует потребностям аудитории с разными требованиями и интересами. Следует отметить, что веб-сайт «Коммерсант» содержит раздел социального опроса в основной колонке, вероятно, для стимулирования интерактивности новостного сайта. Помимо «Коммерсанта» веб-порталы «Российская газета» и «Известия» также имеют специальные разделы для новостей, распределенных по тематическим группам. Так, «Российская газета» создала в основной колонке специальный раздел с юридическими консультациями, а «Известия» добавили на веб-страницу гиперссылку на прямой эфир.

Далее рассмотрим иерархические модели структуры веб-порталов китайских изданий (см. рис. 2). Верхние и нижние блоки порталов китайских новостных сайтов содержат больше компонентов, нежели верхние и нижние блоки порталов российских новостных сайтов.

В нижнем блоке порталов в дополнение к контактной информации китайские новостные веб-сайты также содержат заявления об авторских

правах, документы о сертификации веб-сайтов, гиперссылки на официальные правительственные веб-сайты и сайты-партнеры. Количество гиперссылок на их веб-страницы достаточно велико, из рассмотренных пяти сайтов самое большое их количество обнаружено на веб-сайте «Жэньминь» (60 гиперссылок), за ним следует веб-сайт «Синьхуа» (46 гиперссылок). В дополнение к обычным логотипам, слоганам, полям поиска, меню и рубрикам, находящимся в верхнем блоке порталов российских новостных сайтов, китайские новостные порталы содержат гиперссылки на новости на разных языках, контактную информацию агентства, информацию о APP, доступ к чтению для людей с ограниченными возможностями, другую информацию и услуги; при этом ссылки на вход в аккаунт встречаются реже. Некоторые веб-сайты (веб-сайт «Китай», веб-сайт «Синьхуа») также содержат гиперссылки на официальные сайты-партнеры в верхнем блоке. Средний блок китайских новостных порталов аналогичен по структуре среднему блоку российских веб-сайтов за одним исключением: в классификации сфер новостей присутствуют особые категории, такие как традиционная китайская медицина, сельское хозяйство, партийное и правительственное строительство. Стоит отметить, что все пять китайских новостных порталов публикуют новости на английском языке. Среди них веб-сайты «Гуанмин» и «ChinaNews» дополнительно предоставляют гиперссылки на английскую версию порталов в верхнем блоке; веб-сайты «Синьхуа» и «Китай» дают гиперссылки на новости на английском, испанском, французском, арабском, русском, японском, корейском, немецком, португальском языках и на эсперанто в верхнем блоке; веб-сайт «Жэньминь», кроме новостей на вышеупомянутых иностранных языках, дополнительно предоставляет новости, написанные на языках этнических меньшинств Китая (монгольский, тибетский, уйгурский, чжуанский). В целом порталы китайских новостных сайтов уделяют больше внимания навигационной функции и больше стремятся расширить аудиторию сайтов, нежели порталы российских новостных сайтов. Китайский тип подачи новостей отвечает установке страны на интеграцию в мировое культурное и политическое пространство и одновременно – на вовлечение большего количества культурных и социальных групп в информационное поле Китайских порталов.

Проведенный анализ показал, что исходная гипотеза, согласно которой реконтекстуализация новостной информации в веб-порталах России и Китая будет происходить с изменениями структуры веб-порталов, подтвердилась. Основные критерии различий проявляются в ряде

установок. Так, установки на интеграцию в мировое культурное пространство с одновременным вовлечением культурных сообществ в информационное поле электронных СМИ своей страны, на интеграцию информации в официальных СМИ, на усиление значимости именно официальной информации, на снижение роли интерактивной вовлеченности аудитории в смысловое поле официальных СМИ характерны для китайских новостных веб-порталов. Для российских порталов характерны установки на диверсификацию типов веб-порталов согласно их адресации различным аудиториям, на стимулирование социализации и интерактивности, на ранжирование значимости новостей. Однако проведенный анализ также показал, что реализация реконтекстуализации связана не только с этнокультурными, но и с социокультурными различиями между российскими и китайскими веб-порталами. В целом социально-культурная вариативность гораздо сильнее выражена в российских, нежели в китайских электронных изданиях. Их различия связаны с большей или меньшей степенью выраженности установок на массовую / специализированную аудиторию, а также на социальную интерактивность. Различия двух типов подачи и распространения информации проявляются, например, в количестве сфер новостей, наличии или отсутствии входа в аккаунт, гиперссылок на прямую трансляцию. Полученные результаты подтверждают значимость для MCDA первого этапа его реализации, а именно, анализа структурных особенностей полимодальной репрезентации информации. Такой анализ позволяет описать различные возможности электронных изданий, которые предположительно будут стимулировать появление функционально-семиотической и дискурсивно-прагматической вариативности. Вариативность описывается и различными маршрутами движения по сайту с помощью навигаций и гиперссылок, и различным количеством сфер новостей, и их ранжированной значимости, направленной на разную аудиторию [Baldry, Thibault, 2006]. Однако для определения различной роли модальностей структурно-семиотический метод анализа не является достаточным и требует привлечения функционального и прагматического методов [Callahan, 2005; Zhang, O'Halloran, 2012].

Системно представим обнаруженные типы модификаций структуры веб-порталов с учетом различных социально-культурных установок.

1. Установка на массовую / специализированную аудиторию проявляется в: а) дифференциации / интеграции государственных и местных новостей; б) наличии / отсутствии новостей на иных языках; в) наличии / отсутствии детализированной информации для специалистов; г) публикации / отсутствии оригинальных документов, законов, постановлений; д) классификации новостей в различных сферах; е) интегрированном / изолированном (отдельными блоками) представлении новостей из разных сфер.

2. Установка на социальную интерактивность, вовлеченность проявляется в: а) наличии / отсутствии входа в аккаунт; б) наличии / отсутствии поиска; в) наличии / отсутствии социального опроса; г) наличии / отсутствии гиперссылок; д) введении / отсутствии дополнительной информации об иных организациях, СМИ, возможностях получения информации; е) предоставлении / непредоставлении дополнительных услуг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе развивается концепция Полимодального критического дискурс-анализа, интегрирующего положения Критического дискурс-анализа и Мультимодального (полимодального) дискурс-анализа. Объектом анализа является феномен реконтекстуализации, или трансляции сходной информации в различных этнокультурных и социокультурных контекстах, создаваемых новостными веб-порталами России и Китая. В работе реализован первый этап анализа, состоящий в реконструкции иерархических моделей веб-порталов и выявлении критериев и типов модификаций.

Проведенное на материале 10 официальных новостных веб-порталов исследование показало, что реконтекстуализация на структурном уровне действительно обнаруживается в вариативности национально-культурных проявлений. Однако вариативность в социальных проявлениях более высока в российских изданиях. Дальнейший анализ функционально-семиотических и дискурсивно-прагматических особенностей реконтекстуализации смысла позволит установить, как они связаны со структурной вариативностью веб-порталов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kress G. *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge, 2010.
2. Wu J., Huang S., Zheng R. *Recontextualization and transformation in media discourse: An analysis of the First-Instance Judgment of the Peng Yu Case* // *Discourse & Society*. 2016. Vol. 27(4). P. 441–466.

3. Zhang Y. Q., & O' Halloran K. L. The gate of the gateway: The hypermodal approach to university homepage // *Semiotica*. 2012. Vol. 190. P. 87–109.
4. Callahan E. Cultural similarities and differences in the design of university web sites // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2005. Vol. 11. P. 239–273.
5. Luc, P. A multimodal framework for analyzing websites as cultural expressions // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2012. Vol. 3(3). P. 247–265.
6. Djonov E., Zhao S. *Critical multimodal studies of popular discourse*. London: Routledge, 2014.
7. Djonov E., van Leeuwen T. The power of semiotic software: A critical multimodal perspective // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / J. Flowerdew & J. E. Richardson (eds.). Abingdon: Routledge, 2018. P. 566–581.
8. Machin D. What is multimodal critical discourse studies? // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10 (4). P. 347–355.
9. Ledin P., Machin D. Doing critical discourse studies with multimodality: From metafunctions to materiality // *Critical Discourse Studies*. 2019. Vol. 16 (5). P. 497–513.
10. Bateman J. A. Towards critical multimodal discourse analysis: A response to Ledin and Machin // *Critical Discourse Studies*. 2019. Vol. 16(5). P. 531–539.
11. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press, 1992.
12. Jewitt C., Bezemer J. J., O'Halloran K. L. *Introducing Multimodality*. Abingdon: Routledge, 2016.
13. Baldry A., Thibault P. J. *Multimodal transcription and text analysis*. Oakville, CT: Equinox, 2006.
14. 王伟琳. 美国国防部网站军事新闻报道中图像的知识建构模式与功能. 国防科技大学 = Ван Вейлинь. Изображение для создания знаний в военных новостях на веб-сайте Министерства обороны США. Национальный университет оборонных технологий, 2019.

REFERENCES

1. Kress, G. (2010). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge.
2. Wu, J., Huang, S., Zheng, R. (2016). Recontextualization and transformation in media discourse: An analysis of the first-instance judgment of the Peng Yu case. *Discourse & Society*, 27(4), 441–466.
3. Zhang, Y. Q., O' Halloran, K. L. (2012). The gate of the gateway: The hypermodal approach to university homepage. *Semiotica*, 190, 87–109.
4. Callahan, E. (2005). Cultural similarities and differences in the design of university web sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 11, 239–273.
5. Luc, P. (2012). A multimodal framework for analyzing websites as cultural expressions. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 3(3), 247–265.
6. Djonov, E., Zhao, S. (2014). *Critical multimodal studies of popular discourse*. London: Routledge.
7. Djonov, E., van Leeuwen, T. (2018). The power of semiotic software: A critical multimodal perspective. In J. Flowerdew, J. E. Richardson (eds.), *The Routledge handbook of critical discourse studies* (pp. 566–581). Abingdon: Routledge.
8. Machin, D. (2013). What is multimodal critical discourse studies? *Critical Discourse Studies*, 10(4), 347–355.
9. Ledin, P., Machin, D. (2019). Doing critical discourse studies with multimodality: From metafunctions to materiality. *Critical Discourse Studies*, 16(5), 497–513.
10. Bateman, J. A. (2019). Towards critical multimodal discourse analysis: A response to Ledin and Machin. *Critical Discourse Studies*, 16(5), 531–539.
11. Fairclough, N. (1992). *Discourse and social change*. Cambridge: Polity Press.
12. Jewitt, C., Bezemer, J. J., O'Halloran, K. L. (2016). *Introducing multimodality*. Abingdon: Routledge.
13. Baldry, A., Thibault, P. J. (2006). *Multimodal transcription and text analysis*. Oakville, CT: Equinox.
14. 王伟琳. 美国国防部网站军事新闻报道中图像的知识建构模式与功能. 国防科技大学 (2019) = Wang Weilin (2019). Image For Knowledge Construction in the Military News Reports of the DoD Website. National University of Defense Technology.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юань Минцин

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuan Mingqing

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СОВРЕМЕННОСТЬ И ИСТОРИЯ

Научная статья

УДК 81'33

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_40

Современный ландшафт компьютерной лингвистики

Л. Р. Комалова^{1,2}

¹Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия,

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

komalova@inion.ru

Аннотация. Предпринимается попытка осмысления профессионального ландшафта компьютерной лингвистики как комплекса профессиональных компетенций и сферы их применения. Представлен краткий обзор технологических решений на основе достижений в области компьютерной лингвистики как инженерно-научного направления обработки естественного языка (на основе анализа и генерирования текстовых данных и распознавания и синтеза звучащей речи). Рассматривается цикл от сбора данных до оценки точности работы компьютерной модели.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, профессиональное самоопределение, обработка естественного языка, NLP-технологии

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИНИОН РАН по теме: «Лингвокультурные аспекты цивилизационных противоречий».

Для цитирования: Комалова Л. Р. Современный ландшафт компьютерной лингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 40–47. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_40

Original article

Modern landscape of Computational Linguistics

Liliya R. Komalova^{1,2}

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

komalova@inion.ru

Abstract. The paper explores professional landscape of Computational Linguistics as a complex of professional competences and the spheres of their implementation. The paper presents a short review of technological decisions based upon achievements (in text analysis and text generation, speech recognition and speech synthesis) of Computational Linguistics as a research and development realm of Natural Language Processing (starting with dataset construction and finishing with model accuracy evaluation).

Keywords: Computational Linguistics, professional self-determination, Natural Language Processing, NLP-technologies

Acknowledgments: The research is carried out within the framework of the state assignment to the Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences», project «Linguacultural aspects of civilizational contradictions».

For citation: Komalova, L. R. (2022). Modern landscape of computational linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 40–47. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_40

ВВЕДЕНИЕ

Обобщенное и достаточно широкое название статьи фиксирует попытку профессионального самоопределения и отражает поисковую модель для такого самоопределения. С одной стороны, обозначая предметную область компьютерной лингвистики, мы ограничиваем способ действия и ожидаемые результаты, в основном, цифровыми средствами и инструментами работы с языковым и речевым материалом. С другой стороны, применяя метафору ландшафта к сфере профессиональной деятельности, мы пытаемся указать на то, что в фокус нашего внимания попадают лишь обозреваемые объекты. К тому же метафора ландшафта подразумевает возможность динамического схватывания различных объектов за счет самостоятельного движения, что применительно к профессиональному самоопределению – вселяет надежду не только на расширение возможностей доступа к различным локациям по мере приближения к ним, но и на возможность смены точки зрения в зависимости от занимаемой позиции. Условия современного VUCA-мира¹ вынуждают к самоопределению и постоянному пересамопределению. Не только абитуриент при выборе программы профессиональной подготовки озадачивается вопросом, в какой профессии он / она будет востребован на горизонте 5–10 лет. Сформировавшийся специалист, опираясь на фундамент классической лингвистики, обращается к достижениям компьютерной лингвистики, чтобы увеличить охват исследуемого материала, стандартизировать рутинные функции, ускорить процессы и осуществить многое другое.

В настоящей статье предпринимается попытка осмысления профессионального ландшафта компьютерной лингвистики как комплекса профессиональных компетенций лингвиста и сферы их применения.

ТЕЗИСЫ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИНГВИСТА

Тезис 1.

В современном мире востребованность лингвиста зависит от уровня его компетенций в области компьютерной лингвистики, шире – от уровня цифровых компетенций.

¹ Неотъемлемыми характеристиками современного мира являются нестабильность, неопределенность, сложность, неоднозначность (VUCA = Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity).

Традиционными для лингвиста являются такие сферы профессиональной деятельности, как перевод, преподавание (родного и иностранных) языков и исследования. Об этом свидетельствует наличие профессиональных стандартов (03.010. Тифлосурдопереводчик, 03.016. Переводчик русского жестового языка, 04.015. Специалист в области перевода) и устоявшихся наименований должностей. Наряду с этим все чаще озвучиваются новые ниши профессиональной деятельности, такие как цифровой лингвист, дизайнер голосового интерфейса, дизайнер эмоционального опыта, UX-исследователь, специалист по ESG-коммуникациям и др.

Во многих отраслях в современном мире всё четче обозначается тренд «миграции» потребительского внимания из физического мира в цифровой мир. Ключевым изменением является то, что потребители теперь обращаются к цифровому инструменту (например, веб-сайту, чат-боту, цифровому сервису) и лишь затем к человеку [Marr, 2022]. Активно развивается рынок машинного перевода. Машинные алгоритмы генерируют новостные сообщения. Коммерческие компании чаще устанавливают чат-боты для обучения работников иностранному языку. Всё это свидетельствует о том, что даже в традиционных профессиональных сферах лингвисту нужны компетенции в области компьютерной лингвистики.

Тезис 2.

Компетенции в области компьютерной лингвистики, будучи узкопрофессиональными навыками (hard skills), сильно варьируют по глубине освоения применительно к разным профессиям.

Раньше, поскольку технологии менялись медленнее, люди могли позволить себе освоить какой-то узкоспециализированный набор навыков и годами оставаться востребованными, «сегодня успешному профессионалу нужен принципиально другой уровень гибкости» [Атлас новых профессий, 2021, с. 468]. В связи с этим лингвисты, идущие в ногу со временем, постоянно повышают уровень своей профессиональной компетенции, вводя в свою деятельность цифровые инструменты и средства работы.

Однако движение в логике догоняющего развития не подразумевает однозначного успеха. В некоторых случаях это может привести к вымыванию смысла деятельности, к бездумному применению техники и технологий, к ориентированию на количественные данные в ущерб качественной интерпретации.

Кроме того, не каждой профессии требуются одинаково глубокие знания и навыки в области компьютерной лингвистики. Анализ существующих учебников и учебных пособий по компьютерной лингвистике показал, что предлагаемое содержание условно ориентировано, как минимум, на три большие группы будущих специалистов: (1) непосредственно на лингвистов, (2) на инженеров и разработчиков, (3) на специалистов иных профессий, которые (профессии) предполагают работу, в основном, с большим объемом текстовых данных (например, маркетологи, юристы, экономисты, социологи).

В соответствии с глубиной освоения выдвигаются требования к уровню базовой подготовки обучающихся. Например, специалист в области обработки естественного языка (Natural Language Processing – NLP) должен располагать не только знаниями о языке, но и знаниями в области математики, статистики, навыками в области программирования, а именно:

- иметь представление о фонетическом, морфологическом, графематическом, синтаксическом видах анализа, алгоритмах и технике для обработки естественного языка, тематическом моделировании, информационном поиске, дистрибутивной семантике;
- иметь знания принципов построения и функционирования баз данных, языка SQL (structured query language – язык структурированных запросов), особенностей фреймворков (программных платформ, на базе которых можно создать модель машинного обучения) для работы с большими данными и с различными поисковыми движками, разбираться в структурах данных;
- знать языки программирования (например, Python, R, Java, C# / C++, Scala);
- уметь работать со стандартными библиотеками (pandas – для работы с данными в табличном виде, numpy – для работы с большими числовыми массивами, scipy – для вычислений); библиотеками визуализации результатов анализа (matplotlib, seaborn); библиотеками для методов машинного обучения (scikit-learn), для градиентного бустинга (XGBoost, LGBM); специальными библиотеками (nltk, StanfordNLP, spacy, gensim, bigartm, word2vec, fasttext);
- иметь опыт построения глубоких нейронных сетей с использованием фреймворков (Tensorflow, Keras, PyTorch);
- уметь работать с инструментами обработки естественного языка для разных языков (например, для русского языка: pymystem3,

pymorphy – для морфологического анализа, Tomita parser, yargy – для извлечения фактов и сущностей);

- уметь тестировать методы обработки текстовых данных, а также знать методики оценки качества моделей.

Интересно и то, что некоторые специалисты, позиционирующие себя в области компьютерной лингвистики, не имеют лингвистического образования, что может отразиться на качестве и глубине интерпретации результатов исследований.

Тезис 3.

Принципиально важно различать компьютерную лингвистику в науке и компьютерную лингвистику в инженерии.

В первом случае целью специалиста является получение знаний о явлениях и процессах естественного языка посредством организации и проведения исследований с помощью машинных средств (вычислительной техники). Знания в этом случае представляются в виде компьютерных моделей различных лингвистических явлений. Во втором случае целью является разработка технологий обработки естественного языка и создание на их основе продуктов и услуг для конечного потребителя. При этом и научный, и инженерный виды профессиональной деятельности могут осуществляться в рамках одного проекта.

Высказанные тезисы могут служить средством фокусировки для принятия решения о необходимости обращения к методам и инструментам компьютерной лингвистики¹ и повышения квалификации в данной профессиональной области.

¹ Для расширения знаний о методах и инструментах компьютерной лингвистики рекомендуется ознакомиться со следующими источниками: Автоматическая обработка текстов на естественном языке и анализ данных / Большакова Е. И. и др. М.: НИУ ВШЭ, 2017. URL: https://www.hse.ru/data/2017/08/12/1174382138/NLPandDA_4print.pdf; Algorithms for computational linguistics / Striegnitz K. et al. Computational linguistics: models, resources, application. 2004. URL: <https://www.gelbukh.com/clbook/>; Jurafsky D., Martin J. H. Speech and language processing (3rd ed. draft). 2021. URL: <https://web.stanford.edu/~jurafsky/slp3/>; Stabler E. P. Computational linguistics: defining, calculating, using, and learning linguistic structures. Lecture notes. 2013; The handbook of Computational Linguistics and Natural Language Processing / Clark A., Fox Ch., Lappin Sh. (eds.). Oxford; Malden: John Wiley & Sons, 2010; The Oxford handbook of computational linguistics / Mitkov R. (ed.). 2003. URL: https://books.google.ru/books?id=yl6AnaKtVAkC&pg=PR5&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=3#v=onepage&q&f=false; Association for computational linguistics. URL: <https://www.aclweb.org/portal/>; Computational linguistics (journal). URL: <https://direct.mit.edu/coli>; Research group in computational linguistics. URL: <http://rgcl.wlv.ac.uk/>

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ И НАУЧНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБРАБОТКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Анализ научной литературы и технологических отчетов позволяет составить представление о разработанности тех или иных решений на основе достижений в области компьютерной лингвистики как инженерно-научного направления обработки естественного языка.

Обработка естественного языка направлена на решение задач распознавания (анализа) звучащей речи (используется в системах автоматического субтитрирования, системах диктовки и т. д.), анализа текста (используется в поисковых системах, системах машинного перевода, системах оценки мнений и т. д.), синтеза звучащей речи (используется в системах создания цифровой копии голоса, системах управления умными устройствами, в диалоговых системах и т. д.), генерирования текста (используется в диалоговых (вопросно-ответных) системах (в системах автоматического реферирования текстов и т. д.)).

Процесс работы с текстовым / звучащим материалом на естественном языке выстраивается в следующую последовательность: (1) сбор данных (очистка данных: для данных, представленных в виде текста, – токенизация, исключение стоп-слов, стемминг, лемматизация; создание словаря датасета, представление данных в виде векторов); (2) предварительная обработка данных (для данных, представленных в виде текста, проводится определение частей речи, именованных сущностей, кореференций, зависимости между словами в предложении; для данных в виде акустического сигнала звучащая речь переводится в текст с помощью фонетической транскрипции с опорой на акустическую и языковую модели); (3) анализ обучающих данных (лексический, синтаксический, семантический виды анализа, интеграция дискурса и прагматический анализ); (4) построение модели; (5) оценка точности работы модели.

Понимание естественного языка (Natural Language Understanding – NLU) (как для восприятия, так и для порождения речи / текста) является конечной целью обработки естественного языка как совокупности технологических решений. Решения в данной области направлены на соотнесение данных на входе с базовой моделью знаний или структурированной онтологией. Примеры таких технологий – это широкий спектр алгоритмов от понимания простых команд до алгоритмов поддержания беседы, похожей на беседу между людьми.

Далее перечислим некоторые наиболее освоенные на практике решения (переработано

на основе [Шелманов и др., 2018; Eggers, Malik, Gracie, 2019; Elliot et al., 2021; Shannon, Brindle, Morris, URL]). Большинство из них работает на базе письменного текста. Представим их в логике работы с материалом на естественном языке от более простых к более сложным решениям.

Классификация текстов (text classification) состоит в том, чтобы на основании отличительных признаков разделить некоторым образом множество текстов на классы. Первичной задачей, которая решается в процессе классификации текстов, является упрощение и ускорение предварительной работы, необходимой для дальнейших операций по обработке естественного языка.

Категоризация текстов (text categorization) заключается в отнесении текстов к определенным классам (сортировка) по заданным параметрам. Обычно в процессе категоризации производится ручная или автоматическая разметка текста (text labelling), обучение модели или формулирование правил выделения категорий. Процедура категоризации включена в процесс реферирования (summarization) и разметки по темам (topic labelling). Примером категоризации является сортировка текстов на цифровых платформах по категориям «отзыв», «жалоба», «обращение в службу поддержки» или различение спама и писем, содержащих предложение о сотрудничестве.

Кластеризация текстов (text clustering) позволяет выявлять группы семантически похожих текстов среди заданного фиксированного множества текстов. Алгоритм кластеризации позволяет автоматически определить и группировать ключевые фразы. Такие алгоритмы, например, позволяют скорректировать структуру веб-сайта, распределив ключевые фразы по страницам так, чтобы сайт привлекал максимум поискового трафика.

Извлечение информации (information extraction) формулируется как задача автоматического построения структурированных машиночитаемых данных из неструктурированных данных документов и других информационных ресурсов. Примером реализации алгоритма может служить успешное выполнение задачи по заполнению фрейма (название, время проведения, место проведения, тематика и т. д.) о конференции на основе текстовых объявлений, размещенных на сайтах конференций и на платформах-агрегаторах новостей. *Извлечение именованных сущностей и поверхностных связей между ними* (named entity resolution – NER) направлено на извлечение из текста, классификацию и создание онтологий имен собственных, наименований мест, организаций, продуктов и т. п. Такие алгоритмы позволяют, например, отследить потенциальных субъектов

кибернасилия в рамках новых медиа. *Извлечение семантических отношений между сущностями* (relationship extraction) позволяет обнаруживать семантические связи между двумя и более сущностями. Из текстов обычно извлекается очень много поверхностных связей; многие из них выражают одно и то же семантическое отношение, например: из предложений «Тим Кук руководит Apple» и «Тим Кук является главой Apple» можно выделить две поверхностные связи «руководит» и «является главой», которые имеют одинаковый смысл «быть директором» [Шелманов и др., 2018, с. 51]. Группирование семантически близких связей в абстрактные семантические отношения позволяет решить задачу формирования базы знаний. Например, на основе информации, представленной в профилях социальных интернет-сетей, можно определить, какие люди приходятся друг другу родственниками или знакомыми.

Современные крупные корпорации вкладывают солидные ресурсы в создание так называемых решений, управляемых знаниями (knowledge driven applications) и выступающих в качестве «интеллектуальной фабрики знаний», которые обеспечивают постоянную генерацию новых знаний, непрерывно анализируя множество разрозненных источников данных внутри компании [Hubauer et al., 2018]. Ядром таких решений являются **графы знаний** (knowledge graphs), имеющие в своем составе графовые хранилища семантических метаданных (или знаний, формализованных с помощью специальных формальных семантических языков) и **графы онтологий**, которые выступают в роли полуструктурированной концептуальной схемы предметной области [Муромцев, Романов, Волчек, 2019].

Реферирование (резюмирование) текстов (text summarization) представляется как комплекс технологий, позволяющих автоматически продуцировать короткие текстовые обобщения информации, представленной в конкретном тексте или множестве текстов. В процессе реферирования решается задача сокращения времени на ознакомление с массивом данных и извлечения из него наиболее значимой информации. Использование данной технологии помогает в деятельности, подразумевающей необходимость обработки большого потока текстовой информации, например, финансовой или юридической.

Анализ тональности текста / сентимент-анализ (sentiment analysis) является разновидностью контент-анализа, направленной на автоматизированное выявление в текстах эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки (субъективного мнения) авторами текстов по отношению к объектам, описываемым в тексте.

Сентимент-анализ активно применяется в маркетинге, например, для выявления физиологической реакции и побочных действий на фармакологические препараты, а также для определения эмоционально-психологического состояния людей в определенных жизненных условиях (например, в период локдауна в связи с пандемией коронавируса).

Тематическое моделирование (topic modelling) позволяет «автоматически систематизировать и реферировать электронные архивы такого масштаба, который человек не в силах обработать» [Коршунов, Гомзин, 2012, с. 217]. Построенная на основе алгоритмов данного типа модель корпуса текстов отражает переход от совокупности документов, совокупности слов в документах к набору тем, характеризующих содержание этих документов [Кольцов и др., 2014]. Например, модель, построенная на основе комментариев к новостным сообщениям, может соотноситься со стереотипом массового сознания, согласно которому уровень криминализации общества возрастает в периоды увеличения миграционных потоков.

Семантический поиск (semantic search) – это способ и технология поиска информации, основанные на использовании контекстного (смыслового) значения запрашиваемых словосочетаний. Вместо словарных значений отдельных слов или фраз при поисковом запросе учитывается информационный контекст, местонахождение и цель поиска пользователя, словоформы, синонимы, обобщенные и специализированные запросы, язык запроса и др. Семантический поиск является неотъемлемой частью систем когнитивного поиска (insight engine / cognitive search / enterprise knowledge discovery). Системы семантического поиска позволяют управлять данными и документами для снижения издержек на поиск, полноту предоставления данных / документов, их ручную обработку, улучшают взаимодействие с потребителями информации и расширяют возможности самостоятельного поиска решений. В качестве примера реализации технологии можно привести базу данных Bing Decision Engine, пополняемую из более 570 млн источников информации (пользователи, устройства) и состоящую из более 18 млрд атрибутов и связей между ними.

Обработка текстовой информации (text processing) подразумевает получение *полезной* информации (не компиляции данных) из множества неструктурированных текстов на основе определения и извлечения из них специфической информации при минимальном участии человека. Результаты такой обработки используются в работе специалистов в области Data Science. В совокупности с технологией компьютерного зрения

(computer vision – CV) *интеллектуальная обработка документов* (intelligent document processing – IDP) позволяет извлекать информацию из полуструктурированных и неструктурированных данных / документов для анализа и последующей выработки решений (например, принятия решения о налоговой ставке или размере пенсии на основе анализа соответствующих документов).

Распознавание речи (speech-to-text – STT, automated speech recognition – ASR) – это цифровое преобразование речевого сигнала в текстовое представление для последующей обработки. Технология используется при голосовом управлении механизмами и программами, при транскрибировании аудиозвонков и выступлений, для создания субтитров к видео, для верификации говорящего по голосу и речи и т. д. В целом технология упростила доступ к системам и сервисам за счет использования голоса в качестве основной модальности, что значительно ускорило и разнообразило коммуникацию.

Синтез звучащей речи (text-to-speech – TTS, speech synthesis) – это технология искусственного преобразования письменного текста в звучащую речь. Современные методы основываются на модели формирования акустического сигнала в речевом тракте и характеристиках голоса для производства полностью синтезированной речи. Последние достижения в этой области позволяют моделям имитировать особенности голоса и речи и подстраиваться под голос конкретного человека на основе записей реальной речи. Использование технологии позволяет озвучивать текстовый контент (художественные произведения, научные публикации, учебные курсы), что способствует инклюзии слабовидящих людей; создавать реалистичные игровые персонажи и киноперсонажи; снижать затраты на запись звучащей информации с привлечением человека.

Генерация данных на естественном языке (natural language generation – NLG) – это использование цифровой информации и математических формул для извлечения параметров из датасета с последующей трансформацией данных в понимаемое человеком сообщение, т. е. автоматический процесс конвертации структурированных (иногда слабоструктурированных) данных в письменный или устный продукт на естественном языке. Примером практического применения технологии является автоматизированный журнализм (automated journalism), когда алгоритм ищет в Интернете актуальные новости, собирает данные из многочисленных различных источников, обобщает данные и создает текст, публикуя его на веб-сайте. Весь процесс занимает считанные минуты. Решения на основе

генерации данных позволяют повысить операционную эффективность (увеличить скорость первичной обработки и распространения данных) при работе с большими массивами данных с целью их обобщения и представления (например, аналитических отчетов) в упрощенном виде.

Технологии распознавания, синтеза речи, семантического поиска, обработки текста, генерации данных на естественном языке, модели глубокого обучения (deep learning models), предсказательные модели (prediction models) в совокупности позволяют создавать **диалоговые системы** (dialogue systems), применяемые в чат-ботах (chat-bots), телефонных и виртуальных ассистентах (голосовых и виртуальных помощниках – voice and virtual assistants – VAs) и роботах, что, в свою очередь, позволяет автоматизировать работу кол-центров, снять нагрузку с операторов служб поддержки и т. д.

Машинный перевод (machine translation – MT) позволяет осуществить перевод с одного естественного языка на другой с использованием программного обеспечения. Технологии машинного перевода прошли путь от алгоритмов на основе строгих правил к алгоритмам на основе статистических моделей и в настоящее время строятся на глубоких нейронных сетях и реализуются в решениях типа нейронный машинный перевод (neural machine translation – NMT), адаптивный машинный перевод с постредактированием (adaptive post-edit machine translation – adaptive PEMT, решения, предложенные человеком, включаются в модель, порожденную машиной), перевод при помощи компьютера (computer assisted translation – CAT).

Все вышеописанные технологии широко представлены на потребительских рынках по всему миру и имеют большой потенциал для своего развития.

Развитие компьютерных технологий сопровождается тенденцией к открытым данным. Наборы инструментов для обработки естественного языка с открытым исходным кодом (open-source natural language processing toolkit) позволяют конечным пользователям и компаниям преобразовывать исходные коды для своих целей. Обычно такие наборы позволяют работать над решением самых насущных задач, к ним относятся, например анализ текстовой информации, разработка чат-бота, расширяя возможности для создания прототипов алгоритмов, программного обеспечения и технологий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе проведенного обзора научной литературы и технологических отчетов можно сформулировать следующие выводы. Современный

профессиональный ландшафт компьютерной лингвистики характеризуется как подвижный и изменчивый. В перечне технологий обработки естественного языка представлены решения на основе письменного текста и звучащей речи с преобладанием первого типа решений. Профессионализация в области компьютерной лингвистики предполагает освоение и применение существующих решений для проведения научных исследований или

внедрения в качестве рабочего инструментария в сферах деятельности, где решения принимаются на основе анализа больших массивов данных в виде текстов и / или речи. Другое направление профессионализации связано с разработкой решений обработки естественного языка. Во втором случае от лингвиста потребуются глубокие знания и развитые навыки в области прикладной математики и программирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Marr B. Why every business needs a digital-first strategy // Forbes. Apr 6, 2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2022/04/06/why-every-business-needs-a-digital-first-strategy/?sh=1f47048916b8>
2. Атлас новых профессий 3.0. Москва: Альпина ПРО, 2021.
3. Шелманов А. О. [и др.]. Открытое извлечение информации из текстов. Часть I. Постановка задачи и обзор методов // Искусственный интеллект и принятие решений. 2018. № 2. С. 47–61. DOI: 10.14357/20718594180204
4. Eggers W. D., Malik N., Gracie M. Using AI to unleash the power of unstructured government data. Deloitte, 2019.
5. Elliot B. et al. Hype cycle for natural language technologies / B. Elliot, A. Mullen, A. Lee, S. Emmott // Gartner. 2021. URL: <https://www.gartner.com/doc/reprints?id=1-27E5BEQL&ct=210908&st=sb>
6. Shannon R., Brindle A., Morris L. Talking Human: The rise of natural language processing (NLP) // Radical Ventures. URL: https://radical.vc/natural-language-processing/#_ftn10
7. Hubauer T. et al. Use cases of the industrial knowledge graph at Siemens / T. Hubauer, S. Lamparter, P. Haase, D. Herzig // International Semantic Web Conference (P&D / Industry / BlueSky). 2018. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2180/paper-86.pdf>
8. Муромцев Д., Романов А., Волчек Д. Индустриальные графы знаний – интеллектуальное ядро цифровой экономики // Control Engineering Россия. 2019. Vol. 5(83). С. 32–39.
9. Коршунов А., Гомзин А. Тематическое моделирование текстов на естественном языке // Труды Института системного программирования РАН. 2012. № 23. С. 215–242. DOI: <https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2012-23-13>
10. Кольцов С. Н. [и др.]. Интерпретация семантических связей в текстах русскоязычного сегмента Живого Журнала на основе тематической модели LDA / С. Н. Кольцов, О. Ю. Кольцова, О. А. Митрофанова, А. С. Шиморина // Технологии информационного общества в науке, образовании и культуре (IMS-2014). СПб.: Университет ИТМО, 2014. С. 135–142.

REFERENCES

1. Marr, B. (2022). Why every business needs a digital-first strategy. Forbes. 6 April 2022. <https://www.forbes.com/sites/bernardmarr/2022/04/06/why-every-business-needs-a-digital-first-strategy/?sh=1f47048916b8>
2. Atlas novyh professij 3.0. = Atlas of new professions 3.1 (2021). Moscow: Alpina PRO.
3. Shelmanov, A. O., Isakov, V. A., Stankevich, M. A., Smirnov, I. V. (2018). Otkrytoe izvlechenie informacii iz tekstov. CHast' I. Postanovka zadachi i obzor metodov = Open information extraction. Part I. The task and the review of the state of the art. Artificial Intelligence and Decision Making, 2, 47–61. 10.14357/20718594180204
4. Eggers, W. D., Malik, N., Gracie, M. (2019). Using AI to unleash the power of unstructured government data. Deloitte.
5. Elliot, B., Mullen, A., Lee, A., Emmott, S. (2021). Hype cycle for natural language technologies. Gartner. <https://www.gartner.com/doc/reprints?id=1-27E5BEQL&ct=210908&st=sb>
6. Shannon, R., Brindle, A., Morris, L. Talking human: the rise of Natural Language Processing (NLP). Radical Ventures. https://radical.vc/natural-language-processing/#_ftn10
7. Hubauer, T., Lamparter, S., Haase, P., Herzig, D. (2018). Use cases of the industrial knowledge graph at Siemens. International Semantic Web Conference (P&D / Industry / BlueSky). <http://ceur-ws.org/Vol-2180/paper-86.pdf>
8. Muromtsev, D., Romanov, A., Volchek, D. (2019). Industrial knowledge graphs – intellectual core of digital economy. Control Engineering Russia, 5(83), 32–39.

9. Korshunov, A., Gomzin, A. (2012). Topic modeling in natural language texts. Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS (Proceedings of ISP RAS), 23, 215–242. <https://doi.org/10.15514/ISPRAS-2012-23-13>
10. Koltsov, S. N., Koltsova, O. Ju., Mitrofanova, O. A., Shimorina, A. S. (2014). Interpretation of semantic relations in the texts of the Russian LiveJournal segment based on LDA topic model. Internet and Modern Society (pp. 135–142). St. Petersburg: ITMO University.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комалова Лилия Ряшитовна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела языкознания
Института научной информации по общественным наукам РАН,
профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komalova Liliya Rashitovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Leading Research Fellow at the Department of Linguistics,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Professor at the Department of Applied and Experimental Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_48

Распознавание окказиональных метафор при чтении. Работает ли эффект прайминга?¹

М. И. Киосе¹, В. А. Ярикова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹maria_kiose@mail.ru

²earthquakegirl@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты эксперимента, тестирующего глазодвигательное поведение при чтении предложений, содержащих окказиональные метафоры. Установлено, что определенные параметры пространства источника и цели метафоры (агентивность, «оживленность», телесная семантика) увеличивают глазодвигательную нагрузку. Эффект прайминга, заключающийся во влиянии типа пространства ранее введенной в текст метафоры на чтение последующей метафоры, обнаружен не был.

Ключевые слова: окказиональная метафора, прайминг, пространство-источник, пространство-цель, окулографический эксперимент

Для цитирования: Киосе М. И., Ярикова В. А. Распознавание окказиональных метафор при чтении. Работает ли эффект прайминга? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 48–56. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_48

Original article

Novel Metaphors Recognition in Reading. Do We Face Priming Effects?²

Maria I. Kiose¹, Valeria A. Yarikova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹maria_kiose@mail.ru

²earthquakegirl@yandex.ru

Abstract. This work presents the results of the eye tracking experiment testing the gaze behavior of participants reading the sentences containing novel metaphors. The results show that several types of source and target domains (agentivity, animateness, bodily semantics) of conceptual metaphors produce higher gaze costs. Meanwhile, the priming effects of these domains in case they reappear in novel metaphors in post-position are not observed.

Keywords: novel metaphor, priming, source domain, target domain, eye tracking experiment

For citation: Kiose, M. I., Yarikova, V. A. (2022). Novel metaphors recognition in reading. Do we face priming effects? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 48–56. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_48

¹Разделы статьи «Metaphor recognition and priming effects» and «Results and discussion» подготовлены М. И. Киосе в рамках проекта РНФ 22-28-01754 «Исследование экономии когнитивных ресурсов человека при интерпретации медиатекстов: Разработка Мультимодального Корпуса Окулографических Реакций MultiCOR», реализуемого в Московском государственном лингвистическом университете.

²The sections «Metaphor recognition and priming effects» and «Results and discussion» were written by Maria I. Kiose as part of the Project 22-28-01754 «Cognitive load economy in media texts interpretation: Multimodal Corpus of Oculographic Reactions MultiCOR» supported by the Russian Science Foundation, which is carried out at the Centre for SocioCognitive Discourse Studies at Moscow State Linguistic University.

INTRODUCTION

How readers cope with the use of novel figurative language has long interested researchers working on cognitive development and language acquisition; however, in recent years this direction has become one of the main foci in media studies due to the interesting facts the figurative language ability [Falcum, 2019] reveals about the relations of the readers' linguistic knowledge and reading competence. In the present article, we hope to achieve a degree of reconciliation between the two explanations which address figurative language recognition. The first holds that metaphor recognition depends on the types of input spaces or domains since they structure the world differently [Thibaut, Schyns, 1995]. The contrasting line of research emphasizes the role of priming effects in activating a metaphor in context [French, 2008]. Priming occurs due to prior exposure to a semantically or phonologically related stimulus; it can be observed in reading tasks and registered oculographically [Falikman, Koifman, 2005; Velichkovsky et al., 2020]. Priming in gaze behavior can appear in the repeated use of the types of input domains in the chain of metaphors in context since such cases fall within the group of semantic priming effects [Odekar et al., 2009]. Presumably, the use of similar domains in pre-position will decrease the cognitive load produced by metaphors in post-position.

Additionally, metaphor recognition is highly dependent on its character, novel or entrenched. Activating an entrenched metaphor is less demanding; whereas language comprehension which creates new ad hoc categories unfolds via enhanced activation of only those features of input domains that are relevant for the novel interpretation of the lexical item [Wolff, Gentner, 2011]. Therefore, in this study, we will consider only novel metaphors recognition as being sensitive to both types of input domains and their priming effects in context. The aim of the work is to test two hypotheses: 1) the features of source and target domains of novel metaphors influence the readers' gaze behavior, and 2) their semantic priming effects stimulate the decrease in gaze costs.

METAPHOR RECOGNITION AND PRIMING EFFECTS

An issue of importance in metaphor recognition studies is the role of metaphor mapping models in metaphor processing. The features of input domains, or source and target domains are extensively explored in Conceptual Metaphor Theory, CMT,

following Lakoff and Turner, which considers them as components of the mapping process, for instance in DEATH IS A REAPER (where people are plants to be harvested, etc.) and LIFE IS A JOURNEY (where difficulties are obstacles, objectives are destinations) [Lakoff, Turner, 1989]. While these elements activate different mapping models, presumably, they may also stimulate different gaze effects and the semantic priming effects in metaphor recognition in case they appear repeatedly in sequential metaphors in context. As known, semantic priming is displayed in the increase in reading pace or in the accuracy in post hoc reports produced by a stimulus such as a word or a picture, when it is preceded by a semantically related stimulus (e. g., cat-dog) as opposed to the situations when it is preceded by a semantically unrelated stimulus (e. g., table-dog). The stimulus to which responses are made (e. g., dog) is termed the target and the preceding stimulus (e. g., cat) is the prime [McNamara, 2005]. Following Falikman & Koifman (2005) we consider that priming effects are contingent on attention distribution and different types of information processing and can be determined in problem-solving tasks. One of the methods testing the priming effects is eye tracking which allows to explore gaze behavior in terms of the gaze characteristics such as reading time, fixation duration, revisits. The studies exploring priming effects in eye tracking experiments most commonly use the proportion of fixation duration in the areas of interest (AOIs); the average fixation duration for fixations allocated in AOIs, and first fixation duration measures [Odekar et al., 2009]. Importantly, different studies investigating priming effects in gaze behavior report the results which do not admit the presence of consistent semantic priming. For instance, priming effects can appear both in related and unrelated conditions, but with a difference in gaze characteristics when specific positive and / or negative target words are used [Hyönä, 1993; Velichkovsky et al., 2020] or when two associates are in the same clause [Carroll, Slowiaczek, 1986]. Still, the experimental studies claim that priming effects are greater in the situations of related primes and targets which in lexical semantic tasks occurs when a word (target) is semantically related to the preceding word (prime).

The question remains, will the semantic priming occur in case of novel metaphor use in context with the primes being the elements activated in the metaphor mapping models? Will the reappearing semantic elements produce lower gaze costs in the metaphors in post-position? Evidence from experimental psychology helps confirm the costs in reaction time which are produced when people

switch from one metaphor mapping model to another [Wolff, Gentner, 2011]. In Camac & Glucksberg it was shown that metaphor comprehension was faster with related pairs of metaphors than with scrambled ones, still there was no priming effect between semantic elements as metaphor mapping models constituents [Camac, Glucksberg, 1984]. A later experiment exploring semantic elements priming effects in metaphor mapping models, produced more detailed results [Nakamoto, 2003]. Metaphor recognition was facilitated if the vehicle (the term used metaphorically) served as prime and the topic (the subject of the metaphor) served as target. In contrast, if the topic preceded the vehicle, no priming effect was found. In this eye tracking study, we specify the priming effects of semantic elements repeatedly activated in the mapping models, as well as the effects of these elements on the gaze behavior during metaphor recognition.

EXPERIMENT DESIGN AND DATA

In the oculographic experiment the text stimuli with 7 sentences each containing a novel metaphor and the first sentence containing a non-metaphoric expression given in bold type in Areas of Interest (Aols) was presented for all subjects for a fixed time. 14 students (age range = 19–28) from Moscow State Linguistic University participated in the experiment. 114 probes were obtained and subjected to further analysis. The participants faced with a lexical

decision task to identify the correct reference of a novel metaphor. Each sentence containing a novel metaphor was followed by a decision task with three options; the participants had to identify a correct variant by reading it aloud. The stimulus is shown in Figure 1.

All the sentences manifested in the stimulus were selected from the National Corpus of the Russian language (NCRL), where the novelty of metaphors was identified following the same procedure:

Step 1. If the noun was used figuratively, we addressed the dictionary to determine its definitions. Step 2. If the meaning exploited in the context was found out within the list of noun definitions, even if it was marked as figurative, we did not consider this word as a novel metaphor and further addressed only the examples with the nouns whose meanings were not registered in the dictionary. Step 3. If the noun did not display the meaning registered in the dictionary, we initiated a new National Corpus of the Russian language search with this noun as a target word and identified the meanings of its first 100 uses, with each use appearing the first on the new page and having a new author. Step 4. If we did not find out the corpus uses of the noun exploiting the same meaning as in the sentence under consideration, we regarded the metaphor as novel.

To be included into the stimulus, the novel metaphors had to satisfy the following requirements. They had to be nouns not exceeding 7 letters (to

И ОКАЗЫВАЛОСЬ, ЧТО КАЖДОЕ ДЕРЕВО, КАЖДЫЙ КУСТ И ДАЖЕ САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК ИМЕЮТ СВОЕ ИМЯ ИСТОРИЮ.		
ЦВЕТОК	ЧЕЛОВЕК	НЕТ ОТВЕТА
НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ПЛОЩАДИ ПОЯВИЛОСЬ МНОГО НОВЫХ РАЗВЯЗОК И ЗСТАКАД, И ЭТО БЕТОННОЕ КОЛЬЦО ГРОЗИЛО ОХВАТИТЬ ВСЬ ГОРОД.		
ЭСТАКАДЫ	ВЛАСТИ	НЕТ ОТВЕТА
ВСЕ ЭТИ КЛИЕНТЫ БЫЛИ ДЛЯ НЕЕ СЛОВНО ПАПКИ, ТАКИЕ ЖЕ БЕЗЛИКИЕ. СЕГОДНЯ ОН ВНОВЬ РАССПРАШИВАЛ ЕЕ ПО ПОВОДУ ТОЙ ПАПКИ , КОТОРАЯ ПРИХОДИЛА НА ПРОШЛОЙ НЕДЕЛЕ.		
ДОКУМЕНТ	КЛИЕНТ	НЕТ ОТВЕТА
ВОТ ЭТО ЗАСТЫВШЕЕ ЛИЦО ОН СИЛЬНО СТАРАЛСЯ ЗАБЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ПАМЯТЬ ЭТО НАСТОЯЩАЯ СЕТЬ , КОТОРУЮ НЕ СЛЕДУЕТ ЧЕРЕСЧУР НАПРЯГАТЬ, ЧТОБЫ УДЕРЖИВАТЬ ТЯЖЕЛЫЕ ГРУЗЫ.		
ПАМЯТЬ	ГРУЗ	НЕТ ОТВЕТА
НОВИКОВ ПОШЕЛ ПО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ПУТАМ, БОЯСЬ, ЧТО ЭШЕЛОН УЖЕ УШЕЛ. КАК ОКАЗАЛОСЬ, ЭТА ИГЛА МЕШАЛА ЕМУ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ НА МЫСЛЯХ О ПРЕДСТОЯЩЕМ БОЕ.		
СТРАХ	ПОЕЗД	НЕТ ОТВЕТА
КОГДА-ТО ГОДЫ И ГОРОДА ПОДПОЛЬЯ, ССЫЛКИ ВОЙНЫ БРОСАЛИ ЕМУ НАВСТРЕЧУ СОТНИ РЕДКОСТНО ПРЕКРАСНЫХ ЛЮДЕЙ, И ЭТО МОРЕ ОКРУЖАЛО ЕГО И ДАВАЛО СИЛЫ ЖИТЬ.		
ЛЮДИ	ГОРОДА	НЕТ ОТВЕТА
ЗИМНЯЯ ДОРОГА. РОВНАЯ, ТВЕРДАЯ, ГЛАДКАЯ: БЕЛЫЙ ФАРФОР .		
ХРУСТАЛЬ	ДОРОГА	НЕТ ОТВЕТА
ОН УМЕЛ УЛЫБАТЬСЯ, И, КОГДА УЛЫБАЛСЯ, ТО ЭТО БЫЛ АНГЕЛ , ВТИРАЛСЯ В ДОВЕРИЕ К ЛЮДЯМ И ПОТОМ ИХ ОБМАНЫВАЛ.		
ЧЕЛОВЕК	СВЯТОЙ	НЕТ ОТВЕТА

Figure 1. Stimulus

fit into the window span), to have high frequency of corpus use (in direct meaning) to avoid different salience effects [Kiose, 2020], to have a direct non-metaphoric counterpart in pre-position. Still, the metaphors appeared in different syntactic positions (subject and predicate positions), in different positions on the reading line (initial, final and mid-position), were preceded or not preceded by a preposition adjective or pronoun. These effects were intended to alleviate syntactic and graphological priming since it could prevent us from observing the effects caused by lexical semantic primes. Sentence 1 did not contain a metaphor; however, we also introduced the bold type for the noun group to prepare the reader for the task. In each sentence the metaphor received annotation describing its reference and event frame in both source domain and target domain separately.

Following the theories developed in cognitive semantics [Siewerska, 2004; Iriskhanova, 2014], we annotated 6 reference groups; referent agentivity, number, reference, referential integrity, personalization. For instance, the group Agentivity involved Agentive participant (e.g., in the source domain PERSON in *той папки, которая приходила на прошлой неделе* "that file which came last week"), Object / Recipient (e.g., in the target domain DOCUMENT in *той папки, которая приходила на прошлой неделе* "that file which came last week" since it could not arrive into the office on its own, it was probably brought in there), Patient / Inactive participant (e.g., both source domain ROAD and target domain CHINA in *Зимняя дорога. Ровная, твердая, гладкая: белый фарфор* "Winter road. Even, solid, smooth: white china"), contrasted as more and less agentive. Below, we will consider the reference types in source and target domains of novel metaphors.

Despite the fact that sentence 1 did not contain a metaphor, it still activated semantic elements which might provoke further priming effects, that is they might serve as primes facilitating the recognition of novel metaphors in post-position. Therefore, we also considered its semantic elements, but did not differentiate between the source and target domains. In terms of reference types in the source domains of 7 novel metaphors and one noun in sentence 1, we observed variance in the following semantic elements: in Agentivity group we had Agentive participant in AOIs_{2,3,5,6,8}, Object / Recipient in AOIs_{3,4,7} and Patient / Inactive participant in AOI₁; in Reference group we had Person-participant in AOI₈, Animated object (e.g., nature object) in AOI₁, Inanimate participant / object in AOIs_{2,3,4,5,7,8}. In terms of reference types in the source domains of 7 novel metaphors and one noun in sentence 1, we observed

variance in the following semantic elements: in Agentivity group we had Agentive participant in AOIs_{2,3,5,6,8}, Object / Recipient in AOIs_{3,4,7}, Patient / Inactive participant in AOI₁; in Number group we had Single participant / object in AOIs_{1,4,5,7,8}, Three and more participants / objects in AOIs_{2,3,6}; in Reference group we had Person-participant in AOIs_{3,6,8}, Animated object (e.g., nature object) in AOI₁, Inanimate participant / object in AOIs_{2,3,6,7,8}, Abstract object in AOIs_{4,5}; in Referential integrity group we had Integral participant / object in AOIs_{1,3,4,5,6,8} and Component of participant or object in AOIs_{2,7}, Facial movements of participant in AOI₅. Overall, the variance of semantic elements as components of target domains was much higher, still the question remains whether any of them influences the gaze behavior.

Following the theories of narratology, syntactic semantics and cognitive semantics [Talmy, 2000], we annotated 12 event frame groups, truth, type, relations, manageability, completeness, instantness, achievement, evaluation, space location, time location, repeatability, cause and effect. For instance, the group Type includes Creation / destruction (e.g., in the target domain HIGHWAYS in *это бетонное кольцо грозило охватить весь город* "this concrete ring threatened to capture the city"), Shifting / changing (e.g., in the target domain PERSON in *втирался в доверие к людям и потом их обманывал* "he stimulated people to trust him and then deceived them"), Perception (Sensory) (e.g., in the target domain OBSESSION in *эта игла мешала ему сосредоточиться на мыслях* "this needle prevented him from concentrating on his thoughts"), Lack of action or dynamics (e.g., in the target domain CHINA in *Зимняя дорога. Ровная, твердая, гладкая: белый фарфор* "Winter road. Even, solid, smooth: white china"). Below, we will consider the event frame types in source and target domains of novel metaphors in the stimulus.

In terms of event frame types in the source domains of 7 novel metaphors and one noun in sentence 1, we observed variance in all semantic elements apart from Manageability and Instances group; therefore, we will not list all the differences but enumerate only several of them. For instance, in Type group we had Shifting / changing event frame in AOIs_{2,3,4,5,6,8}, Perception in AOIs_{2,5,6,8}, Lack of action or dynamics in AOIs_{1,7}. In Relations group we had Interpersonal relations in AOI₈, Interactive relations in AOIs_{3,5,6}, No interpersonal or interactive relations in AOIs_{1,2,3,4,5,7}. Several event frame types co-occurred within one sentence because the sentence manifested two of more propositions employing several predicates. For instance, in sentence 3 *все*

эти клиенты были для нее словно папки, такие же безликие. Сегодня он вновь расспрашивал ее по поводу той папки, которая приходила на прошлой неделе "all these clients resembled files having no personal faces. Today he again asked her about the file which came in last week", we observed two noun-predicate groups, he asked about the file and the file came in. The first group displayed interpersonal relations, while the second did not; at the same time, they both manifested Shifting / changing event frame. In terms of target domains, we observed variance in all groups apart from Manageability, Instantness; so, there were no differences in target and source domains variance. However, the types of semantic elements within the metaphor mapping models were different.

The stimulus was presented on a 21-inch monitor. The SMI Red-x eye tracker was applied in the experiment (binocular system, frequency = 60 Hz, accuracy = 0.4°, head movement 40x20 cm, operating distance = 60–80 cm). The participants were instructed that they should give their responses choosing one of the three response variants (with the first two naming the source and target domain, the third claiming that there is no answer; so only one variant is correct). Since in this article we will consider only the gaze behavior of the experiment

participants, we will not present the analysis of their reports which might have also been influenced by semantic priming.

RESULTS AND DISCUSSION

Prior to gaze data preparation we had to decide which gaze characteristics should have been considered. We mostly regarded the characteristics specified in the studies focusing on exploring the priming effects [Odekar et al., 2009] and tested the following characteristics: fixation duration in the areas of interest (AOIs), the average fixation duration for fixations allocated in AOIs, first fixation duration measures; the average first fixation duration, and revisits. The following gaze paths (Figure 2b) show that these gaze characteristics displayed variance in different AOIs. In Figure 2a we present the AOIs, so that they could be traced in the gaze paths.

Overall, the gaze paths showed that several AOIs were skipped. Therefore, we had to process the data only of the participants who did not skip the AOIs in each pair of sentences since we had to consider the priming effects of the semantic elements in the mapping models in pre-position.

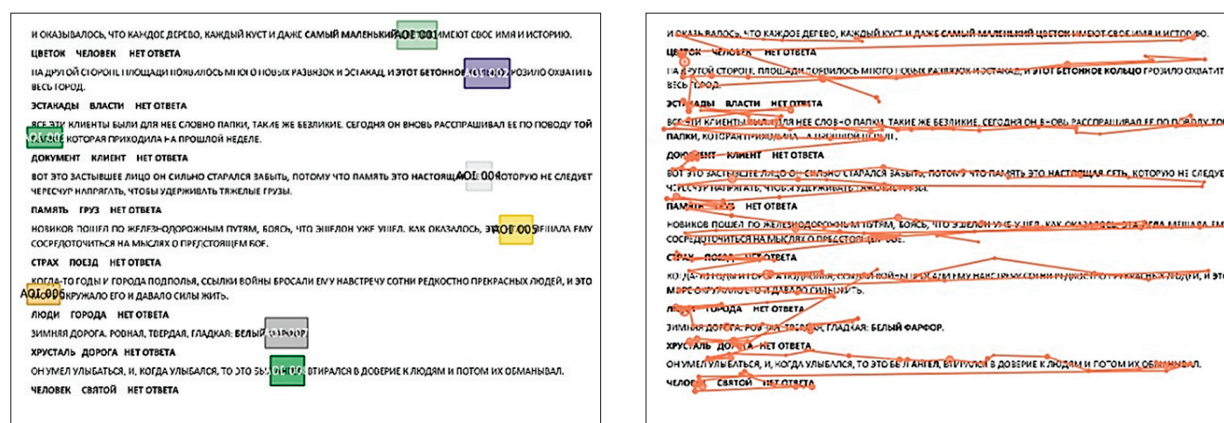

Figure 2. 2a – Areas of Interest in the Stimulus, 2b – one of the gaze paths

Table 1

GAZE DATA

	AOI ₁	AOI ₂	AOI ₃	AOI ₄	AOI ₅	AOI ₆	AOI ₇	AOI ₈
Dwell Time, ms	98.1	176.2	229.2	124.1	173	260.3	122.8	155.4
Revisits	0.3	0.4	1.1	0.1	0.4	0.6	0	0.5
Average fixation, ms	76	106.5	80.2	90.7	88.6	124.4	56.2	58.4
First fixation, ms	78.2	107.4	79.6	91.1	93.1	117.7	59.7	63.2
Fixation count	0.6	1.1	1.5	0.8	1	1.5	0.6	0.6

To test hypothesis one, which claimed that the features of source and target domains of novel metaphors influence the readers' gaze behavior, we applied the data produced in AOIs Key Performance Indicators Regime. In this case we could identify the differences in gaze behavior in relation to 8 AOIs. In Table 1 we present AOIs Key Performance Indicators for 8 AOIs.

The gaze data shows that there are differences in all characteristics; however, since Revisits would be aliased with Fixation count, and Dwell time would be dependent on both Average fixation and Fixation count, we considered three gaze characteristics, Dwell time, Revisits and First fixation duration. Besides, to avoid collinearity in semantic element effects onto gaze characteristics, we conducted statistical tests separately for two data blocks, for reference semantic elements and for event frame semantic elements, to establish their contingencies on gaze characteristics. The procedure of regression analysis was applied, which allowed first, to identify the predictability of gaze characteristics produced by semantic elements of metaphor mapping models, and second, to identify the semantic elements as best predictors of gaze behavior. Overall, we conducted 12 tests, with 6 tests for regression models of three gaze characteristics and two semantic elements groups of reference and event frame for source domains and target domains.

SIGNIFICANT RESULTS WERE OBTAINED IN THE FOLLOWING CASES

- a) Source domain. Significant results, according to the Dwell Time (model value $R^2 = 1$), were obtained in Agentive participant (Estimate (E)=154.7, $p < .001$), Object / Recipient (E =54.6, $p = .001$), Inactive participant/ Animated object (E =56.5, $p = .003$), Person-participant (E =-19.2, $p = .012$), Inanimate participant / object (E =-85.7, $p < .001$). Significant results, according to the First Fixation Duration (model value $R^2 = .999$), were obtained in Shifting / changing (E =32.1, $p = .037$), Perception (E =14.9, $p = .06$), Lack of action or dynamics (E =-67.4, $p = .023$), Interactive relations (E =-23.9, $p = .05$). Significant results, according to the Revisits (model value $R^2 = 0.994$), were obtained in Agentive participant (E =1.05, $p = .003$), Object / Recipient (E =0.7, $p = .008$), Inactive participant/ Animated object (E =0.75, $p = .015$).
- b) Target domain. No significant results, according to the Dwell Time, were obtained. Significant results, according to the First

Fixation Duration (model value $R^2 = .995$), were obtained in Single participant / object (E =-51.57, $p = .05$). Significant results, according to the Revisits (model value $R^2 = .99$), were obtained in Agentive participant (E =0.85, $p = .018$), Object / Recipient (E =0.53, $p = .023$), Inactive participant/ Animated object (E =0.78, $p = .02$).

The results show that the semantic elements in metaphor mapping models affect gaze behavior in different ways. More significant results were obtained in the source domain than in the target domain; this is partly explained by higher variance of semantic elements in target domains. At the same time, the results prove that semantic elements displaying different reference types (in contrast with event frame types) produce higher effects, with their highest values displayed by Agentivity. The results prove the dominant and consistent role of several semantic elements in metaphor mapping process earlier described in Lakoff & Turner (1989), Thibaut & Schyns (1995), Grady et al. (1999), however they extend them to show which particular elements produce higher gaze costs. We have provided evidence that most accessible referents as stated in [Siewerska, 2004] or more prominent ones as stated in [Irishanova, 2014] are the ones that require higher gaze costs. Interestingly, this effect appears in different types of metaphor mapping models, even in the ones which employ different event frames and different source and target domains. The second important result is the attested dominant role of the same feature, Agentivity or Dynamicity as a semantic element of both reference and event frame. The results experimentally prove the methodological views expressed in [Talmy, 2000] where he stresses the importance of dynamicity in event construal.

To test hypothesis two, which claimed that the semantic priming effects of elements as mapping model components stimulate the decrease in gaze costs, we conducted two types of analysis.

First, we applied the gaze data obtained in AOIs Key Performance Indicators Regime to identify whether they displayed a subsequent decrease in gaze costs contingent on the effects of semantic elements repeated use in the preceding metaphor. To do it, we revealed the examples of repeated use of reference and event frame semantic elements. There were 4 examples in the sample which satisfied this condition. 3 examples were found in AOI₂ and AOI₃ in the semantic elements Single participant / object in source domain and its absence in target domain, and Three and more participants / objects in target domain and its absence in source domain,

and also Event located in space in target domain and its absence in source domain. In AOI₄ and AOI₅ 1 example in the semantic element Inanimate participant / object present in source domain and absent in target domain was found. Three regression tests were made with three gaze characteristics, Dwell time, First Fixation duration and Revisits, and these variables. The highest model predictability was obtained with Revisits ($R^2=0.662$), this model had the semantic elements of AOI₂ and AOI₃ as good model predictors ($E=0.78$, $p=.026$); however, other two regression models did not manifest high R^2 or any good predictors. The results show that there are no steady effects of semantic priming on the gaze behavior in AOIs with novel metaphors. Presumably, these effects display a more individual character.

Second, we applied the data received from individual participants to see if their individual gaze behavior displayed the effects of semantic priming. Since several participants missed several AOIs in reading, two gaze characteristics which could be of use in this case were First Fixation Duration and Dwell Time in case a participant had not missed two consecutive AOIs with similar semantic elements in either source or target domains. Consequently, we used First Fixation Duration and Dwell Time in contingency tests (Student's t-tests) to identify the priming effects. First Fixation Duration in all AOIs falls within the range of 130-200 ms; however, its highest values are observed in AOI₇ and AOI₈, which seems unexpected since the priming effects were to have been at their highest. 7 Student's tests were then carried out which measured the contingency effects of First Fixation Duration in each pair of AOIs, AOI₁ and AOI₂, AOI₂ and AOI₃, AOI₃ and AOI₄, AOI₄ and AOI₅, AOI₅ and AOI₆, AOI₆ and AOI₇, AOI₇ and AOI₈. We did not reveal any significant contingencies in the tests, which means that combined semantic priming effects were less potent to produce any stable gaze costs decrease.

Next, we appealed to Dwell time, however in Student's t-tests we considered only the values in two successive AOIs which were not missed by the participants. 7 tests were carried out, still no significant contingencies were revealed, either. Overall, the second hypothesis has not been confirmed: the experiment did not prove the existence of semantic priming effects with novel metaphors. Several possible explanations to this fact can be produced. First, metaphor models displayed high diversity due to different correspondences in semantic elements belonging to source and target domains; this may have caused mixed effects which we have observed. Second, other types of priming, for

instance, syntactic or graphological priming might have influenced the results. Third, due to the fact that several participants did not have fixations in some AOIs, we had to discard their gaze behavior results in all AOIs, otherwise we could not observe the results in successive metaphors. Consequently, the data were limited. All facts considered, we did not observe the priming effect claimed in [Nakamoto, 2003], although the stimuli AOIs satisfied the same conditions (the vehicles, e.g., *развязки и эстакады* 'interchanges and flyovers', preceded the topic, here, *бетонное кольцо* 'concrete ring'). At the same time, the results are consistent with those described in the earlier study [Camac, Glucksberg, 1984] which did not report the association effects caused by metaphors.

FINAL REMARKS

In the current study, we explored the priming effects caused by repeated semantic elements as components of correspondences in metaphor mapping models. We report the results of the eye tracking experiment where participants were exposed to a lexical task which stimulated their reading for comprehension; therefore, their cognitive costs were expected to bring out different gaze costs depending on the presence or absence of semantic primes in the metaphors in pre-position. The study tested two hypotheses. The first one claiming that the features of source and target domains of novel metaphors influence the readers' gaze behavior, was confirmed. The major semantic element influencing the increase of gaze costs was agentivity in reference and dynamicity in event frame. The second hypothesis claiming that the semantic priming effects of these features stimulate the decrease in gaze costs was not verified. We appealed to two gaze characteristics, First Fixation Duration and Dwell time to explore their contingency on semantic primes, still no significant differences were observed. Accordingly, further studies on semantic priming have to be carried on; presumably, the mixed effects of semantic elements within the mapping models should be alleviated to bring out more consistent results and the effects of other types of primes, syntactic and graphological, should also be balanced. As revealed in the experiment, there is propensity for several semantic elements to produce higher cognitive load which might lead to better metaphor recognition and consequently to semantic priming effects; still, the procedural ways to capture these effects do not allow to explore them extensively.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Falcum I. L. Metaphor and metonymy in acquisition: a relevance-theoretic perspective // *Relevance, Pragmatics and Interpretation* / K. Scott, B. Clark, R. Carston (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 205–217.
2. Thibaut J.-P., Schyns P. G. The development of feature spaces for similarity and categorization // *Psychologica Belgica*. 1995. Vol. 35. P. 167–185.
3. French R. M. Relational priming is to analogy-making as one-ball juggling is to seven-ball juggling // *Behavioral & Brain Sciences*. 2008. Vol. 31. P. 386–387.
4. Фаликман М. В., Койфман А. Я. Виды прайминга в исследованиях восприятия и перцептивного внимания. Часть 1 // *Вестник МГУ. Серия 14. Психология*. 2005. Вып. 3. С. 86–97.
5. Velichkovsky B. B. et al. Diffused model of reaction time onto recent negative probes / B. B. Velichkovsky, F. R. Sultanova, D. V. Tatarinov, A. A. Kachina // *Experimental psychology*. 2020. Vol. 13(1). P. 35–50.
6. Odekar A. et al. Validity of eye movement methods and indices for capturing semantic (associative) priming effects / A. Odekar, B. Hallowell, H. Kruse, D. Moates, C. Lee // *Journal of speech, language, and hearing research*. 2009. Vol. 52(1). P. 31–48.
7. Wolff P., Gentner D. Structure-mapping in metaphor comprehension // *Cognitive Science*. 2011. Vol. 35. P. 1456–1488.
8. Lakoff G., Turner M. *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
9. McNamara T. P. *Semantic priming: Perspectives from memory and word recognition*. Psychology Press, 2005.
10. Hyönä J. Effects of thematic and lexical priming on readers' eye movements // *Scandinavian Journal of Psychology*. 1993. Vol. 34(4). P. 293–304.
11. Carroll P., Slowiaczek M. L. Constraints on semantic priming in reading: A fixation time analysis // *Memory and Cognition*. 1986. Vol. 14. P. 509–522.
12. Camac M. K., Glucksberg S. Metaphors do not use associations between concepts, they are used to create them // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1984. Vol. 13(6). P. 443–455.
13. Nakamoto K. Semantic priming effect of metaphor constituent terms // *Perceptual and motor skills*. 2003. Vol. 96. P. 33–42.
14. Kiose M. I. The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses // *Studies in logic, grammar and rhetoric*. 2020. Vol. 61(74). P. 161–178.
15. Siewerska A. On the discourse basis of person agreement // *Approaches to cognition through text and discourse* / ed. by T. Verhagen. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 33–48.
16. Iriskhanova O. K. *Games of focus in language*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2014.
17. Talmy L. *Toward a cognitive semantics: in 2 vols*. Cambridge: MIT Press, 2000.

REFERENCES

1. Falcum, I. L. (2019). Metaphor and metonymy in acquisition: a relevance-theoretic perspective. In K. Scott, B. Clark, R. Carston (eds.), *Relevance, Pragmatics and Interpretation* (pp. 205–217). Cambridge: Cambridge University Press.
2. Thibaut, J.-P., Schyns, P. G. (1995). The development of feature spaces for similarity and categorization. *Psychologica Belgica*, 35, 167–185.
3. French, R. M. (2008). Relational priming is to analogy-making as one-ball juggling is to seven-ball juggling. *Behavioral & Brain Sciences*, 31, 386–387.
4. Falikman, M. V., Koifman, A. Y. Vidy prajminga v issledovaniyah vospriyatija i perceptivnogo vnimanija = Types of priming in perception and perceptive attention studies. Part 1. Moscow University Psychology Bulletin, 3, 86–97. (In Russ.)
5. Velichkovsky, B. B., Sultanova, F. R., Tatarinov, D. V., Kachina, A. A. (2020). Diffused model of reaction time onto recent negative probes. *Experimental psychology*, 13(1), 35–50.
6. Odekar, A., Hallowell, B., Kruse, H., Moates, D., Lee, C. (2009). Validity of eye movement methods and indices for capturing semantic (associative) priming effects. *Journal of speech, language, and hearing research*, 52(1), 31–48.
7. Wolff, P., Gentner, D. (2011). Structure-mapping in metaphor comprehension. *Cognitive Science*, 35, 1456–1488.
8. Lakoff, G., Turner, M. (1989). *More than cool reason: A field guide to poetic metaphor*. Chicago: University of Chicago Press.
9. McNamara, T. P. (2005). *Semantic priming: Perspectives from memory and word recognition*. Psychology Press.
10. Hyönä, J. (1993). Effects of thematic and lexical priming on readers' eye movements. *Scandinavian Journal of Psychology*, 34(4), 293–304.
11. Carroll, P., Slowiaczek, M. L. (1986). Constraints on semantic priming in reading: A fixation time analysis. *Memory and Cognition*, 14, 509–522.
12. Camac, M. K., Glucksberg, S. (1984). Metaphors do not use associations between concepts, they are used to create them. *Journal of Psycholinguistic Research*, 13(6), 443–455.

13. Nakamoto, K. (2003). Semantic priming effect of metaphor constituent terms. *Perceptual and motor skills*, 96, 33–42.
14. Kiose, M. I. (2020). The interplay of syntactic and lexical salience and its effect on default figurative responses. *Studies in logic, grammar and rhetoric*, 61(74), 161–178.
15. Siewerska, A. (2004). On the discourse basis of person agreement. In T. Verhagen (ed.), *Approaches to cognition through text and discourse* (pp. 33–48). Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
16. Iriskhanova, O. K. (2014). *Games of focus in language*. Moscow: Languages of Slavic culture.
17. Talmy, L. (2000). *Toward a cognitive semantics: in 2 vols.* Cambridge: MIT Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Киосе Мария Ивановна

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета

Ярикова Валерия Алексеевна

студент Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kiose Maria Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor, Leading research scientist,
Moscow State Linguistic University

Yarikova Valeria Alekseevna

Student, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Истоки и современное состояние интерлингвистики

А. А. Костюхин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

a.kostyuxin@mail.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена возникновению и современному состоянию интерлингвистики. При проведении исследования использованы такие методы, как анализ, синтез и сравнение. Материалом исследования послужили научные публикации по интерлингвистике с 1911 г. по настоящее время. В статье подведены итоги дискуссии по наиболее острым вопросам современной интерлингвистики, связанным, прежде всего, с ее определением, предметом и местом среди других наук.

Ключевые слова: О. Есперсен, интерлингвистика, парадигма, международный язык, синтетическое языкознание

Для цитирования: Костюхин А. А. Истоки и современное состояние интерлингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 57–63. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_57

Original article

Origins and Current State of Interlinguistics

Alexey A. Kostyuhin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

a.kostyuxin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the emergence and current state of interlinguistics. The research materials are the scientific publications on interlinguistics from 1911 to the present day. The paper sums up the discussion on the most acute matters of interlinguistics connected with its definition, subject and place amongst other sciences.

Keywords: O. Jespersen, interlinguistics, paradigm, world language, synthesizing linguistics

For citation: Kostyuhin, A. A. (2022). Origins and current state of interlinguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 57–63. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_57

ВВЕДЕНИЕ

Человечество на протяжении всей его истории занимал вопрос создания универсального языка. Так, например, в эпоху античности предпринимались первые попытки построения искусственных языковых систем, которые воспринимались как один из способов преодолеть лингвистические барьеры между различными языками. По мере накопления научных трудов, посвященных разработке общечеловеческого языка, возникала необходимость создания отдельной науки, которая сумела бы систематизировать, обобщить и критически осмыслить накопленные к этому моменту знания и в рамках которой в дальнейшем рассматривался бы вопрос о международном языке. Появление такой науки, получившей название интерлингвистика, относится к первой половине XX века.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Как отмечает профессор МГУ им. Ломоносова С. Н. Кузнецов (род. 1945), термин «интерлингвистика» восходит к лингвониму *interlingua* («международный язык») и был предложен в октябре 1911 г. лингвистом из Бельгии и известным деятелем движения за Международный искусственный язык Ж. Мейсмансом (1870–1943), который разместил в издававшемся им теоретическом журнале «*Lingua internationale*» статью под названием «*Une science nouvelle*» [Meysmans, 1911]. Здесь впервые и был применен термин «интерлингвистика», которым Мейсманс предложил именовать новую науку. Она должна была заниматься естественными законами формирования общих вспомогательных языков. Под общими вспомогательными языками он понимал любые языки (как искусственные, так и естественные), которые могут выступать в качестве медиаторов межкультурной (и даже междиалектной) коммуникации. По научному убеждению Мейсманса, формирование вспомогательных языков происходит под влиянием определенных законов, которые и надлежало бы изучать в рамках новой дисциплины [Кузнецов, 1982a]. Официальное утверждение интерлингвистики как языковедческой дисциплины произошло в 1931 г. в Женеве, где о рождении новой науки с высокой трибуны II Международного конгресса лингвистов объявил датский языковед О. Есперсен (1860–1943), которого поддержали Э. Сепир (1884–1939), М. Бартоли (1873–1946), А. Мейе (1866–1936) и ряд других известных европейских лингвистов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ПРЕДМЕТ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Как справедливо замечает в своей работе «Основные понятия и термины интерлингвистики» С. Н. Кузнецов, в настоящий момент существует множество определений интерлингвистики, которые совершенно различно представляют ее объем, направления, разделы и связи с другими науками [Кузнецов, 1982b]. Классической принято считать дефиницию, которую дал новой науке один из ее основателей О. Есперсен. Есперсен определял интерлингвистику как раздел языкознания, который занимается исследованием структуры и основных понятий всех естественных языков с целью выработки и установления норм для интерязыков (*interlanguages*), т. е. вспомогательных искусственных языков, которые предназначены для письменного и устного взаимодействия между людьми, не имеющими возможности изъясниться с помощью их родного языка [Jespersen, 1931]. Несмотря на авторитет Есперсена в лингвистических кругах, данное им определение, как отмечает в своей статье «О предмете и подразделениях интерлингвистики» С. Н. Кузнецов, не является общепризнанным [Кузнецов, 1982b]. Сам Кузнецов уже в другой своей работе «Основы интерлингвистики» предлагает следующее определение этой науки: интерлингвистика представляет собой отрасль языкознания, которая занимается вопросами межкультурного общения и проблематикой международных языков как средства такого общения [Кузнецов, 1982a]. Данное определение находит отклик у ряда исследователей. Например, эсперантолог В. Г. Колкер (род. 1939) называет его одним из наиболее удачных. В свою очередь Колкер считает интерлингвистику разделом языковедения, который изучает методы конструирования плановых международных языков, а также функции национальных и плановых языков в структуре международной коммуникации [Колкер, 1985].

Несколько под другим углом рассматривает понятие интерлингвистики в своих работах А. Д. Дуличенко. В его трудах, посвященных вопросам науки о международном языке, можно встретить несколько авторских определений интерлингвистики. Так, в статье 1989 г. Дуличенко называет интерлингвистикой раздел языкознания или одну из его **парадигм** (выделено нами. – А. К.), которая способствует научному описанию универсального для говорящих на разных языках народов средства общения в статусе «язык», а также близких к языковым образованиям систем с аналогичным значением [Дуличенко, 1989]. В более поздней

работе автор определяет интерлингвистику как раздел (дисциплину) языкознания, который занимается проблемами социальной управляемости языка и языковой ситуации в мире, поисками универсального для разноязычных народов средства общения, а в отдаленной перспективе и всемирных языков, которые по своему происхождению могут быть либо этническими (созданными стихийно-сознательным путем), либо искусственными (созданными сознательным путем); автор отмечает, что дополнительную роль в этом предназначении могут также играть аналогичные языку знаковые системы в виде искусственно созданных пазиграфий и подобных языков [Дуличенко, 2017].

Принимая во внимание количество существующих определений интерлингвистики, восточно-германский лингвист Д. Бланке предлагает выделять две основные группы дефиниций этой науки. К первой группе он считает возможным относить определения, согласно которым интерлингвистика рассматривается как наука, занимающаяся вопросами международной языковой коммуникации, прежде всего, посредством плановых языков (например, эсперанто). Ко второй группе он относит определения, расширяющие круг предметов интерлингвистики. Со временем в ее проблемно-смысловое поле входят вопросы, возникающие вследствие языковых контактов, сравнения языков, перевода и т. д. [Blanke, 1977].

Итак, на сегодняшний день среди лингвистов не существует единого общепринятого определения интерлингвистики. Будучи особо значимым для укрепления позиций интерлингвистики среди других наук, вопрос об утверждении признаваемого всем лингвистическим научным сообществом определения должен быть поставлен во главу угла на одной из ближайших международных конференций по актуальным вопросам современной интерлингвистики.

Следует отметить, что большинство исследователей признают ее «лингвистичность» и предлагают рассматривать данную науку как языковедческую дисциплину. Тем не менее вопрос о характере и границах ее предмета по-прежнему остается дискуссионным, многие ученые определяют интерлингвистику совершенно различно. Так, С. Н. Кузнецов считает, что в рамках интерлингвистики следует рассматривать вопросы полилингвизма (генезис, перспективы развития и способы преодоления), взаимовлияние языков и формирование интернационализмов (грамматических, лексических, семантических и пр.), международных языков (естественных или искусственных) [Кузнецов, 1982а]. Намного шире формулировал предмет интерлингвистики советский и российский

лингвист В. П. Григорьев (1925–2007). По его научному убеждению, в сферу интерлингвистики входит как анализ взаимодействия национальных языков в современную эпоху, так и рассмотрение некоторых типологически значимых процессов, например, проблемы возникновения языковых «интернационализмов». Помимо перечисленных предметов Григорьев относит к компетенции интерлингвистики разработку принципов и методов проектирования искусственных языков, прогнозирование их структуры, выявление их функциональных возможностей и определение их взаимоотношений с естественными языками, а также анализ функционирования различных вспомогательных международных языков (как естественных, так и искусственных). С точки зрения Григорьева, интерлингвистика наблюдает за самими разнообразными языками в их заново формирующихся связях и взаимодействии, чем и определяется ее исключительная роль в настоящее время [Григорьев, 1966].

В этой связи трудно не согласиться с мнением Д. Бланке, который в 1998 г. писал, что единое понимание предмета интерлингвистики находится еще на стадии формирования [Blanke, 1998]. Как можно заметить, в среде лингвистов единой позиции по данному вопросу нет и по сей день.

Что касается подразделений интерлингвистики, то наиболее полно пишет о них в своей кандидатской диссертации советский и американский эсперантолог В. Г. Колкер [Колкер, 1985]. Основываясь на классических идеях Ф. де Соссюра, мы вслед за В. Г. Колкером предлагаем подразделять интерлингвистику на общую и частную, внешнюю и внутреннюю, синхроническую и диахроническую. Таким образом, схематически можно выделить восемь разделов интерлингвистики, в которых проблема международного языка решается с разных позиций. Безусловно, не все эти разделы одинаково ценны и одинаково разработаны. Приведем их краткую характеристику:

- 1) *внешняя общая синхроническая интерлингвистика*: языковая ситуация в мире, мультилингвизм и средства преодоления языкового барьера, соотношение стихийного и сознательного в языке, типы международных языков (естественные и искусственные языки), взаимодействие языков и возникновение интернационального языкового фонда, анализ функционирования международных языков;
- 2) *внешняя частная синхроническая интерлингвистика*: функционирование отдельных международных языков;
- 3) *внешняя общая диахроническая интерлингвистика*: развитие мировой языковой

- ситуации, ее прогнозирование (ближнее и дальнее), разработка идеи международного языка;
- 4) *внешняя частная диахроническая интерлингвистика*: история появления, распространения и функционирования отдельных международных языков;
 - 5) *внутренняя общая синхроническая интерлингвистика*: исследование естественных языков в целях выявления интернационального фонда и элементов построения плановых языков, выработка фундаментальных принципов лингвоконструирования, общая коммуникативная теория плановых языков, классификация плановых языков, сравнение этнических и плановых языков, сравнение плановых языков;
 - 6) *внутренняя частная синхроническая интерлингвистика*: проектные и коммуникативные теории отдельных плановых языков (прежде всего, эсперантология как теория планового языка, который получил наибольшую социальную реализацию);
 - 7) *внутренняя общая диахроническая интерлингвистика*: систематическое сопоставление структуры плановых языков по мере их возникновения;
 - 8) *внутренняя частная диахроническая интерлингвистика*: эволюция эсперанто.

СВЯЗЬ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ. ИНТЕРЛИНГВИСТИКА КАК ПАРАДИГМА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Одной из основных черт современного языкознания является его экспансионизм: наблюдается расширение области лингвистических исследований; возникают все новые объекты исследования, для интерпретации которых привлекаются сведения из самых разных наук. Интерлингвистика как автономный компонент языковедения пересекается с другими разделами языкознания по двум направлениям. Интерлингвистика пересекается с теми разделами языковедения, которые занимаются вопросами полилингвизма, международной и межкультурной коммуникации. В первую очередь эти проблемы ставятся с позиции социолингвистики (в плане отношения языка и социума), а также сравнительно-исторического языкознания (в контексте сопоставления внутренних стимулов развития языка с внешними, в число которых входят и языковые контакты), лингвистической типологии и других дисциплин. Кроме того, занимаясь исследованием плановых языков, интерлингвистика соприкасается

с общей теорией языкового моделирования и языкового планирования. Связь интерлингвистики с неязыковедческими дисциплинами трудно преуменьшить. Так, еще В. П. Григорьев отмечал, что интерлингвистика тесно связана с кибернетикой, поскольку она (интерлингвистика) является разделом синтезирующего языкознания. Благодаря кибернетике уточняются некоторые стихийно возникающие интерлингвистические и общезыковые понятия [Григорьев, 1966].

Сегодня некоторые исследователи (в частности, А. Д. Дуличенко [Дуличенко, 1989]) предлагают рассматривать интерлингвистику в качестве одной из парадигм научного знания. Насколько мотивирован такой подход к предмету? Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, обратимся к определению и признакам научной парадигмы и попробуем применить данные критерии к интерлингвистике. Как известно, в научное обращение понятие парадигмы в 1958–1959 гг. ввел американский философ Томас Сэмюэл Кун. В своей книге «Структура научных революций» он пишет, что под парадигмой следует понимать признанные всеми учеными интеллектуальные достижения, которые в течение определенного времени выступают мерилом постановки и решения научных проблем [Кун, 2003]. Научная парадигма включает в себя фундаментальную теорию. Ее разделяют все ученые, работающие в рамках данной парадигмы. Единая система научных посылок, совокупность взаимосвязанных категорий определяют специфические характеристики объекта исследования, систему методов и концептуальный аппарат (совокупность терминов для интерпретации объекта исследования). Как отмечает С. Н. Кузнецов, фундаментальная теория интерлингвистики представлена двумя компонентами: теорией лингвопроектирования и теорией функционирования планового языка. Согласно научному убеждению С. Н. Кузнецова, основы теории лингвопроектирования были заложены в 1629 г. французским философом-рационалистом Р. Декартом (1596–1650), а впоследствии разрабатывались в трудах большого числа ученых XVII–XIX вв. В окончательную систему на базе современной науки накопленные знания были введены французскими учеными-математиками Л. Кутюра (1868–1914) и Л. Ло (1868–1943) в 1901–1910 гг. Теория функционирования плановых языков получила импульс к развитию только после того, как первые языки означенного типа стали активно использоваться в обществе. Первым социально используемым языком стал волапюк (1879), а затем и эсперанто (1887), который до сих пор является наиболее успешно реализованным и распространенным искусственным (плановым) языком.

Социальная реализация эсперанто легла в основу теории функционирования планового языка, разработка которой была начата Рене де Соссюром (1868–1943) в 1910 г. [Saussure, 1910; Saussure, 1911]. Таким образом, к 1910 г. оформились обе выше названные теории, являющиеся составными частями интерлингвистики. Говоря о понятийном и терминологическом аппарате интерлингвистики, С. Н. Кузнецов отмечает, что за время своего существования интерлингвистика выработала большое количество научных понятий, являющихся неотъемлемой частью понятийной и терминологической систем современного языкознания. Тем не менее система интерлингвистических терминов и понятий существенно варьируется от одного периода к другому и от одной школы (автономизм, натурализм) к другой. Овладение современной проблематикой интерлингвистики становится возможным только при условии глубокого проникновения в сущность указанных понятийных и терминологических различий [Кузнецов, 1982б].

Отметим, что в настоящее время не существует (по крайней мере, в открытом доступе) ни одной научной работы, в которой бы четко описывалась методология интерлингвистики. Возникающие на страницах отдельных трудов подступы к интерлингвистической методологии остаются крайне неоднородными. Так, например, обрисовывая методологическую базу своей кандидатской диссертации, В. Г. Колкер пишет, что для выявления генетической и генетико-типологической общности эсперанто и русского языка он использовал систематическое сопоставление элементов и моделей обоих языков. По научному убеждению Колкера, данный метод интерлингвистики может быть назван сопоставительно-генетическим [Колкер, 1985]. Мы считаем, что если автор сам выбирает название для используемого им метода, то у данного метода, очевидно, нет общепринятого наименования. Д. Бланке еще в 1998 г. писал, что в его время не существовало научно обоснованного и полного описания предмета, методологии и областей исследования интерлингвистики [Blanke, 1998]. Точка зрения Д. Бланке актуальна и сегодня.

Принимая во внимание сказанное выше, следует отметить, что на сегодняшний день интерлингвистика не может считаться научной парадигмой, так как не располагает единой системой методов. Кроме того, существование огромного количества разных подходов к пониманию объекта, предмета и задач интерлингвистики не соответствует принципу непротиворечивости, который является одним из важнейших признаков научной парадигмы. Тем не менее стоит признать, что за последние несколько десятилетий интерлингвистика проделала большой путь.

Сегодня пишутся и издаются отдельные вузовские пособия по интерлингвистике. Самими актуальными из них в России являются монография А. Д. Дуличенко «История интерлингвистики» и учебное пособие С. Н. Кузнецова «Интерлингвистика: Теория. История. Терминология» [Дуличенко, 2007; Кузнецов, 2014а]. В университетах Москвы (МГУ) [Кузнецов, 2014б] и Казани (КФУ)¹ читаются спецкурсы интерлингвистики. По инициативе автора международного энциклопедического проекта «Самаркандиана» и основателя Самаркандского городского интерклуба «Эсперанто» А. И. Ионесова при Студенческом научном обществе Самаркандского государственного университета была организована секция интерлингвистики и эсперантологии. В Самарканде ежегодно проводятся слеты эсперантистов, студенческие научные конференции по интерлингвистике и эсперантологии². В Тартуском государственном университете под руководством проф. А. Д. Дуличенко регулярно публикуются научные сборники по интерлингвистике «Interlinguistica Tartuensis» (последний 10-й выпуск вышел в свет в 2017 г.). Свою активную деятельность на территории Российской Федерации ведет Российский союз эсперантистов³. По теме интерлингвистики активно пишутся новые работы. Так, отдельного упоминания заслуживают статьи С. Н. Кузнецова, А. А. Даниличевой, В. Р. Богословской и М. С. Косыревой [Кузнецов, 2015; Даниличева, 2016; Богословская, Косырева, 2019].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из всего, сказанного выше, сегодня интерлингвистика прочно входит в структуру современного языкознания. Эта относительно молодая наука имеет достаточно длительную историю, собственные традиции, определенные практические и теоретические достижения. Несмотря на то, что в настоящий момент интерлингвистика не может считаться научной парадигмой, существуют все основания полагать, что эта наука находится на пороге больших изменений и через некоторое время пополнит ряды современных лингвистических парадигм. На наш взгляд, сегодня самой важной задачей, стоящей на повестке дня, является проведение специальных исследований, которые призваны унифицировать всю совокупность используемых в интерлингвистике терминов и понятий, разрешить накопившиеся противоречия интерлингвистики и выработать единую методологическую базу этой новой, но всё более актуальной и востребованной в современном мире научной дисциплины.

¹ См.: <https://kpfu.ru/pdf/portal/oop/78315.pdf>

² См.: https://kultura.uz/view_2_r_7732.html

³ См.: <https://reu.ru/starto/ru/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Meysmans J. Une science nouvelle // *Lingua internacional*. 1911. № 8. P. 14–16.
2. Кузнецов С. Н. Основы интерлингвистики. М.: Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982а.
3. Кузнецов С. Н. Основные понятие и термины интерлингвистики. М.: Университет дружбы народов им. П. Лумумбы, 1982б.
4. Jespersen O. A New Science: Interlinguistics // *Psyche*. № 11. 1931. P. 57–67.
5. Кузнецов С. Н. О предмете и подразделениях интерлингвистики // *Interlinguistica Tartuensis I: Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П. А. Аристэ. Ученые записки Тартугу*. 1982в. Вып. 613. С. 15–37.
6. Колкер В. Г. Вклад русского языка в формирование и развитие эсперанто: дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
7. Дуличенко А. Д. Интерлингвистика: сущность и проблемы // *Interlinguistica Tartuensis VI: Общая интерлингвистика и плановые языки. Ученые записки Тартугу*. 1989. Вып. 858. С. 18–41.
8. Дуличенко А. Д. Языкознание и интерлингвистика // *Interlinguistica Tartuensis X: Языкознание и интерлингвистика*. 2017. С. 7–28.
9. Blanke D. Interlinguistik und interlinguistische Forschungen // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1977. 30, № 6. S. 389–398.
10. Григорьев В. П. О некоторых вопросах интерлингвистики // *Вопросы языкознания*. 1966. № 1. С. 37–46.
11. Blanke D. Interlinguistik und Plansprachen // *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät*. 1998. Bd. 21, Heft 2. S. 45–76.
12. Кун Т. Структура научных революций. М.: Издательство АСТ, 2003.
13. Saussure R. de (под псевд.: Antido). *La construction logique des mots en Espéranto*. Genève: Universala Esperanto Librejo, 1910.
14. Saussure R. de. *Principes logiques de la formation de mots*. Genève: Librairie Kündig, 1911.
15. Дуличенко А. Д. История интерлингвистики. М.: Высшая школа, 2007.
16. Кузнецов С. Н. Интерлингвистика: Теория. История. Терминология. М.: Импэто, 2014.
17. Кузнецов С. Н. Языкознание и интерлингвистика: программы лекционных курсов (МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997–2014) // *Современная наука*. 2014. № 1. С. 45–64.
18. Кузнецов С. Н. Интерлингвистика и синтезирующее языкознание // *Современная наука*. 2015. № 4. С. 96–100.
19. Даниличева А. А. Интерлингвистика как наука о международных искусственных языках // *Научный аспект*. 2016. № 4. С. 128–133.
20. Богословская В. Р., Косырева М. С. Константы интерлингвистики в контексте языковой глобализации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2019. Вып. 8 (141). С. 133–138.

REFERENCES

1. Meysmans, J. (1911). Une science nouvelle. *Lingua internacional*, 8, 14–16.
2. Kuznetsov, S. N. (1982a). *Osnovy interlingvistiki = Fundamentals of Interlinguistics*. Moscow: Universitet druzhby narodov im. P. Lumumby. (In Russ.)
3. Kuznetsov, S. N. (1982b). *Osnovnye ponyatiya i terminy interlingvistiki = Basic Notions and Terms of Interlinguistics*. Moscow: Universitet druzhby narodov im. P. Lumumby. (In Russ.)
4. Jespersen, O. (1931). A new science: Interlinguistics. *Psyche*, 11, 57–67.
5. Kuznetsov, S. N. (1982в). O predmete i podrazdelenijah interlingvistiki = On the subject and divisions of interlinguistics. *Interlinguistica Tartuensis I: Aktual'nye problemy sovremennoj interlingvistiki. Sbornik v chest' semidesyatiletiya akad. P. A. Ariste. Uchenye zapiski of Tartu State University*, 613, 15–37. (In Russ.)
6. Kolker, V. G. (1985). *Vklad russkogo yazyka v formirovanie i razvitie esperanto = Contribution of the Russian language to the formation and development of Esperanto: PhD in Philology*. Moscow. (In Russ.)
7. Dulichenko, A. D. (1989). Interlingvistika: sushhnost' i problemy = Interlinguistics: essence and problems. *Interlinguistica Tartuensis VI: Obsh'aya interlingvistika i planovye yazyki. Uchenye zapiski of Tartu State University*, 858, 18–41. (In Russ.)
8. Dulichenko, A. D. (2017). Jazykoznanie i interlingvistika = Linguistics and interlinguistics. In *Interlinguistica Tartuensis X: Yazykoznanie i interlingvistika* (pp. 7–28). (In Russ.)
9. Blanke, D. (1977). Interlinguistik und interlinguistische Forschungen. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 30(6), 389–398.
10. Grigor'ev, V. P. (1966). O nekotoryh voprosah interlingvistiki = On some issues of interlinguistics. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, 37–46. (In Russ.)
11. Blanke, D. (1998). Interlinguistik und Plansprachen. *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät*, 21(2), 45–76.
12. Kuhn, T. (2003). *Struktura nauchnykh revol'utsij = The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow: Izdatel'stvo AST. (In Russ.)
13. Saussure, R. de (pseudonym: Antido) (1910). *La construction logique des mots en Espéranto*. Genève: Universala Esperanto Librejo.

14. Saussure, R. de (1911). Principes logiques de la formation de mots. Genève: Librairie Kündig.
15. Dulichenko, A. D. (2017). Istoriya interlingvistiki = History of Interlinguistics. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
16. Kuznetsov, S. N. (2014). Interlingvistika: Teoriya. Istoriya. Terminologiya. = Interlinguistics: Theory. History. Terminology. Moscow: Impeto. (In Russ.)
17. Kuznetsov, S. N. (2014). Linguistics and interlinguistics: programs of the two lecture courses at Lomonosov Moscow State University (1997–2014). Sovremennaja nauka, 1, 45–64. (In Russ.)
18. Kuznetsov, S. N. (2015). Interlinguistics and synthesizing linguistics. Sovremennaja nauka, 4, 96–100. (In Russ.)
19. Danilicheva, A. A. (2016). Interlingvistika kak nauka o mezhdunarodnyh iskusstvennyh jazykah = Interlinguistics as a science about international artificial languages. Nauchnyj aspekt, 4, 128–133. (In Russ.)
20. Bogoslovskaya, V. R., Kosyreva, M. S. (2019). Konstanty interlingvistiki v kontekste jazykovej globalizacii = Constants of interlinguistics in the context of language globalization. Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University, 8(141), 133–138. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюхин Алексей Александрович

преподаватель кафедры немецкого языка и перевода
Московского государственного лингвистического университета,
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostyuhin Alexey Alexandrovich

Lecturer at the Department of German and Translation and Interpreting,
Moscow State Linguistic University,
Post-graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 81.23

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_64

Принципы этнопсихолингвистического исследования сознания

З. Г. Адамова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. В связи с постановкой проблемы неоднозначной интерпретации данных ассоциативного эксперимента, служащего для выявления этнокультурной специфики сознания, автор обосновывает некоторые принципы этнопсихолингвистического исследования. Для этого на основе анализа экспериментальных данных аргументируется положение о возможности применении социологического принципа соответствия проблеме к изучению речевого действия как этнопсихолингвистического феномена и учет фундаментального принципа релятивизма, детерминирующего анализ действия.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, язык и социальные процессы, этносоциальные представления; принцип соответствия постановке проблемы, принцип релятивизма

Для цитирования: Адамова З. Г. Принципы этнопсихолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (861). С. 64–69. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_64

Original article

Principles of the Ethnopsycholinguistic Study of Consciousness

Zoya G. Adamova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

zoya_adamova@mail.ru

Abstract. In connection with the problem of ambiguous interpretation of the data of the associative experiment in order to determine the ethnocultural specificity of consciousness, the author substantiates some principles of ethnopsycholinguistic research. To do this, based on the analysis of experimental data, the position on the possibility of applying the sociological principle of correspondence to the problem to the study of speech action as an ethnopsycholinguistic phenomenon and taking into account the fundamental principle of relativism, which determines the analysis of action, is argued.

Key words: ethnopsycholinguistics, language and social processes, ethnosocial ideas, the principle of relativism, problem statement principle, principle of relativism

For citation: Adamova, Z. G. (2022). Principles of the ethnopsycholinguistic study of consciousness. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 64–69. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_64

ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

«Мы должны понимать, что если мы что-то видим и это что-то действует в нас, значит, в действительности, мы поняли и воспроизвели в себе условие видения»

М. Мамардашвили

Интерес психолингвистов к этническим структурам сознания обусловлен причинами как научно-теоретического, так и практического характера. Так, разрабатываются психолингвистические методы диагностирования социальной напряженности, при этом экспериментально доказываем, что психолингвистический подход к изучению социальных процессов обладает рядом преимуществ над количественными методами диагностирования. Однако остаются неразрешенными принципиальные вопросы методологического характера, недостаточное понимание которых в значительной мере влияет на достоверность выводов исследователей этнокультурной специфики сознания.

Цель настоящей статьи – обосновать некоторые принципы этнопсихолингвистического исследования сознания с учетом моделирования этносоциальных представлений на базе экспериментальных данных. Для этого в статье актуализируются некоторые аспекты социальных процессов, существенные для психолингвистики, и определяются принципы моделирования «системы действительности» с опорой на содержание этнических стереотипов и данных экспериментов. Все сказанное позволяет обосновать эффективность применения социологического принципа соответствия проблеме в этнопсихолингвистических исследованиях сознания. Он обусловлен фундаментальным принципом релятивизма.

СУЩНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ С ПОЗИЦИИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Теоретической базой исследования социальной напряженности является обоснованное в отечественной психологии представление о том, что явления действительности воспринимаются человеком только в структуре деятельности и общения. Субъектно-деятельностный подход к проблеме «подлинно социального» в сознании применяется также в отечественной социологии. С точки зрения психологии в основании проблемы понимания сущности процесса социализации лежит направленный на самосохранение и саморазвитие ценностно-мотивационный, или смысловой конструкт личности, а в социологии – функциональные

ценностно-нормативные, или ролевые конструкты, главная функция которых заключается в установлении и поддержании социального взаимодействия.

Для психолингвиста существенно, что все социальные процессы так или иначе опосредованы языком, а именно языковыми значениями социальных представлений, пользуясь которыми человек конструирует социальную реальность. Принято считать, что психологическое значение социальных представлений, в том числе этнических стереотипов и ценностей, моделируемое на основе интерпретации данных ассоциативного эксперимента, дает возможность судить о мотивационно-потребностной сфере деятельности человека [Пищальникова и др., 2021]. Согласно деятельностному подходу, любая деятельность, в том числе речевая, связана со встраиванием «образа» объективной реальности как внутренним условием формирования потребности или шире – цели деятельности. С другой стороны, она опосредована предметным миром, включенным в социальную и культурную структуру реальности, который задает направление и регулирует конкретную деятельность, связанную с потребностью [Леонтьев, URL]. Следовательно, задавая параметры, соответствующие свойствам этносоциальных представлений как психологических потребностей и социальных установок, психолингвист может моделировать «ситуативный образ мира», в котором будут представлены как «глобальный образ мира» (в терминах А. А. Леонтьева) или условия формирования потребности, так и «мир смыслов» (в терминах М. Мамардашвили), т. е. собственно психологический процесс поиска и удовлетворения потребностей или, в терминах социологии, поиск достижения целей, регулируемый социальной структурой.

Ключевым свойством этносоциальных представлений для психолингвиста являются эмоции, репрезентированные в языке. Согласно лингвистической теории эмоций (В. И. Шаховский), любое понятие сопровождается эмоциональными представлениями, ассоциируемыми с его эмотивным значением, то есть выражаемым языком *эмоциональным отношением к предметному содержанию понятия*, которое необходимо включено в деятельность [Шаховский, 2016]. И так как аффективная сторона сознания с необходимостью включается в процессы обобщения и общения, эмоциональные представления не только индивидуальны, но и социологизированы [там же, с. 45]. Следовательно, при моделировании психологического значения этносоциальных представлений можно выявить и «эмоциональный образ» действительности, культурный и социальный. Означенный подход к этносоциальным представлениям позволяет выявить

не только их структуру и не только содержание их психологического значения, но также определить их мотивационную основу. Всё перечисленное позволяет говорить о данном подходе к этносоциальным представлениям как о *диагностическом методе*. С целью выявления характера социальных ценностей мы провели серию психолингвистических экспериментов и сделали некоторые выводы о побудительной силе в русской и якутской лингвокультурах таких социальных ценностей, как *успех* и *ситиһии* (успех), *вера* и *итэбэл* (вера), *свобода* и *көһүл* (свобода) [Адамова, Чиркеева, 2021]. Для диагностирования напряженности между представителями разных этносов, сосуществующими в одном социуме, мы исследовали этнические стереотипы, а также некоторые этносоциальные и этноконфессиональные представления, что позволило установить ряд особенностей этнической идентичности якутов и русских, проживающих на территории Республики Саха (Якутия): когнитивных, эмоционально-оценочных и поведенческих [Адамова, 2006]. Известная вербальная диагностика межэтнической напряженности [Пищальникова, Рогозина, 2004] позволила прогнозировать не только наличие или отсутствие межэтнической напряженности, но и степень ее выраженности. Упомянутая методика используется для диагностирования межэтнической напряженности в разных этноконтактных ситуациях. При этом чаще всего предметом исследования становятся этнические авто и гетеростереотипы (см. например: [Роговская, 2014; Ханова, Станкевич, 2016]), реже – этноконфессиональные представления (см. например: [Каюмов, Станкевич, Ханова, 2017]).

Ассоциативный эксперимент распространен как инструмент сбора данных в психолингвистических исследованиях социальных ценностей, но интерпретируются эти данные часто без учета того, что пара *стимул – реакция* представляет собой речевое действие.

ПРИНЦИП МОДЕЛИРОВАНИЯ «СИСТЕМЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

В основе представления о включенности речевой деятельности в другие виды психической и иной деятельности человека лежит процесс взаимодействия двух различных сущностей: сознания как психического феномена нематериальной природы и материального феномена речи. Вербальные ассоциации, по сути, специфически отображают процессы концептуализации мира. Сложные механизмы формирования «системы действительности» одним из первых были описаны Л. С. Выготским. Согласно Л. С. Выготскому, «сознание есть

взаимодействие, отражение, взаимовозбуждение различных систем рефлексов» [Выготский, 1982, т. 2, с. 89]. При этом основополагающей является группа социальных, «обратимых» рефлексов, т. е. слов. Именно слова создают *основу для социального поведения*, служат коллективной координации социального поведения, так как здесь раздражитель может стать реакцией, и наоборот. Речь – это система «рефлексов социального контакта», с одной стороны, а с другой – система рефлексов сознания по преимуществу, т. е. «аппарат отражения» других систем [там же, с. 95]. Рассуждая о «социологизированности» всего сознания, Л. С. Выготский приходит к заключению: «сознания как определенной категории, как особого способа бытия не оказывается», «сознание есть сложная структура поведения», так как оно «есть только рефлекс рефлексов» [там же, с. 98]. Другими словами, речевая деятельность актуализирует цепь рефлексов, взаимосвязанных и функционально актуальных для индивида, но вся эта цепь так или иначе представлена в ассоциате. Отсюда любая реакция – только одно из опосредованных другими связями проявлений единого целого, сложная структура поведения, по которой мы и можем судить о сознании. Поэтому сознание, по Л. С. Выготскому, имеет смысловое строение, выражает *отношение к внешнему миру* с помощью знака и способа его употребления. При помощи знаков осуществляется связь между элементами структуры и опосредованный процесс овладения собственным поведением. При этом единство всех процессов, входящих в состав высшей формы поведения, образуется благодаря сочетанию двух факторов: единства задачи, стоящей перед человеком, и тех средств, которые диктуют структуру процесса поведения. Следовательно, межсловесные связи, полученные в результате ассоциативного эксперимента, отображают опосредованный всем содержанием сознания функциональный смысл. Однако часто исследователи примитивизируют «систему действительности», утверждая непосредственную связь между стимулом и реакцией. Так, анализируя особенности авто и гетеростереотипов русских и татар, авторы делают вывод о том, что «реакция «татары» на слово-стимул «русский» характеризует крепкие исторические связи, включенность данного этноса в контекст татарского языкового сознания»; что реакция «повсюду» отражает приблизительное численное равенство татар и русских на территории Татарстана, а «народ» и «нация» свидетельствуют об уважительном отношении как к своему, так и русскому народу [Ханова, Станкевич, 2016]. Интерпретируя содержание эмоционально-оценочного компонента гетеростереотипов русских авторы пишут, что «единичная

реакция «монголы» имеет отрицательную коннотацию», а наличие в структуре автостереотипов «татары» и «русские» реакций *Вперед!, Были, есть и будем!, Не сдаются!* говорит о «высокой степени экспрессивности и патриотизма обоих этносов» [там же, с. 8]. При этом исследователи ссылаются на предложенную нами вербальную диагностику межэтнической напряженности [Адамова, 2006]. Однако они не принимают во внимание то, что она учитывает свойства этнических стереотипов и представлений как конвенциональных стереотипов, являющих собой когнитивную структуру с фиксированной оценкой представляемого знания, главной функцией которой является *психологический механизм стабилизации социально значимой деятельности* [Пищальникова, Дмитриева, 1997]. Вследствие этого принципиально значимый с позиций психолингвистики эмоционально-оценочный компонент в структуре конвенционального стереотипа рассматривается не как его мотивационная основа, а как представленная в вербальной ассоциации «действительность». Конвенциональный характер этносоциальных ценностей *Родина* и *патриотизм* игнорируется и в психолингвистическом исследовании образов сознания якутов и русских [Григорьева, Никаева, 2016], где авторы пишут в заключении о росте патриотизма на основании частотной реакции *зашкаливает* на стимул *патриотизм*, которая не была зафиксирована в Русском ассоциативном словаре. Вместе с тем авторы удивляются тому, что по-прежнему «истинный патриотизм связан с событиями освободительной войны» [там же]. Между тем, согласно свойствам и функциям конвенциональных стереотипов, а также психолингвистическому подходу к «системе действительности» как системе ориентиров, такие реакции могут свидетельствовать лишь об условиях совместной деятельности испытуемых. Они не говорят о повышении значимости исследуемых ценностей или о росте патриотизма у молодых якутов и русских. Но при этом они могли бы многое сказать как о национально-культурной специфике смыслообразования, так и о ее влиянии на социальное поведение.

ПРИНЦИП СООТВЕТСТВИЯ ПРОБЛЕМЕ

Главная практическая задача изучения этнокультурной специфики сознания – обеспечение эффективных межэтнических контактов. Следовательно, как и общая и социальная психология, социология и политология, этнопсихолингвистика имеет дело с теоретическими вопросами, связанными с социальной сущностью человека, т. е. с самоопределением человека, поиском им своего

места в многообразном социуме. В связи с проблемой самоидентификации человека целесообразно рассмотреть принцип соответствия проблеме, сформулированный американским социологом Ч. Р. Миллсом, применительно к анализу экспериментальных данных. Суть этого принципа в том, что если человек может постигнуть приобретенный жизненный опыт и выверить собственную судьбу только тогда, когда определит свое место в контексте данного времени, то главной проблемой обществоведа становится обеспечение таких условий для человека, в которых у него развивалось бы *социологическое воображение* [Миллс, 2001]. Под социологическим воображением понимается качество ума любого человека, позволяющее ему «пользоваться информацией и развивать мышление, чтобы достичь ясного понимания того, что происходит с миром и с ним самим», а также понимания того, что и «он вносит собственный, хоть и ничтожный, вклад в развитие общества, выбор направления его исторического развития, несмотря на то что он сам является продуктом общества и конкретно-исторических общественных сил» [там же, с. 14]. Следовательно, как утверждает Чарльз Миллс, многообразие и многозначность исследуемого обществоведами мира, который нередко оценивается как беспорядочный и невозможный для описания, зависит от «точки зрения» исследователя: для понимания людей и обществ необходим комплекс достаточно простых критериев, чтобы понимание стало возможным. Такими критериями являются реальные процессы в обществе и те смыслы, которые придаются им конкретными людьми [там же, с. 154]. Именно такой подход к проблеме этнокультурной специфики сознания практикуется в отечественной психолингвистике, для которой этносоциальные представления интересны не только сами по себе, но также (и в первую очередь) интересны в аспекте их функционирования, т. е. влияния на индивидуальное сознание. Благодаря означенному подходу к этносоциальным представлениям можно избежать ситуации, в которой сознание подменяется условиями его формирования и функционирования, когда мир идеологических конструкций («мир по истине» в терминах М. Мамардашвили) воспринимается и описывается нами, исследователями, как мир смыслов, мир феноменов («мир по мнению»). Так, выводы о значимости ценностей «Родина» и «патриотизм», сделанные авторами рассмотренной нами статьи, говорят, по сути, лишь о том, что именно такие представления позволяют или могут позволить молодым якутам и русским взаимодействовать друг с другом в настоящее время, но они оставляют открытым основной вопрос – вопрос

функционирования ценностей как мотиваторов и регуляторов осознанного действия.

Б. Л. Уорф, впервые привлечший внимание к проблеме влияния релятивизма на действия, был убежден, что различия в концептуальных системах ведут к радикальным различиям в мышлении и тем самым к различиям в поведении. Именно в вопросе влияния на действия, по убеждению самого Дж. Лакоффа, особенно ярко проявляется важность релятивизма [Лакофф, 2004]. Вопросы о том, «являются ли действия, которые мы рассматриваем как естественные и нормальные, продуктом той концептуальной системы, в которой нам случилось вырасти» или «есть ли в вашей концептуальной системе такие части, которые вы можете выбирать, и части, где вы не властны в выборе» [там же, с. 422], остаются ключевыми для всех социальных наук. Трудно не согласиться с мнением Ч. Р. Миллса, согласно которому моральную ответственность за «социологическое воображение», следовательно, и за ее отсутствие, во многом несут исследователи, особенно если учитывать, что способность к познанию у людей безгранична. В связи с этим вслед за У. Томаселло необходимо подчеркнуть, что любой языковой акт так или иначе участвует в дальнейшем развитии зарождающихся намерений, обуславливающих появление все более сложных форм сотрудничества или безграничных возможностей для осмысления мира.

Но при этом уникальные формы осмысления мира принципиальным образом зависят от способности к совместным намерениям в том смысле, что мы видим одно и то же, но под разным углом зрения, с разных позиций [Томаселло, 2011, с. 280]. Это принципиальное замечание, сделанное в связи с языковой коммуникацией как совместной интенциональностью, говорит, по сути, о том, насколько существенным является «социологическое воображение», т.е. способность понимать «культурный» мир, но видеть в нем возможности для развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования социальных явлений с помощью этнопсихолингвистических методов могут дать огромный материал для анализа этнокультурной специфики сознания. Но для того, чтобы увидеть и, возможно, тем самым дать увидеть людям, какое влияние они имеют на формирование и функционирование индивидуального сознания и какие возможности они открывают или не открывают для него в познании окружающего, исследования «мира по истине» определенно недостаточно. Таким образом, принцип соответствия проблеме влияния «системы действительности» на действие может быть использован в этнопсихолингвистических исследованиях сознания как один из основополагающих.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. и др. Психолингвистический эксперимент и исследование идентичности: монография / В. А. Пищальникова, Н. И. Степыкин, З. Г. Адамова, А. И. Хлопова ; под ред. В. А. Пищальниковой. М.: Спутник +, 2021.
2. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. URL: <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/3-2.html>
3. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2016.
4. Адамова З. Г., Чиркоева Д. И. Экспериментальное психолингвистическое исследование понятия кенгүл (свобода) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 10. С. 138–143.
5. Адамова З. Г. Вербальная диагностика межэтнической напряженности: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
6. Пищальникова В. А., Рогозина И. В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. М.; Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. С. 121–128.
7. Роговская А. И. К вопросу о лингвистической диагностике межэтнической напряженности в многонациональных группах инофонов // Знание. Понимание. Умение. 2014. №6. С. 4.
8. Ханова А. Ф., Станкевич Е. А. Автостереотипы и гетеростереотипы русских и татар в Республике Татарстан // Вопросы психолингвистики. 2016. №30. С. 244–255.
9. Каюмов А. Т., Станкевич Е. А., Ханова А. Ф. Моделирование образа сознания православие, ислам (на примере Республики Татарстан) // Роль ислама в стабилизации социальных процессов: сборник статей и тезисов II Международной научно-практической конференции. Ак-Мечеть, 2017. С. 174–179.
10. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 2.
11. Пищальникова В. А., Дмитриева Н. Л. Конвенциональный стереотип: сущность, структура, функционирование // Известия Алтайского государственного университета. 1997. № 2. С. 80–84.
12. Григорьева Я. И., Никеева Т. М. Общечеловеческие ценности «Родина» И «Патриотизм» в языковом сознании русских и якутов // Вестник СВФУ. 2016. Вып. 4. С. 67–77.

13. Миллс Ч. Р. Социологическое воображение / пер. с англ. О. А. Оберемко ; под общ. ред. и с предисл. Г. С. Батыгина. М.: NOTA BENE, 2001.
14. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянских культур, 2004.
15. Томаселло М. Истоки человеческого общения / пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Сеницыной, А. А. Кибрик, А. И. Карпухиной. М.: Языки славянских культур, 2011.

REFERENCES

1. Pishchal'nikova, V. A. et al. (2021). Psiholingvističeskij eksperiment i issledovanie identičnosti = Psycholinguistic experiment and identity research: Study. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
2. Leont'ev, A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. <http://www.psy.msu.ru/people/leontiev/dsl/3-2.html> (In Russ.)
3. Shahovskij, V. I. (2016). Emocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya = Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
4. Adamova, Z. G., Chirkoeva, D. I. (2021). Experimental psycholinguistic study of the concept of konyul (freedom). Modern science: Actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 10, 138–143. (In Russ.)
5. Adamova, Z. G. (2006). Verbal'naya diagnostika mezhetnicheskoj napryazhennosti = Verbal diagnosis of interethnic tension: PhD in Philology. Tver. (In Russ.)
6. Pishchal'nikova, V. A., Rogozina, I. V. (2004). Koncept kak instrument diagnostiki jetnicheskoj napryazhennosti = The concept as a tool for diagnosing ethnic tension. Linguistic consciousness: theoretical and applied aspects (pp. 121–128): The digest of articles. Moscow, Barnaul. (In Russ.)
7. Rogovskaya, A. I. (2014). On the issue of linguistic diagnostics of interethnic tension in multinational groups of foreigners. Znanie. Ponimanie. Umenie, 6, 4. (In Russ.)
8. Hanova, A. F., Stankevich, E. A. (2016). Autostereotypes and heterostereotypes of Russians and Tatars in the Republic of Tatarstan. Psycholinguistics studies, 30, 244–255. (In Russ.)
9. Kayumov, A. T., Stankevich, E. A., Hanova A. F. (2017). Modelirovanie obraza soznaniya «pravoslavie», «islam» (na primere Respubliki Tatarstan) = Modeling the image of consciousness Orthodoxy, Islam (on the example of the Republic of Tatarstan). Rol' islama v stabilizacii social'nyh processov (pp. 174–179): The digest of articles of a conference. (In Russ.)
10. Vygotskij, L. S. (1982). Myshlenie i rech' = Thinking and Speech (vol. 2): collection of works: in 6 vols. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)
11. Pishchal'nikova, V. A., Dmitrieva, N. L. (1997). Conventional stereotype: essence, structure, functioning. Izvestiya of Altaj State University, 2, 80–84. (In Russ.)
12. Grigor'eva, Ya. I., Nikaeva, T. M. (2016). Universal human values "Motherland" and "Patriotism" in the linguistic consciousness of Russians and Yakuts. Vestnik of North-Eastern State University, 4, 67–77. (In Russ.)
13. Mills, C. (2001). Sociological Imagination. Moscow: NOTA BENE, 2001. (In Russ.)
14. Lakoff, G. (2004). Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Moscow: LRC Publishing House, 2004. (In Russ.)
15. Tomasello, M. (2011). Origins of human communication. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамова Зоя Гаврильевна

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adamova Zoya Gavrilievna

PhD (Philology), Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics, Professor at the Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
УДК 81'23
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_70

Исследование закономерностей овладения родным языком как направление французской психолингвистики

П. С. Барина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vishenka-polly@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены общие положения одного из основных направлений психолингвистических исследований Франции – онтогенеза речи. Материал – серия работ ведущих французских и зарубежных психолингвистов, оказавших влияние на формирование исследуемой проблематики во французской науке. Результат исследования – аналитическое представление становления проблематики онтогенеза речи и ее реализация в современных течениях, а также актуализация дискуссионных вопросов французской психолингвистики.

Ключевые слова: французская психолингвистика, онтогенез речи, родной язык, филогенез языка, личностный смысл, подражание, слово-фраза, теория речевых актов, речевое действие

Для цитирования: Барина П. С. Исследование закономерностей овладения родным языком как направление французской психолингвистики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 70–77. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_70

Original article

First Language Acquisition as a Domain of French Psycholinguistics

Polina S. Barinova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vishenka-polly@mail.ru*

Abstract. The paper describes general characteristics of one of the main aspects of psycholinguistics which is the language acquisition (L1). The articles of French psycholinguists and other specialists which had an impact on the genesis of these problems in French science serve as research material. The paper gives an analytical representation of the first language acquisition theory, describes the genesis of the matter and the way modern studies present it. Some controversial issues are also put forward.

Keywords: French psycholinguistics, speech ontogenesis, L1, language phylogenesis, personal meaning, imitation, word-phrase, speech act theory, speech act

For citation: Barinova, P. S. (2022). First language acquisition as a domain of French psycholinguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 70–77. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_70

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи – охарактеризовать становление и развитие одного из актуальных направлений современной французской психолингвистики – исследование онтогенеза речи (овладения языком), которое формируется наряду с осознанием ее продуцирования и понимания и выделяется из психологии детской речи как одного из фундаментальных экспериментально-теоретических направлений французской психологической науки конца XIX – начала XX вв.: «Учение о детской речи имеет своим объектом одну из фундаментальных проблем психологической лингвистики, проблему овладения языком»¹ [Pavlovitch, 1920, с. 1], см. также: [Grosjean, 1979; Labelle, 2001]. Овладение языком и в настоящее время является одним из главных вопросов, обсуждаемых на крупных лингвистических конференциях Франции².

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ОНТОГЕНЕЗА РЕЧИ В ЕВРОПЕ

Со времен рассказа Геродота о царе Псамметихе, повелевшем изолировать двух младенцев от общества с целью установить, на каком языке они заговорят и выяснить тем самым, какой народ самый древний, ученые Европы проявляют неослабевающий интерес к проблеме овладения языком.

Сама внутренняя форма латинского слова *infans* «ребенок», от которого в XI в. н. э. образовалось французское *enfant* «неговорящий», также свидетельствует о давнем интересе человечества к процессу овладения языком.

В общефилософских параметрах во Франции одним из первых к этой проблеме обращается Жан-Жак Руссо, который подобно многим мыслителям XVIII в., воспринимал язык как дар природы, ребенка называл творцом своего языка и считал возможным существование единого человеческого языка до того, как дети научатся говорить. Философский аспект проблемы превалирует в попытках специалистов из разных областей описать процесс изучения языка вплоть до XIX столетия³, однако во второй половине XIX в. к исследованию онто-

генеза речи активно привлекаются специальные знания. Доминирующими в это время были идеи спонтанности изучения языка ребенком и сходства процессов онтогенеза и филогенеза языка. Они характерны, в частности, для работ А. Лемуана, автора одного из первых фундаментальных исследований на французском языке, посвященных вопросу овладения языком: «Никому не дано воссоздать прошлое, увидеть ... рождение первого языка и рассказать нам ... как заговорило человечество; но мы ежедневно наблюдаем, как начинает говорить человек» [Lemoine, 1865, с. 75]; «Быть может, человечество объявляют неспособным создать язык потому, что не замечают, что оно каждый день совершает это открытие в лице каждого ребенка, приходящего в этот мир и учащегося в нем жить и говорить» [там же, с. 10].

Исследователь подчеркивает, что ребенок овладевает языком взрослых посредством создания собственного «промежуточного» языка, порождая из бесформенной материи звуков *свое* первое слово, наделяя его *своим* смыслом. Именно этот промежуточный язык, по научному убеждению А. Лемуана, выступает основой для последующего усвоения языка взрослых. Ученый также акцентирует фундаментальное отличие процессов формирования речи у ребенка от процессов изучения иностранного языка взрослыми.

Очередной вехой в разработке проблемы овладения языком стала статья И. Тэна, резюмирующая результаты долгосрочного наблюдения автора за новорожденной девочкой: на ранних этапах понимание предшествует воспроизведению языковых единиц; в речевой деятельности детей звуковая оболочка, в том числе и созданная самим ребенком, имеет расширительное значение и употребляется для обозначения разных личностных смыслов (*tem* – «бери» / «смотри» / «вот» / «дай»). По мере развития речевой способности почти все слова с недифференцированным значением сужают его. И. Тэн отмечает, что процессы абстрагирования у детей младшего возраста обладают рядом особенностей, позволяющих ребенку устанавливать сходство на основе признака, не являющегося для взрослого основой для выделения объектов в один класс (*dada* – «лошадь», «машина»; *bébé* – статуэтки, изображения людей на картинах, сам ребенок). Статья И. Тэна была впоследствии переведена на английский, голландский и немецкий языки, дала импульс развитию исследований детской речи и многократно усилила интерес к проблеме овладения языком. Несколько видных ученых, среди них Ч. Дарвин и Е. С. Холден, опубликовали свои заметки к этой статье. Бурное обсуждение публикации И. Тэна европейским научным сообществом

¹ Здесь и далее перевод наш. Выделено нами. – П. Б.

² URL: <https://www.ilf.cnrs.fr/spip.php?article143>

³ Отметим несколько исключений. Первое – дневник наблюдений немецкого философа Д. Тидеманна (1787), в котором исследователь не только описал особенности становления речевой системы своего сына, но и представил попытку объяснить описываемые явления. Второе – работа французского физиолога Ж. М. Г. Итара, лечившего знаменитого мальчика Виктора, выросшего вне общества людей. Результатом её стало установление критического периода усвоения языка.

стало толчком к обнародованию в 1879 г. В. Э. Эггером написанных в 1871 г. «Наблюдений и замечаний о развитии рассудка и речи у детей», где особое внимание уделяется способности ребенка к словесному творчеству, которое рассматривается как свидетельство существования врожденного компонента в процессе овладения языком, некоего «грамматического инстинкта», который вкупе со склонностью ребенка к подражанию позволяет воссоздавать первые слова «языка взрослых» [Egger, 1887].

Все перечисленные работы объединяет точка зрения, согласно которой логическое мышление предшествует становлению языка (в частности, А. Лемуан называет язык «одеждой мысли» (хотя и подчеркивает, что сравнение это грубое), Ж.-Ж. Руссо, рассуждая о сущности языка, говорит о «чувственных знаках для выражения мысли»). Многие исследователи акцентируют созидательный характер процесса онтогенеза, а также указывают на значительную роль подражания в овладении языком.

КОНЕЦ XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВВ.

Если в XIX в. исследователи, как правило, основывались на наблюдениях за своими детьми, то в первой четверти XX в. европейские ученые постепенно начинают собирать данные о продуцировании и понимании речи детьми из разных социальных групп, объектами лингвистического анализа становятся особенности речевого развития детей разного пола, а также случаи затрудненного усвоения языка.

В эти годы на развитие психолингвистической проблематики во Франции начинает оказывать серьезное влияние немецкая наука (проблемы онтогенеза речи), в рамках которой на первый план выходит проблема подражания (имитации) как принципа образования языка. К началу XX в. в Германии сложилось два течения, находившиеся в той или иной степени под влиянием школы В. Вундта и породившие лингвистическую дискуссию. В центре дискуссии был вопрос об истоках языковой способности человека. В. Амент, Ф. Маутнер, К. Франке полагали, что, языковая способность врождена и является лишь инстинктом, развивающимся благодаря подражанию. Представители другого течения – В. Вунд, Г. Пауль, У. Прейер, В. Олтушевский, Э. Мейманн и др. – напротив, акцентировали доминирование коммуникативного аспекта речевой деятельности человека, хотя и они говорили о важности механизмов подражания в развитии речи ребенка.

В русле идей второй школы была написана ключевая для начала XX в. работа супругов

К. и В. Штерн «Die Kindersprache» («Детская речь»), ставшая основным европейским трудом по проблеме овладения родным языком на несколько десятилетий вперед [Stern, Stern, 1907]. В книге представлен детальный анализ процесса усвоения родного языка тремя детьми К. и В. Штернов, описанного хронологически. По мнению голландского психолингвиста В. Левелта, благодаря этой работе «практика ведения дневников (с записями образцов детской речи. – П. Б.), характерная для XIX в., была преобразована в современный объективный подход к онтогенезу речи, основанный на сборе данных; были установлены четкие критерии отбора эмпирического материала и способы их интерпретации» [Levelt, 2013, с. 309–310]. Попутно отметим, что более ранней работой, сопоставимой по своему значению с произведением Штернов, В. Левелт считает труд И. А. Бодуэна де Куртенэ, подробнейшим образом описавшего в 1869 г. процесс усвоения польского языка его детьми.

Особое внимание К. и В. Штерн уделяют вопросу о сущности онтогенеза речи, тогда как некоторые исследователи приравнивают этот процесс к «машинальному восприятию форм и значений, поступающих извне, иначе говоря, к чистой имитации» [Binet et al., 1908, с. 471], подчеркивая важность внешних факторов. Другие исследователи, напротив, представляют детскую речь продуктом внутренней спонтанной и созидающей деятельности ребенка. К. и В. Штерн, несмотря на большое внимание, уделяемое ими проблеме подражания, полагают, что ни одна из крайностей не является исчерпывающей. Процесс овладения языком ученые представляют как взаимодействие двух групп факторов: извне ребенок получает языковой материал, изнутри – импульс его воспринять, способность к самовыражению и к применению материала, получаемого в виде символов, для описания «внутренних событий».

Стадия, которая особенно интересует исследователей в онтогенезе речи, – начало продуцирования однословных предложений (Einwort-Sätze), которая, по научному убеждению Штернов, является точкой отсчета собственной речевой деятельности ребенка. Однословные предложения ребенок способен производить самостоятельно, без опоры на имитацию речи взрослых. Исследователи полагают, что доступ к речи происходит через объединение доселе разрозненных функций (механическое произнесение звуков, подражание без соотношения звукового комплекса с реальией). Ребенок становится субъектом речевой деятельности только тогда, когда соединяет лепетное слово с содержанием, значащим для него смыслом, пусть и не конвенциональным [Stern, Stern, 1907]. Первые слова

ребенка, как правило, обладают слишком широким значением и впоследствии конкретизируются (здесь повторяется мысль, высказанная более четверти века назад И. Тэнном). Штерны полагают, что невозможно характеризовать детскую речь в традиционных грамматических категориях, предполагающих системные закономерности словоизменения и словообразования. Специфика категорий детской речи устанавливается только в контексте субъективных зависимостей.

Под влиянием труда Штернов были написаны многие французские работы начала XX в. (J. Ronjat, D. Barbelenet, O. Bloch, P. Guillaume, и др.), развивающие идеи невозможности отнесения детских слов, в частности односложного предложения (*mot-phrase* «слово-фраза»), к определенной грамматической парадигме. Так, О. Блох подчеркивает, что следует считать словами «не только те, которые соответствуют словам языка взрослых, но и словесные группы, которые ребенок не разделяет» [Bloch, 1924, с. 39] типа *apu 'y'en a plus'* и *hé 'ça y est'*.

В целом исследования 1910–1920 гг. в области онтогенеза речи во Франции характеризуются влиянием, с одной стороны, *структурализма*, в рамках которого проблема овладения языком рассматривается с точки зрения доступа к языковому знаку и для которого характерно развитие количественных методик изучения больших объемов данных, и, с другой – *экспериментальной психологии*, изучающей индивида через непосредственно наблюдаемое поведение, и *психологии развития*¹, выявляющей особенности различных этапов формирования организма и предпринимающей попытки объяснить причины наблюдаемых изменений поведения ребенка. В рамках последних направлений были предприняты попытки сопоставить языковой и когнитивный аспекты развития ребенка.

В частности, в 1923 г. знаменитый швейцарский психолог Жан Пиаже в возрасте 27 лет публикует свою первую и единственную книгу, посвященную онтогенезу речи, – *Le langage et la pensée chez l'enfant* (Речь и мышление ребенка) [Piaget, 1923]. Один из основных вопросов книги – каким образом ребенок усваивает элементарные операции логического мышления и какую роль играет в этом язык? Исследователь приходит к выводу, что язык никогда не предопределяет способ воссоздания ребенком действительности, т. е. Ж. Пиаже допускает усвоение логических операций независимо от языка. Язык

по сути воспринимается исследователем как одно из следствий эпистемологического развития, возникающих на основе общих, неспецифических механизмов. Усложняющаяся способность ребенка к знакообразованию позволяет ему создавать образы всё большего количества реальных, находящихся вне зоны его сенсомоторной досягаемости, и тем самым формировать абстракции (логические операции) всё более высокой степени. Основной функцией языка Ж. Пиаже считает репрезентативную, на которой он и сосредоточивается.

В 1924 г. выходит первое издание книги А. Делакруа «Речь и язык», сыгравшей значительную роль в становлении французской психолингвистики в целом. Третий раздел работы посвящен проблеме овладения языком. Ученый рассматривает становление языковой способности в контексте общего биологического и социального развития ребенка. По мнению В. Й. П. Левелта, А. Делакруа избирает нечто среднее между собственно биологическим объяснением процесса овладения языком и социальным подходом к речевому развитию ребенка, основывающемся на механизме подражания. Вслед за Штернами, А. Делакруа выделяет несколько этапов имитации: сначала ребенок подражает сам себе, затем начинает имитировать других, но, подражая другим, в первую очередь имитирует сам себя, так как прежде всего повторяет те действия, которыми уже владеет. Наконец, ученый выделяет непосредственное и отсроченное подражание; вторая форма предполагает период задержки между восприятием образца и его воспроизведением.

Согласно концепции А. Делакруа, онтогенез речи включает в себя три основных этапа: *крик, лепет* и *собственно язык*, в котором вслед О. Есперсену выделяется «малый язык» (*petit langage*) – период оригинальной речевой деятельности ребенка, и общий язык, соответствующий периоду полной социализации. А. Делакруа называет три «пути», которые ведут ребенка к овладению языком: *лепет* – спонтанные фонации, из которых впоследствии вычлениваются звуки языка; *подражание*, благодаря которому ребенок усваивает первые фонемы, и *понимание ситуаций*, позволяющее придать воспринимаемым словам значение знаков. Подобно своим предшественникам, А. Делакруа полагает, что большое разнообразие произносимых на ранних этапах развития звуков, превосходящее фонемный состав языка, который впоследствии станет для ребенка родным, объясняется изначальной предрасположенностью человека к усвоению любого языка. Исследователь также отмечает, что одновременно с произнесением звуков ребенок учится понимать обращенную

¹ Эти два направления широко освещал созданный в 1894 А. Бине и Э. Бони научный журнал «L'année psychologique», посвященный психологическим проблемам.

к нему речь, и в большинстве случаев «понимание превосходит порождение», т. е. дети понимают больше, чем могут воспроизвести.

В 30–40 гг. XX в. на первый план выходит лингвистический аспект проблемы овладения речью. Наиболее значимые франкоязычные работы этих лет – два тома, написанные бельгийским исследователем А. Грегуаром, ставшим, вероятно, последним представителем традиции ведения «семейных дневников».

В начале 50-х гг. появляются первые крупные исследования, цель которых – составление корпусов детской речи с последующим установлением общих тенденций, свойственных процессу онтогенеза (определение возраста произнесения первых слов, высказываний, состоящих из двух слов, среднего количества слов в предложении и пр.). Так, О. Броне и И. Лезин [Brunet, Lézine, 1951] исследовали 725 детей, разбитых на 19 возрастных групп от 1 месяца до 5 лет и разработали шкалы языкового развития на основе анализа лексем, усвоенных в определенном возрасте. Несмотря на большую заинтересованность ученых в новых методах, предполагающих анализ больших объемов данных и изучения значительного числа детей разных возрастов в рамках одного исследования, результаты их работы были подвергнуты критике многими специалистами, в частности Н. Хомским, считавшим, что поиск усредненных величин не позволяет определить закономерности языкового и когнитивного развития.

Период 60–70 гг. XX в. – переломный для исследований в области онтогенеза речи. Резкому увеличению количества работ в этой области способствовали, с одной стороны, технические возможности записи больших массивов речи на магнитную ленту; с другой – базовая теория порождающей грамматики Н. Хомского. В целом этот период характеризуется интересом лингвистов к семантической стороне речи, особенно к семантическим отношениям, выражаемым в первых высказываниях ребенка. Впервые отмечается стремление исследователей к учету контекста. Развиваются исследования процессов адаптации речи взрослых к коммуникации с детьми. Ученым впервые удается зафиксировать становление синтаксических конструкций на ранних этапах овладения языком. Актуализируется дискуссия о врожденном и приобретенном в языке. В ряде концепций, в частности теории Ж. Пиаже, уделяется особое внимание соотношению языкового и когнитивного аспектов развития ребенка. В рамках предпринимаемых лингвистами попыток взаимно соотнести данные аспекты ставятся вопросы о том, необходимо ли ребенку изучить лексемы, обозначающие

пространственные отношения (перед, сзади, за, недалеко и т. п.), для усвоения соответствующих понятий и предшествует ли овладение данными лексемами осознанию пространственных отношений. Единовременное исследование большого количества информантов, характерное для 50-х гг., сменяется долгосрочным, как правило, многолетним изучением небольших групп детей.

В 80–90 гг. XX в. начинают активно изучать прагматический аспект речевой деятельности, что позволяет исследовать процессы усложнения речевых актов развивающегося ребенка (высказывания, выражающие просьбу, извинение, метафоры и под.). Изучается стилистическая вариативность и шутки, возникает интерес к взаимосвязи между языковым и социальным развитием ребенка [Searle, 1991; Bruner, 1983; Bruner, 1991]. Исследователи обращаются к активному изучению трудов Л. С. Выготского, переведенных на несколько европейских языков. С 90-х гг. исследования фонологического, синтаксического, семантического и прагматического аспектов речевой деятельности проводятся параллельно в разных лабораториях.

Помимо продуцирования речи в эти годы во Франции активно изучается путь понимания речевых произведений. Так, в 1987 г. известные специалисты в области изучения детской речи Ж. Бернико и С. Легро провели исследование понимания просьб детьми в возрасте от 3 до 8 лет [Bernicot, 1998]. В эксперименте участвовали три группы детей (3–4, 5–6 и 7–8 лет) по 24 ребенка в каждой. Ученых интересовали особенности понимания просьб в прямой («Закрой окно») и косвенной форме («В комнате холодно»). В основу исследования была положена теория речевых актов, акцентирующая социальные и когнитивные факторы коммуникации. В рамках эксперимента детям было предложено закончить несколько историй, представленных в виде комиксов. Помимо классических переменных (возраст детей, характер вербального представления просьбы), был исследован также параметр «сила контекста» (сильный / слабый контекст). Были получены следующие результаты:

- 1) просьбы, заданные в прямой форме, понимаются лучше косвенных (намеков);
- 2) понимание просьбы как в прямой, так и в косвенной форме в сильной мере обуславливается контекстом продуцирования высказывания;
- 3) чем старше ребенок, тем лучше он понимает обращенную к нему просьбу как в прямой, так и в косвенной форме;
- 4) в онтогенезе понимание речевого действия предшествует пониманию интенции говорящего.

КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.

На рубеже XX–XXI вв. в области исследования механизмов овладения языком во многих странах мира происходят значительные изменения, связанные, в частности, с появлением инновационных методик изучения процесса усвоения родного языка. В течение долгого времени уровень овладения родным языком оценивался исключительно по формальной структуре производимой ребенком речевой деятельности. Однако в конце XX в. появляются методики, нацеленные на изучение *понимания* ребенком обращенной к нему речи. М. Кэль разделяет их на две подгруппы: в рамках первой исследуется результат понимания высказывания; исследования второй подгруппы направлены на изучение *процесса* понимания; появились они около десяти лет назад и позволяют приблизиться к пониманию тех путей, которыми идет ребенок при овладении структурой языка. К ним относятся:

- смешанное исследование зрительного предпочтения (*Le paradigme intermodal du regard préférentiel*), заключающееся в представлении ребенку изображений с одновременным озвучиванием отраженной на одном из них ситуации. Если ребенок понимает высказывание, он должен задерживать взгляд на соответствующей картинке;
- методика «*looking while listening*» (*Le paradigme de «looking while listening»*), в рамках которой осуществляется регистрация движений глаз в процессе единовременного предъявления письменных изображений и фонетического представления слов и фраз;
- анализ движения глаз (*L'analyse des mouvements oculaires*);
- многочисленные методики нейровизуализации (*Les méthodes d'imagerie cérébrale*), для исследования когнитивного развития в целом и речевого в частности, в основном, используется анализ электрической активности мозга с помощью вызванных потенциалов.

Использование методик нейровизуализации является фундаментальным для установления связи между пластичностью мозга и развитием ребенка.

В конце XX – начале XXI вв. активно исследуются случаи нетипичного (в том числе патологического) изучения родного языка (см., например [Reilly, Bernicot, 2003; Kail, 2020]).

В поисках теоретических оснований своих исследований современные французские

психолингвисты опираются на ряд концепций, основными из которых являются: 1) структурализм (во французских источниках также употребляется термин *innéisme* от *inné* – «врожденный», подчеркивающий одну из основных идей концепции Н. Хомского – идею врожденности глубинных грамматических структур; 2) функционализм, в рамках которого анализируется взаимодействие между различными уровнями организации языка и контекстами употребления языковых единиц; 3) релятивизм, в русле которого язык представляется символической системой, структурирующей процесс познания ребенка; 4) интеракционизм, основанный на понятии интеракции (взаимодействия) и акцентирующий роль социальных взаимодействий, в развитии высших функций мозга, в частности, овладении речью; 5) конструктивизм, в рамках которого подчеркивается активная роль человека в формировании знаний, а не в получении их в готовом виде из окружающей среды. Подробная характеристика основных методолого-теоретических оснований работ французских психолингвистов требует самостоятельной разработки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые попытки изучить закономерности освоения языка ребенком во Франции появляются в XVIII в. в рамках общепсихологической концепции, лингвистическая же проблематика формируется только в начале XX в. под влиянием работ немецких ученых. В первой четверти XX в. проблема онтогенеза осмысливается с позиций структурализма и экспериментальной психологии, в 30–40-е гг. наблюдается возврат к лингвистической проблематике начала века. В 50-е гг. в связи с усиливающимся влиянием теории универсальной грамматики активизируется дискуссия о врожденном и приобретенном в языке. Переломным моментом в развитии данного направления становится появление в 60-х гг. звукозаписывающей техники, позволяющей зафиксировать становление речевой системы на всех этапах ее формирования. В последней четверти XX в. наблюдается интерес к семантической стороне речи, на рубеже XX–XXI вв. специалисты изучают прагматический аспект речевой деятельности, исследования больших групп детей сменяются долгосрочным изучением малых. Инновационные методики изучения языка позволяют исследовать процессуальную сторону продуцирования и понимания речи. Онтогенез речи в настоящее время осознается французскими психолингвистами как перспективная область научных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Pavlovitch M. Le langage enfantin: Acquisition du serbe et du français par un enfant serbe. Paris: Champion, 1920.
2. Grosjean F. Psycholinguistique et langue des signes // *Langages*. 1979. 13e année, n°56. La langue des signes. P. 35–57. DOI: <https://doi.org/10.3406/lgge.1979.1828>
3. Labelle M. Trente ans de psycholinguistique. *Revue québécoise de linguistique*. 2001. Vol. 30 (1). P. 155–176. DOI: <https://doi.org/10.7202/000516ar>
4. Lemoine A. De la physionomie et de la parole. Paris: Baillière, 1865.
5. Egger E. Observations et réflexions sur le développement de l'intelligence et du langage chez les enfants. 5ème ed. Paris, 1887.
6. Stern C., Stern W. Die Kindersprache: Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung. Monographien über die seelische Entwicklung des Kindes. Leipzig: Barth, 1907.
7. Levelt W. J. M. A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. Oxford University Press, 2013.
8. Binet A., Languier des Bancelles J., Stern W. XIV. Enfants et pédagogie. Cousinet, M. Dougall, Fracker, Libby, Myers, Sikorsky, Cl. et W. Stern, W. Stern, Varendonck, Winch // *L'année psychologique*. 1908. Vol. 15. P. 467–478.
9. Bloch O. La phrase dans le langage de l'enfant // *Journal de psychologie*. 1924. Vol. 21. P. 18–43.
10. Piaget J. Le langage et la pensée chez l'enfant. Etudes sur la logique de l'enfant. Neuchâtel. Paris: Delachaux et Niestlé, 1923.
11. Brunet O., Lézine I. Le développement psychologique de la première enfance. Presses Universitaires de France, 1951.
12. Searle J. R. Sens et expression. Paris: Édition de Minuits, 1991.
13. Bruner J. Child's Talk: Learning to Use Language. New York: Norton, 1983.
14. Bruner J. Car la culture donne forme à l'esprit : de la révolution à la psychologie culturelle. Paris: ESHEL, 1991.
15. Bernicot J. L'acquisition du langage: Etapes et théories // *Développement et intégration des fonctions cognitives. Cours de Psychologie / R. Ghiglione & J. F. Richard (eds.)*. 2e édition. Paris: Dunod, 1998. Vol. 3. P. 420–439.
16. Reilly J., Bernicot J. Que nous apprennent les développements atypiques sur l'acquisition du langage? // *Enfance*. 2003. Vol. 55, N° 3. P. 205–207.
17. Kail M. L'Acquisition du langage. Presses Universitaires de France, 2020.

REFERENCES

1. Pavlovitch, M. (1920). Le langage enfantin: Acquisition du serbe et du français par un enfant serbe. Paris: Champion.
2. Grosjean, F. (1979). Psycholinguistique et langue des signes. In: *Langages*, 13e année, n°56. La langue des signes (pp. 35–57). <https://doi.org/10.3406/lgge.1979.1828>
3. Labelle, M. (2001). Trente ans de psycholinguistique. *Revue québécoise de linguistique*, 30(1), 155–176. <https://doi.org/10.7202/000516ar>
4. Lemoine, A. (1865). De la physionomie et de la parole. Paris: Baillière.
5. Egger, E. (1887). Observations et réflexions sur le développement de l'intelligence et du langage chez les enfants. 5ème ed. Paris.
6. Stern, C., Stern, W. (1907). Die Kindersprache: Eine psychologische und sprachtheoretische Untersuchung. Monographien über die seelische Entwicklung des Kindes. Barth, Leipzig.
7. Levelt, W. J. M. (2013). A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. Oxford University Press.
8. Binet, A., Languier des Bancelles, J., Stern, W. (1908). Enfants et pédagogie. Cousinet, M. Dougall, Fracker, Libby, Myers, Sikorsky, Cl. et W. Stern, W. Stern, Varendonck, Winch. *L'année psychologique*, 15, 467–478.
9. Bloch, O. (1924). La phrase dans le langage de l'enfant. *Journal de psychologie*, 21, 18–43.
10. Piaget, J. (1923). Le langage et la pensée chez l'enfant. Etudes sur la logique de l'enfant. Neuchâtel. Paris: Delachaux et Niestlé.
11. Brunet, O., Lézine, I. (1951). Le développement psychologique de la première enfance. Presses Universitaires de France.
12. Searle, J. R. (1991). Sens et expression. Paris: Édition de Minuits.
13. Bruner, J. (1983). Child's talk: Learning to use language. New York: Norton.
14. Bruner, J. (1991). Car la culture donne forme à l'esprit : de la révolution à la psychologie culturelle. Paris: ESHEL.

15. Bernicot, J. (1998). L'acquisition du langage: Etapes et théories. In R. Ghiglione & J. F. Richard (Eds.), Développement et intégration des fonctions cognitives. Cours de Psychologie (vol. 3, pp. 420–439). Paris: Dunod. 2e édition.
16. Reilly, J., Bernicot, J. (2003). Que nous apprennent les développements atypiques sur l'acquisition du langage? Enfance, 55(3), 205–207.
17. Kail, M. (2020). L'Acquisition du langage. Presses Universitaires de France.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Барина Полина Сергеевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barinova Polina Sergeevna

Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
 УДК 81.23-811.581
 DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_78

Моделирование ассоциативно-вербальной сети антиценностей в сознании китайцев

О. В. Дубкова

*Сианьский университет иностранных языков, Сиань, КНР
 linuan12@mail.ru*

Аннотация. Исследование сознания китайцев – актуальная тема психолингвистики, связанная с выявлением особенностей актов предикации в паре стимул – реакция. В настоящем исследовании представлена специфика китайского слова-стимула и мотивация ассоциирования. Цель исследования – моделирование фрагмента ассоциативно-вербальной сети в сознании китайцев. На примере анализа антиценности 战争 / война предлагаются особые приемы и принципы моделирования и выделяется четыре типа предикации.

Ключевые слова: свободный ассоциативный эксперимент, моделирование, ассоциативно-вербальная сеть, китайцы, антиценности, 战争 / война

Для цитирования: Дубкова О. В. Моделирование ассоциативно-вербальной сети антиценностей в сознании китайцев (на примере слова-стимула 战争 / война) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6(861). С. 78–85. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_78

Original article

Modeling the Associative-Verbal Network of Anti-values in the Minds of the Chinese

Olga V. Dubkova

*Xi'an International Studies University, Xi'an, China
 linuan12@mail.ru*

Abstract. The study of the consciousness of the Chinese is an urgent problem for psycholinguistics, associated with the identification of features of predication acts in a stimulus-response pair. This study presents the specificity of the Chinese stimulus word and the motivation for association. The purpose of the study is to model a fragment of the associative-verbal network in the minds of the Chinese. On the example of the analysis of the anti-value 战争 / war, special methods and principles of modeling are proposed and four types of predications are distinguished.

Keywords: free associative experiment, modeling, associative-verbal network, Chinese, anti-values, 战争 / war

For citation: Dubkova, O. V. (2022). Modeling the associative-verbal network of anti-values in the minds of the Chinese (on the example of the stimulus word 战争 / war). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 78–85. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_78

ВВЕДЕНИЕ

Исследование сознания китайцев – носителей языка специфического типологического строя, с одной стороны, осложняется характером иероглифической письменности, поскольку китайское слово состоит из нескольких иероглифов и (или) графем, имеющих самостоятельное значение, кроме того, в разных контекстах одно и то же слово может выступать в качестве существительного, прилагательного, глагола или наречия; с другой – позволяет определить специфику восприятия слова-стимула и мотивацию ассоциирования на основе этимологических данных, в том числе знаний о формировании иероглифа, а потому детальнее представить специфику ассоциативно-вербальной сети и предложить особые приемы и принципы ее моделирования. Если в буквенных языках языковой знак представляет собой единство «понятия и акустического образа», то в китайском языке слово – это единство понятия, визуального (графического) и акустического образа, что позволяет выявить особенности актов предикации в паре «стимул – реакция» в сознании китайцев.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Процесс ассоциирования – сложный ментальный процесс, состоящий из нескольких этапов, связанных с восприятием, «реконструкцией» ментальных образов, опирающихся на индивидуальный опыт носителя языка, с актуализацией смыслов и их вербальной репрезентацией. Как отмечает А. Р. Лурия, «...слово ... является орудием той информации, которую человек получает от внешнего мира» [Лурия, 1979, с. 67]. Анализ связей стимул – реакция, позволяющий установить структуру «ментальных сетей» как индивида, так и этноса: «...с помощью данных ассоциативного эксперимента можно моделировать содержательную структуру психологически значимых для индивида смыслов и процессы их изменения и далее использовать полученные результаты для моделирования фрагментов ассоциативно-вербальной сети» [Пищальникова, 2019, с. 755]. Всё это позволяет говорить о моделировании фрагментов сознания, которое отражается в «узлах» ассоциативно-вербальной сети, репрезентирующих как общечеловеческое, так и национально-специфическое знание.

Такие «узлы» возможно установить в анализе речевого действия, предполагающего, по Н. И. Степыкину, структурирование в соответствии с актуальным для индивида функциональным смыслом (смысловой доминантой), семантической структурой и грамматической формой стимула

[Степыкин, 2021]. Однако для китайского языка, в котором грамматическое значение проявляется только в завершенных грамматических конструкциях, в процессе ассоциирования «поверхностное синтаксирование» выражено чрезвычайно слабо. Кроме того, в силу «диффузной» семантики ассоциатов значительно затрудняется их анализ, а в некоторых случаях практически невозможно интерпретировать пару стимул – ассоциация, тем более что, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «множество словесных знаков отличается функциональной подвижностью, т.е. допускает как референтное, так и нереферентное употребление» [Арутюнова, 1976, с. 330]. Например, слово-стимул 战争 может восприниматься носителями как существительное «война» или как прилагательное «военный». Ассоциативные реакции (ассоциаты) также имеют множественные семантико-грамматические интерпретации, например:

痛苦 / страдание, мучение; мучиться; болезненный; мучительно;
流血 / кровопротитие; кровопротитный; проливать кровь;
政治 / политика; политический

Поэтому, на наш взгляд, специфика иероглифического слова требует моделирования ассоциативно-вербальной сети, в которой отражаются и особенности иероглифического знака / слова, и «субъективный процесс образования инварианта ментальных опор» [Пищальникова, 2019, с. 758].

АНАЛИЗ АНТИЦЕННОСТИ 战争 / ВОЙНА

В современной российской лингвистике антиценность «война» часто выступает в качестве объекта исследования, рассматривается как самостоятельный концепт русской культуры [Колесниченко, Красицкая, 2020; Кремер, Донцов, 2019; Потапчук, 2011; Приходько, 2021; Рамазанова, 2015]. Сопоставительные исследования концептов «война» и «мир» в различных лингвокультурах представлены в следующих трудах: [Голубенко, 2019; Радчук, 2017; Ракитянская, 2016]. Данный перечень позволяет говорить о достаточной разработанности концептуальной структуры антиценности «война», однако нами не выделены психолингвистические исследования, связанные с данной антиценностью в сознании китайцев.

Целесообразно отметить, что китайская традиционная культура относится к так называемой «оседлой» или земледельческой культуре, что сказывается на семантической структуре концепта «война». Исследователи выявляют его зависимость

от сельскохозяйственного уклада этнической жизни, в частности, при анализе китайской и калмыцкой культур [Убушаева, Имеев, 2015]. Структурный анализ слова 战争 / война показывает, что слово состоит из двух графем, каждая из которых обозначает действия с общим значением «воевать», «сражаться», «бороться», кроме того, 战 / дрожать, трястись от страха, 争 / ссориться, спорить [Фоменко, 2021, с. 913]. Однако история происхождения иероглифов, входящих в структуру антиценности 战争 / война, история самого слова до настоящего времени не изучены, что оказывает значительное влияние на анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента и моделирование ассоциативно-вербальной сети в сознании китайцев.

РЕЗУЛЬТАТЫ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА АНТИЦЕННОСТИ 战争 / ВОЙНА

Свободный ассоциативный эксперимент (далее САЭ) был проведен в рамках исследования ценностей социализма с китайской спецификой. САЭ был осуществлен среди носителей китайского языка как родного. Всего для анализа было представлено 36 слов-стимулов, одним из которых является антиценность 战争 / война. В эксперименте приняло участие 607 респондентов в возрасте 20–30 лет, являющихся студентами разного уровня обучения и различных специальностей Пекинского университета, Университета Цинхуа, Китайского политико-правового университета, Сианьского университета иностранных языков, Пекинского университета языка и культуры, Шаньдунского педагогического университета, Северо-Западного педагогического университета, Китайского геологического университета, Сычуаньского университета, Китайского нефтяного университета, Шанхайского университета иностранных языков, Северо-Западного университета сельского и лесного хозяйства и др., расположенных в 11 провинциях и городах центрального подчинения КНР, что в целом делает результаты эксперимента репрезентативными и позволяет не только выделить и описать ассоциативное поле слова-стимула 战争 / война, но и моделировать сети, обусловленные этническим сознанием китайцев.

Представим результаты САЭ в порядке частотности ассоциатов, обозначенной цифрой после перевода:

и́мир / мир 246
смерть / гибель, умирать, погибшие 36
жестокость / жестокий, беспощадный, зверства, жестокость 30

Россия, украинская, российско-украинский (война, конфликт, ситуация) 22
дым, запах пороха и пожар войны 20
Украина 17
бедствие, катастрофа 15
страдание, мучение, мучиться 9
раненые и убитые, потери (в живой силе) 7
безжалостный, жестокость 6
страдания, бедствия 6
США 6
война 5
солдат, военный 5
кровопролитие, кровопролитный, проливать кровь 5
Вторая мировая война 4
Россия 4
винтовка 4
стереть с лица земли 4
артиллерийский огонь 4
кровь и глина 4
конфликт, неожиданное нападение 3
жестокий 3
политика, политический 3
жестокое нападение, жестокое нападение 3
оружие 3
жизнь, жертва 3
разрушать, разруха 3
пушка 3
бедствие, несчастье 2
наносить урон 2
горе и боль, горевать 2
вторжение, агрессия 2
оружие 2
руины 2
страх, ужас, террор 2
трагедия 2
трагический 2
война 2
пожар войны 2
цивилизация 2
отсутствие, отсутствовать 2
смута, безвластие 2
снаряд 2
отвратительный, испытывать отвращение 2
мрак, мрачный 2
черный цвет 2
не нравится 2
непрерывный, не прекращаться
не лучшее
несвобода
происходить, не нужна
мировая война
третья (мировая война)

暴乱 / бунт, мятеж
 爆发 / разразиться, вспыхнуть, взрыв
 悲伤 / горевать, печалиться
 残暴 / жестокий, жестокость
 博弈 / авантюра
 爱 / любовь, любить
 白色 / белый цвет
 财富 / материальное богатство
 苍凉 / заброшенный, опустелый
 社会 / общество
 百姓 / народ
 人民 / народ, народный
 人性 / человечность
 和谐 / гармония
 撤侨 / эвакуация (эвакуировать) сограждан
 刺激 / волновать, шок
 打仗 / воевать, сражаться, вести войну
 弹药 / порох
 抵制 / противодействовать, отражать нападение, бойкотировать
 地狱 / ад, ужасные условия (букв. 'земляная тюрьма')
 帝国主义 / империализм
 动荡 / потрясение, нестабильность
 斗争 / борьба, сражаться
 孩子 / ребенок
 儿童 / ребенок, детский
 反对 / препятствовать, оппозиция, противодействие
 反抗 / сопротивляться, противодействовать, сопротивление, отпор
 纷争 / ссориться, раздор
 革命 / революция
 好耶 / Хорошо ли
 呵呵呵 / А-а-а
 喝酒 / пить алкоголь
 核武器 / ядерное оружие
 红旗 / красный флаг
 火 / пламя, огонь
 机器 / механизмы (оружие)
 疾病 / болезнь
 寄 / миссия, поручать, жить за чужой счет
 家破人亡 / разорение дома и гибель семьи
 结束 / окончание, заканчиваться
 可恶 / отвратительный, ненавистный
 烈火 / бушующий огонь, пламя
 年代 / эпоха
 炮灰 / пушечное мясо
 平等 / равенство
 破碎 / разбиваться, дробить
 普利策新闻奖 / Пулитцеровская премия
 特洛伊木马 / Троянский конь
 三国 / Троецарствие
 抗日 / антияпонская война
 南京大屠杀 / Нанкинская резня
 伊拉克 / Ирак
 日本 / Япония

沙场 / поле битвы
 伤心 / горевать
 胜利日 / День победы
 石油 / нефть
 死人 / мертвый, убивать людей
 太空 / космос, космический
 逃跑 / сбежать, бегство
 铁血 / железо и кровь
 鲜血 / свежая кровь
 血肉模糊 / кровавое месиво (букв. 'кровь и мясо перемешаны')
 血腥 / кровь, кровавый
 眼泪 / слезы
 野蛮 / бесчеловечный, жестокий, дикость
 叶卡捷琳娜 / Екатерина
 英雄 / герой
 战斗 / сражение, сражаться
 战乱 / военная смута, мятеж
 征战 / военный поход
 肢体 / тело (и конечности)
 头盔 / каска
 中日战争 / японо-китайская война
 鸦片 / опиум, опиумный
 子弹 / патрон, снаряд
 罪恶 / злодеяния, преступления
 主权 / суверенитет

Общее количество реакций – 607, общее количество ассоциатов – 132, количество одиночных реакций – 83 (62,88 % от общего количества ассоциатов, 13,67 % от общего количества реакций), среднее количество реакций на каждый ассоциат – 4,59, количество отказов – 0. В ассоциативное ядро входит семь ассоциатов, что составляет 5,30 % от общего числа ассоциатов и 63,59 % от общего числа реакций; в ближнюю периферию входит 42 ассоциатов, что составляет 31,82 % от общего числа ассоциатов и 22,74 % от общего числа реакций. Результаты САЭ в целом свидетельствуют от актуальности данного поля в сознании китайцев.

ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ АНТИЦЕННОСТИ 战争 / ВОЙНА

В построении структурно-семантической модели антиценности мы исходим из того, что в китайском слове, представленном иероглифами, отражается социально-исторический опыт китайского народа, о чем свидетельствуют маркеры, входящие в состав графем слов-стимулов, пространственно-временные, инструментальные и др., включая следующие:

单 / рогатина (древнее оружие, представляющее собой деревянную рогатку с прикрепленными к концам камнями) [战, 字源];

戈 / клевец (древнее оружие, род багра на длинной рукоятке с поперечным лезвием) [там же];

争 – изображение двух рук, тянущих в разные стороны палку, что указывает на наличие двух сторон в военного конфликта [争, 字源].

Означенная структура графических элементов иероглифа во многом определяет и структуру ассоциативно-вербальной сети анализируемой антиценности, например:

- наличие ассоциатов, обозначающих различные виды вооружения:

武器 / военное оружие
核武器 / ядерное оружие
大炮 / пушка
炮弹 / артиллерийский снаряд
枪支 / винтовка
弹药 / порох

- наличие ассоциатов, указывающих на страны-участницы военных событий:

乌克兰 / Украина
俄罗斯 / Россия
美国 / США
日本 / Япония
伊拉克 / Ирак

- наличие ассоциатов, указывающих на результаты военных действий:

废墟 / руины
死人 / мертвый человек
家破人亡 / разорение дома и гибель семьи
伤亡 / раненые и убитые

По нашим подсчетам, в ассоциатах первый иероглиф слова-стимула 战争 / война используется 23 раза, второй – 12 раз (5,76 % от общего количества реакций), таким образом устанавливаются связи между словом-стимулом и ассоциативной реакцией на уровне графем (иероглифов), а не на уровне значений, и это является одним из важнейших проявлений национальных особенностей ассоциативно-вербальной сети в сознании китайцев. Отметим, что в ассоциативное поле антиценности 战争 / война входят общечеловеческие и традиционные китайские ценности:

Таблица 1

АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ СЕТЬ АНТИЦЕННОСТИ 战争 / ВОЙНА В СОЗНАНИИ КИТАЙЦЕВ

Речевая операция	Количество реакций	Количество ассоциатов	Примеры
是否 / Идентификация	270	17	和平 / мир; 战争 / война; 冲突 / конфликт; 战火 / война; 征战 / военный поход; 战乱 / военная смута; 斗争 / борьба; war; 混乱 / смута; 暴乱 / мятеж и др.
具体化 / Конкретизация	126	54	俄乌 / Россия и Украина; 美国 / США; 日本 / Япония; 抗日 / (сокр.) антияпонская война; 南京大屠杀 / Нанкинская резня; 二战 / (сокр.) Вторая мировая война; 第三次 / третья (мировая война); 士兵 / солдат; 炮火 / артиллерийский огонь; 武器 / оружие; 枪支 / винтовка и др.
的得地 / Подчинение	123	31	年代 / эпоха (годы); 英雄 / герой; 爱 / любовь, любить; 悲剧 / драма; 政治 / политика, политический; 结束 / заканчиваться; 寄 / поручать; 反抗 / противодействовать; 反对 / препятствовать; 打仗 / сражаться; 不断 / не прекращаться; 没有 / отсутствовать и др.
很 (好不好) / Оценка	88	30	残忍 / безжалостный; 残酷 / жестокий; 痛苦 / страдание; 悲惨 / трагический; 黑暗 / мрачный; 可恶 / возмутительный; 讨厌 / отвратительный; 好耶 / Хорошо ли; 呵呵呵 / А-а-а и др.

和平 / мир
平等 / равенство
自由 / свобода
和谐 / гармония
文明 / цивилизация (культура)

Вслед за В. А. Пищальниковой в классификации ассоциатов мы акцентируем моделируемые свойства слова-стимула; изоморфность речевой деятельности; характер ментальных опор в познавательном процессе и, наконец, способ вербальной репрезентации данных опор [Пищальникова, 2019]. Учитывая особенности китайского знака, а также лексико-грамматическую специфику китайского слова, мы предполагаем, что ассоциативно-вербальная сеть антиценности в сознании китайцев должна состоять из четырех блоков: идентификация, конкретизация, подчинение и оценка [Арутюнова, 1976]. Так как грамматическая принадлежность слова-стимула и ассоциата иероглифического слова в китайском языке является условной, то проведен ряд экспериментов по уточнению связей между словом-стимулом и словом-реакцией (включая составление словосочетаний и (или) предложений, определения частотности предлагаемых сочетаний слов, вставка грамматических показателей между словом-стимулом и ассоциатом, устранение или выделение ошибочных сочетаний слов и др.). Полученные результаты представлены таблице (см. табл. 1).

Отметим следующие особенности: 1) перевод ассоциатов на русский язык является условным, не отражает графические, структурные, семантические и др. особенности исходного слова; 2) в данной таблице не отражается, но учитывается вариативность связей стимул – реакция: 战争与文明 / война и цивилизация и 文明战争 / цивилизованная война (войны

цивилизаций), 战争灾难 / военная катастрофа (бедствия войны) и 战争是灾难 / война – это бедствие.

Результаты анализа показывают, что ассоциативная связь 战争 / война и 和平 / мир является наиболее прочной для китайцев и, вероятно, универсальной для многих народов, что не противоречит и данным «Славянского ассоциативного словаря», где максимальное количество реакций носителей русского, белорусского и болгарского также связано с «миром» [Уфимцева и др., 2004].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Моделирование ассоциативно-вербальной сети в сознании китайцев опирается на результаты исследований в области теории психолингвистики, учитывает специфику китайского слова, структуру письменного знака и другие важные национально-специфические особенности китайцев. Количественный анализ результатов САЭ антиценности 战争 / война показывает ее тесную связь с системой ценностей, существующих в сознании китайцев. Укорененные в языке китайские ценности и антиценности в совокупности составляют группу лингвистических универсалий. «Образная» структура графических элементов иероглифа во многом определяет структуру ассоциативно-вербальной сети анализируемой антиценности: для носителей китайского языка актуальными являются стороны военного конфликта, оружие, применяемое для боевых действий, и результаты ведения войны, которые оцениваются отрицательно, вызывают отвращение и неприятие. Анализ результатов САЭ на слова-стимулы 战争 / война позволяет выделить четыре типа предикативных отношений: идентификация, конкретизация, подчинение и оценка, которые охватывают весь массив ассоциатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
2. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761.
3. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 106–120.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
5. Колесниченко Л. В., Красицкая Н. С. Структура и методы исследования концептов: концепт «война» в индивидуальном сознании языковой личности // Научный потенциал. 2020. № 3(30). С. 85–89.
6. Кремер И. Ю. Донцов Д. М. Структурно-содержательная характеристика концепта «война» // Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: материалы Всероссийской научно-методической конференции. 2019. С. 149–152.
7. Потапчук М. А. Концепт «Война» в русском языке и культуре // Челябинский гуманитарий. 2011. № 4(17). С. 48–52.
8. Приходько В. К. Концепт «война» в языковой картине мира жителей Приамурья // Культура и наука Дальнего Востока. 2021. № 1(30). С. 88–91.

9. Рамазанова Ш. Концепт «война» в лингвистических исследованиях // Актуальные проблемы науки, образования и социальной работы: сборник научных статей. М.: Перо, 2015. С. 176–180.
10. Голубенко Е. А. Полевая организация концептов «война» и «мир» в современной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 1. С. 197–212.
11. Радчук А. В. Концепты «мир» и «война» в современном геополитическом контексте // Информационные войны. 2017. № 2 (42). С. 28–33.
12. Ракитянская Е. В. Соотношение концептов «война» и «мир» в реализации дискурсивной технологии войны // Молодая наука. 2016: материалы IV Международной научно-практической конференции теоретических и прикладных разработок молодых ученых. 2016. С. 19–26.
13. Убушаева Е. Б., Имеев В. О. Концепт «война» в китайской и калмыцкой картинах мира // Сборник научных трудов. 2015. С. 90–93.
14. Фоменко И. Б. Концепт ВОЙНА в русской и китайской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 3. С. 910–917.
15. 战, 字源, 起源查字网 = Чжань. Происхождение иероглифа // Поиск и проверка происхождения иероглифов: сайт. URL: <http://qiuyan.chaziwang.com/etymology-3991.html>
16. 争, 字源, 起源查字网 = Чжэн. Происхождение иероглифа // Поиск и проверка происхождения иероглифов: сайт. URL: <http://qiuyan.chaziwang.com/etymology-17333.html>
17. Уфимцева Н. В. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М.: Институт языкознания РАН, 2004.

REFERENCES

1. Luriya, A. R. (1979). *Yazyk i soznanie* = Language and consciousness. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
2. Pishchal'nikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. *Russian Journal of Linguistics*, 23(3), 749–761. (In Russ.)
3. Stepykin, N. I. (2021). Experience in Modeling Associative Fields (Project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). *Nauchnyi dialog*, 3, 106–120. (In Russ.)
4. Arutyunova, N. D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problem* = The sentence and its meaning. Logical and semantic problems. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Kolesnichenko, L. V., Krasickaya, N. S. (2020). Structure and methods of research of concepts: the concept of "war" in the individual consciousness of a linguistic personality. *Nauchnyj potencial*, 30(3), 85–89. (In Russ.)
6. Kremer, I. Y., Doncov, D. M. (2019). *Strukturno-soderzhatel'naya harakteristika koncepta «vojna»* = Structural and substantive characteristics of the concept of "war". *Aktual'nye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze: Materialy Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Aktual'nye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze* (pp. 149–152). (In Russ.)
7. Potapchuk, M. A. (2011). The concept of "War" in the Russian language and culture. *Chelyabinskij gumanitarij*, 4(17), 48–52. (In Russ.)
8. Prihod'ko, V. K. (2021). The concept of "war" in the linguistic picture of the world of the inhabitants of the Amur region. *Culture and science of the Far East*, 1(30), 88–91. (In Russ.)
9. Ramazanova, S. (2015). *Koncept «vojna» v lingvisticheskikh issledovaniyah* = The concept of "war" in linguistic research. *Aktual'nye problemy nauki, obrazovaniya i social'noj raboty* (pp. 176–180): The digest of scientific articles. (In Russ.)
10. Golubenko, E. A. (2019). Field organization of the concepts "war" and "peace" in the modern linguistic picture of the world. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Theory of Language. Semiotics. Semantics*, 10(1), 197–212. (In Russ.)
11. Radchuk, A. V. (2017). The concepts of "peace" and "war" in the modern geopolitical context. *Information wars*, 2(42), 28–33. (In Russ.)
12. Rakityanskaya, E. V. (2016). *Sootnoshenie konceptov «vojna» i «mir» v realizacii diskursivnoj tekhnologii vojny* = Correlation of the concepts of "war" and "peace" in the implementation of discursive technology of war. *Molodaya nauka* – 2016 (pp. 19–26). (In Russ.)
13. Ubushaeva, E. B., Imeev, V. O. (2015). *Koncept «vojna» v kitajskoj i kalmyckoj kartinah mira* = The concept of "war" in the Chinese and Kalmyk pictures of the world. *Collection of scientific papers* (pp. 90–93). The digest of articles. (In Russ.)
14. Fomenko, I. B. (2021). *Koncept VOJNA v russkoj i kitajskoj jazykovyh kartinah mira* = The concept of WAR in the Russian and Chinese language pictures of the world. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 14(3), 910–917.
15. 战, 字源, 起源查字网 = Zhan, word source, origin, word search network: <http://qiuyan.chaziwang.com/etymology-3991.html>

16. 争 · 字源 · 起源查字网 = Zheng, word source, origin, word search network:: <http://qiuyan.chaziwang.com/etymology-17333.html>
17. Ufimceva, N. V., Cherkasova, G. A., Karaulov, E. F., Tarasov, E. F. (2004) Slavyanskij asociativnyj slovar': russkij, belorusskij, bolgarskij, ukrainskij = Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian.. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор, иностранный специалист,
Сианьский университет иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Professor, Foreign Specialist,
Xi'an International Studies University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
УДК 81'23
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_86

Динамика способов предикции в структуре речевого действия (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости»)

Н. И. Степыкин

*Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия
nick1086@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается динамика способов предикции в структуре речевого действия. Сопоставительный анализ ассоциативных полей разного времени фиксации (экспериментальные данные конца 1980-х гг. vs эксперимент 2020 г.) позволил выявить значительное сокращение реакций-синтаксем, которые репрезентируют речевые действия полного цикла синтаксирования. Доказано, что большинство речевых действий в мультилингвальном тезаурусе вежливости не предполагают операций семантического и поверхностного синтаксирования.

Ключевые слова: ассоциативное поле, реакция, речевое действие, стимул, способ предикции

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00160.

Для цитирования: Степыкин Н. И. Динамика способов предикции в структуре речевого действия (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6(861). С. 86–92. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_86

Original article

Dynamics of Predication Operations in the Structure of Speech Action (“Multilingual Associative Thesaurus of Politeness”)

Nikolay I. Stepykin

*Southwest State University, Kursk, Russia
nick1086@mail.ru*

Abstract. The research reveals the dynamics of predication operations in the structure of speech action. A comparative analysis of the associative fields (the data from the end of 1980s vs free associations of 2000) demonstrated a significant reduction in syntactic reactions that represent speech actions of the full syntactic cycle. It is proved that the majority of speech actions in “Multilingual Associative Thesaurus of Politeness” do not involve semantic and surface syntactic operations.

Key words: associative field, target, speech action, cue, predication operations

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 20-012-00160.

For citation: Stepykin, N. I. (2022). Dynamics of predication operations in the structure of speech action (based on the materials of the project “Multilingual associative thesaurus of politeness”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 86–92. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_86

ВВЕДЕНИЕ

Становление и развитие отечественной психолингвистики как научной парадигмы многие исследователи связывают с работами А. А. Леонтьева и его учеников [Леонтьев, 1974]. Методологический аппарат теории речевой деятельности используется для решения фундаментальных проблем порождения и восприятия речи. Общеизвестные модели речепорождения основываются на выдвинутой Л. С. Выготским идее речевого мышления: «Речевое мышление предстало нам как сложное динамическое целое, в котором отношение между мыслью и словом обнаружилось как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому. Мы вели наш анализ от самого внешнего плана к самому внутреннему. В живой драме речевого мышления движение идет обратным путем – от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [Выготский, 1999, с. 358]. Конституирующим компонентом речевой деятельности является речевое действие [Леонтьев, 1969]. Этот базовый

термин теории речевой деятельности требует конкретизации содержательных интерпретативных характеристик. Основным параметром речевого действия является предикативность, поскольку предикативность – универсальная ментальная операция, предполагающая установление отношения предикативности между двумя значениями.

МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ДЕЙСТВИЯ

Опираясь на результаты экспериментов [Пищальникова, 2019; Степыкин, 2021] и на усовершенствованную концепцию речепорождения Леонтьева – Рябовой [Ахутина, 2007], мы предложили модель речевого действия, демонстрирующую способы, средства и смысловые признаки, с помощью которых реализуются свойства речевого действия. Было доказано, что предикативность реализуется в операциях внутреннего артикулирования и трех типах синтаксирования (смыслового, семантического и поверхностного) как способах порождения речевого действия, которые, в свою очередь, представлены разными типами ассоциатов как средствами репрезентации этих способов (см. рис. 1).

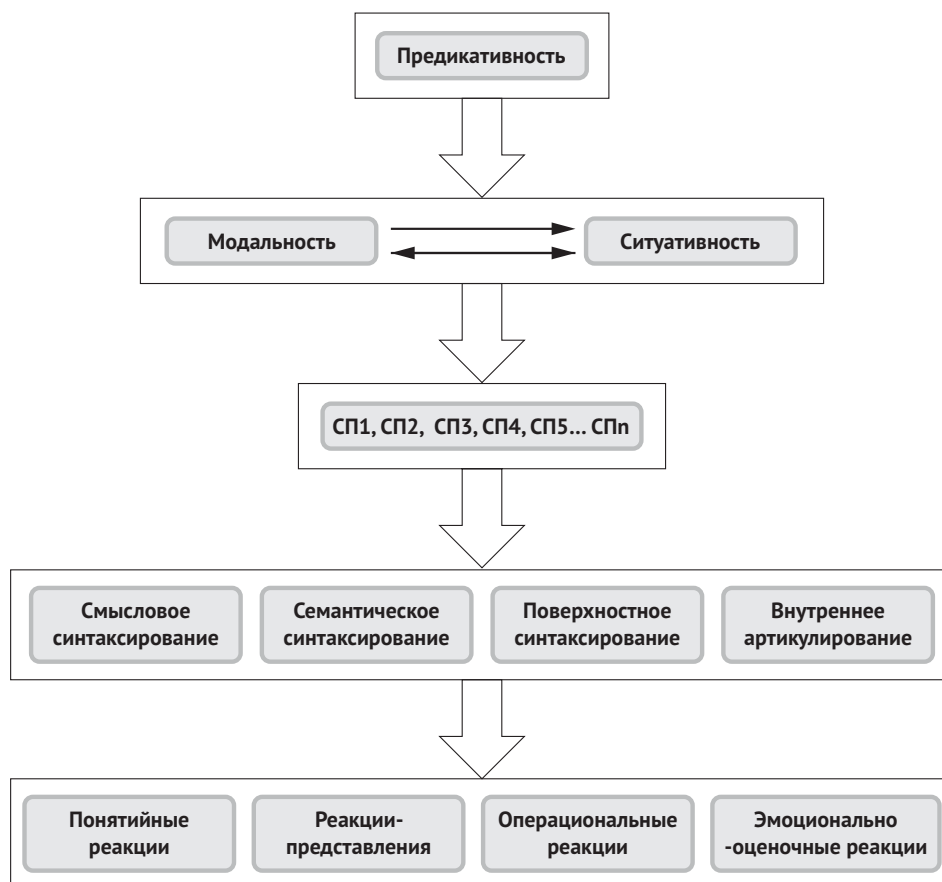

Рис. 1. Модель речевого действия Н. И. Степыкина

Данная модель разрабатывалась на материале различных ассоциативных полей, поскольку соотношение стимула и реакции, продуцируемое испытуемыми в ассоциативном эксперименте, представляет собой речевое действие как акт предсказания. В предлагаемой работе мы рассмотрим, как изменились способы предсказания в структуре речевого действия, сопоставив данные русского ассоциативного словаря [Караулов, 2002] и мультилингвального ассоциативного тезауруса [Степыкин, Миронова, 2020].

Анализ способов предсказания позволяет выявить речевые действия полного цикла синтаксирования – сочетание двух и более категориально-грамматически и семантически согласованных слов (*вежливый мужчина, культура речи, девушка на выданье* и т. д.).

Если пропущена операция поверхностного синтаксирования, актуализируется синтаксический примитив, т. е. деграмматизированная синтаксема, или потенциальное, нуждающееся в грамматическом оформлении, состоящее из лемматизированных единиц словосочетание [Караулов, 1999] (*играть – компьютер, вежливый – девочка* и пр.).

В случае неактивации семантического и поверхностного синтаксирования, актуализируются так

называемые «топик – коммент структуры» (*вежливость – очередь, добросердечие – крот* и пр.).

ДИНАМИКА СПОСОБОВ ПРЕДИЦИРОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ СИЛЬНЫЙ

Проанализируем современные речевые действия на основании данных проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» (далее – САЭ 2020) и русского ассоциативного словаря (далее – РАС) под редакцией Ю. Н. Караулова [Степыкин, Миронова, 2020; Караулов, 2002]. Для проведения ассоциативного эксперимента были подготовлены бланки, включающие слова-стимулы, репрезентированные разными частями речи *вежливость, вежливый, вежливая, добро, благодарю* и мн. др., а также слова-дистракторы *зло, сильный, совесть, белый, патриот* и пр. С целью сбалансированности выборки по гендерному признаку к участию в эксперименте были привлечены 500 представителей мужской группы и 500 женской.

Рассмотрим динамику способов предсказания на материале АП *сильный*, сопоставив данные РАС (см. табл. 1) и результаты САЭ 2020 г. (см. табл. 2).

Таблица 1

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ *СИЛЬНЫЙ*, ПО ДАННЫМ РАС

Способы предсказания	Ассоциаты, общее количество	% от общего количества реакций
Реакции топик – коммент формата	слабый 42; смелый 11; большой 3, здоровый 3, ловкий 3, могучий 3, гиря 2, глупый 2, крепкий 2, мощный 2, мужественный 2, мускулистый 2, важный, ванильный, верхом, волевой, добрый, дохлый, красивый, мудрый, надежный, полезный, тупой, храбрый, черный, земля, куртка, мина, наше, нет, озеро, почетно, редко, тренировка, хорошо, штанга, имеющий силу, сильно в чем-то	21
Синтаксические примитивы	мускулы 2, бои, боль, грудь, дерево, духу, личность, мысль, мышцы, плечо, рука, страсть, так, мужское тело	3
Реакции-синтаксемы	человек 54; мужчина 51; ветер 49; духом 44; пол 27; характер 18; парень 15; дождь 9; удар 8; мужик 6; атлет, друг, зверь, муж 5; голос 4, дух 4, очень 4, спортсмен 4; культурист 3, лев 3, мускул 3, штангист 3, юноша 3; борец 2, бык 2, волей 2, дурак 2, кот 2, медведь 2, не очень 2, партнер 2; аргумент, бегун, бицепс, бич, боец, боксер, буран, взгляд, вкупе, герой, гнев, голод, град, гром, день, дурень, дядя, запах, и смелый, каток, кашель, конь, любовник, мальчик, мен, механизм, мира сего, молот, на первый взгляд, нимб, отец, падал, паровоз, пинок, противник, Рокки, Саша, силач, слон, спорт, студент, стук, тигр, товарищ, толчок, турник, физически, холод, человек (характер), это нужно чемпион, Шварц, Шварценеггер, шум	76

Таблица 2

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ *СИЛЬНЫЙ*,
ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 2019 г.

Способы предикции	Ассоциаты, общее количество	% от общего количества реакций
Морфологические реакции	сила, сильнее	2
Реакции топик – коммент формата	слабый 14, смелый 3, крепкий 2, мощный 2, смелый 2, умный 2, strong, большой, загадка, всемогущий, выносливый, наивный, найс, не слабый, опасный, отважный, спортивный, тупой, умный, храбрый, штанга	40
Синтаксические примитивы	борьба, власть, жизни, мама, мускулы, мышцы	6
Реакции-синтаксемы	человек 10, мужчина 8, спортсмен 3, фитнес 3, боец 2, духом 2, медведь 2, умом 2, характер 2, я 2, богатырь, воин, герой, голос, город, дух, качок, Ленин, Макгрегор, мастер спорта, оратор, папа, пол, спортсмен, студент, Шварцнегер	52

Сопоставительный анализ позволяет выявить сокращение реакций-синтаксем (ср. 76 % в РАС и 52 %, по данным САЭ 2020), которые являются средствами репрезентации речевых действий полного цикла синтаксирования. В эксперименте 2020 г. преобладают реакции топик – коммент формата, не предполагающие, как правило, операций семантического и поверхностного синтаксирования. Возросло количество синтаксических примитивов (3 % vs 6 %).

Наиболее частотные реакции по данным РАС – человек (10,2 %), мужчина (9,6 %) и ветер (9,2 %). В эксперименте 2020 г. доминирует антонимическая ассоциация *слабый* (14 %). В эксперименте 2020 г. отдельного внимания заслуживают реакции формата *прилагательное-прилагательное*

(*strong* и *найс*), обусловленные влиянием английского языка на сознание современного индивида. Именно медиа поставляют и тиражируют такие структуры. Они проще, и поэтому без особых энергетических затрат способствуют внедрению необходимых образов медиа.

**ДИНАМИКА СПОСОБОВ
ПРЕДИЦИРОВАНИЯ НА МАТЕРИАЛЕ
АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ «ДОЛГ»**

Рассмотрим изменения в структуре речевого действия на материале ассоциативного поля *долг*, сопоставив данные РАС (см. табл. 3) и результаты САЭ 2020 (см. табл. 4).

Таблица 3

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ *ДОЛГ*, ПО ДАННЫМ РАС

Типы реакций	Ассоциаты, общее количество	% от общего количества реакций
Фонетические реакции	волк 2, полк, полог	0,5
Морфологические реакции	Должны	0,1
Реакции формата N-N ₁	деньги 38; обязанность 28, совесть 10; платеж 7, ответственность 4, армия 3, залог 2, мужество 2, надо 2, тяжесть 2, чувство 2, чушь 2, абстракция, аванс, аукцион, бок, бред, брюки, верность, воля, выполнение, гора, день, долгий день, почетная обязанность, обязать, плакат с образцовым солдатом, прямая дорога должность, жертва, жестокость, забор, займ, замена, заяц, знамя, истина, красота, кредит, крестонесение, любовь, мир, необходимость, неприятность, нужно, обязательность, работа, свеча, смерть, собака, социализм, стеснение, страшно, танк	21

Типы реакций	Ассоциаты, общее количество	% от общего количества реакций
Реакции – синтаксемы	честь 55; платежом красен 31; отдать 28; перед Родиной 19; большой 14; интернациональный 11; совести 10, мой 9; вернуть 8, каждого 8, отдавать 8, человека 8; гражданина 7, святой 7; выполнять 7, наш 6; денежный 5, перед Отечеством 5, родине 5; выполнить 4, памяти 4, гражданский 3, красен 3, красен платежом 3, платить 3, священный 3, службы 3, человеческий 3; вечный 2, военный 2, возратить 2, возвращать 2, врача 2, и совесть 2, исполнить 2, матери 2, не мой 2, не отдать 2, общественный 2, отдан 2, перед людьми 2, служебный 2, Велит, Вернули, Взаимный, Возвращен, Воина, выполнен, выполненный, выучить, давнишний, дал, держать, длинный, желтый, жизни, за тобой, заплачен, зачастую, зовет, и честь, иметь, исполнять, испытывать, к ответственности, какой, крупный, курсанта, материнский, моральный, мужчины, мучивший меня, на неделю, надо отдать, национальный, не брать, не вернули, не отдан, ждть, 10 рублей, небольшой, необходимый, обещанный, обратный, один, остаться, отдал, отеческий, отца, отцовский, Отчизне, патриотический, перед собой, перед совестью, перед человеком, перед школой, по экзаменам, погасить, полицейского, последний, почему, прежде всего, родителям, свой, сердца, слова, слова!, солдата, солдатский, судебный, сходить в кино, сыновий, сыновний, танкиста, три рубля, товарищу, тяготит, тянет, человека и гражданина	64
Синтаксические примитивы	честь 40; родина 7, платежом 4; плата 3, служба 3, зарплата 2, карты 2, рубль 2, человек 2, Афганистан, герой, люди, надоело, нет, обещание, ответственное, память, патриот, плохо, проценты, сполна	11

Таблица 4

КЛАССИФИКАЦИЯ РЕАКЦИЙ НА СТИМУЛ *ДОЛГ*,
ПО ДАННЫМ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА 2019 г.

Типы реакций	Ассоциаты, общее количество	% от общего количества реакций
Реакции формата N-N ₁	деньги 29, армия 4, банк 4, займ 2, обязанность 2, Сталкер 2, коллектор, кредит, монолит, мучение, беды, глупость, заем, заставить, обязательность, ответственность, платеж, проблемы, плохо 2, работа, рабство, свобода, служба в армии, справедливость, тяжесть, универ, фуражка	65
Реакции – синтаксемы	родине 5, служить 5, верни 2, не отдам 2, отдать 2, возмещен, выбивать, надолго, перед отечеством, платежом красен, платить, по учебе, стране, США	24
Синтаксические примитивы	честь 7, родина, солдат, страна, студент	11

Сопоставительный анализ ассоциативных данных демонстрирует сокращение количества реакций-синтаксем и рост числа ассоциатов топик-коммент формата. Самой частотной ассоциацией по данным РАС является синтаксема *долг чести* (около 9%), репрезентирующая речевое действие полного цикла. В эксперименте 2020 г. реакция подобного плана не обнаружена. Среди реакций наших испытуемых доминирует

ассоциат *деньги*. Актуализация сочетания *долг – деньги* не предполагает активации семантического и поверхностного синтаксирования.

Анализируя экстралингвистическую информацию, отметим, что в настоящее время проявляется неоднозначное отношение к возврату долга (*отдать – не отдам*). В связи с этим появляется необходимость выбивать деньги с помощью коллектора. Данный механизм взыскания

долга закрепился в ассоциативно-вербальной сети посредством медиалекта и стал ее неотъемлемой составляющей. *Выбивать долг, верни долг* – типичные на сегодняшний день речевые операции, проникшие в языковое сознание и подкрепленные многочисленными мемами (см. рис. 2).

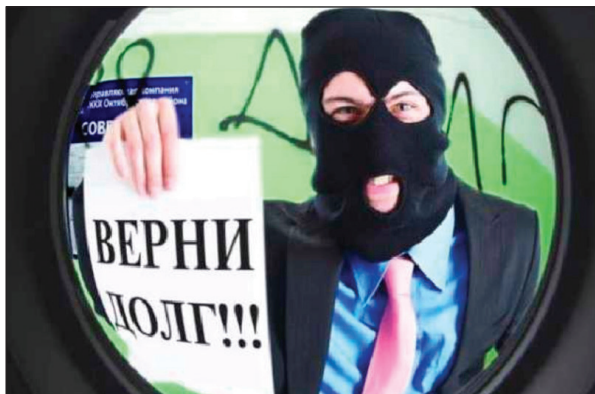

Рис. 2. Мем «Верни долг»

При рассмотрении реакций РАС, напротив, прослеживается тенденция к возврату долга в речевых действиях полного цикла (*платежом красен 31, отдать 28, вернуть 8, отдавать 8, выполнять 7* и др.). Долг неразрывно связан с индивидом и социумом, что отражается в поссессивных реакциях (*мой 9; каждого 8, человека 8; гражданина 7, наш 6; гражданский 3, человеческий 3; врача 2, матери 2, не мой 2, общественный 2, курсанта, материнский, мужчины, отеческий, отца, отцовский, полицейского, солдата, солдатский, сыновий, сыновний, танкиста, человека и гражданина*). В сознании современных испытуемых

поссессивные ассоциативные связи слабы или не сформированы, а долг уже не воспринимается как категория этики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставив данные русского ассоциативного словаря под ред. Ю. Н. Караулова (ассоциативные данные конца 80 – начала 90-х гг. XX в.) и проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости» (эксперимент 2020 г.), мы пришли к выводу о значительных изменениях в структуре речевого действия, произошедших за последние 30 лет. Эти изменения коснулись, прежде всего, способов предиктирования, реализуемых операциями смыслового, семантического и поверхностного синтаксирования.

Количество речевых действий полного цикла синтаксирования, превалирующих в статьях русского ассоциативного словаря, резко сократилось в ассоциативном эксперименте. Напротив, возросло число топик-коммент реакций и синтаксических примитивов, репрезентирующих речевые действия с пропущенными операциями семантического и поверхностного синтаксирования, т. е. большинство речевых действий группы испытуемых, принявших участие в эксперименте 2020 г., включают только операцию смыслового синтаксирования.

Полученные результаты убедительно свидетельствуют о широких перспективах для дальнейших исследований в области речемыслительной деятельности современного поколения с опорой на разработанную нами модель речевого действия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
3. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
4. Пищальникова В. А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 3. С. 749–761. doi: 10.22363/23129182-2019-23-3-749-761.
5. Степыкин Н. И. Опыт моделирования ассоциативных полей (по материалам проекта «Мультилингвальный ассоциативный тезаурус вежливости») // Научный диалог. 2021. № 3. С. 106–120. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-106-120.
6. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 13–27.
7. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов и др. М.: Астрель: АСТ, 2002.
8. Степыкин Н. И., Миронова Д. М. Проект мультилингвального ассоциативного тезауруса вежливости. Курск: Университетская книга, 2020.
9. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999.

REFERENCES

1. Leont'ev, A. A. (1974). Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti = Fundamentals of the theory of speech activity. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Vygotskij, L. S. (1999). Myshlenie i rech' = Thinking and speech. Moscow: Labirint. (In Russ.)
3. Leont'ev, A. A. (1969). Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost' = Language, speech, speech activity. Moscow: Enlightenment. (In Russ.)
4. Pishchalnikova, V. A. (2019). Interpretation of associative data as a methodological issue of psycholinguistics. Russian Journal of Linguistics, 23 (3), 749–761. (In Russ.)
5. Stepykin, N. I. (2021). Opyt modelirovaniya associativnyh polej (po materialam proekta "Mul'tilingval'nyj associativnyj tezaurus vezhlivosti") = Experience in modeling associative fields (a case study of project "Multilingual Associative Thesaurus of Politeness"). Nauchnyi dialog, 3, 106–120. (In Russ.)
6. Ahutina, T. V. (2007). Model' porozhdeniya rechi Leont'eva-Ryabovoj: 1967–2005 = Leontiev-Ryabova speech generation model: 1967–2005. Voprosy psiholingvistiki, 6, 13–27 (In Russ.)
7. Karaulov, Yu. N. (2002). Russkij associativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti = Russian Associative Dictionary as a new linguistic source and tool for analyzing language ability. Moscow: Astrel: AST. (In Russ.)
8. Stepykin, N. I. (2020). Proekt mul'tilingval'nogo associativnogo tezaurusa vezhlivosti = The project of a multilingual associative thesaurus of politeness. Kursk: University Book. (In Russ.)
9. Karaulov, Yu. N. (1999). Aktivnaya grammatika i associativno-verbal'naya set' = Active grammar and associative-verbal network. Moscow: Institute of the Russian Language. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степыкин Николай Иванович

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики
факультета лингвистики и межкультурной коммуникации
Юго-Западного государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stepykin Nikolay Ivanovich

PhD (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Faculty of Linguistics and Crosscultural Communication, Southwest State University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИЙНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Научная статья
УДК 811.581.11
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_93

Наукометрический анализ документопотока по интернет-дискурсу, представленному в базе данных CSSCI при CNKI

Лю Цици^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай
602680780@qq.com

Аннотация. С использованием программы наукометрического анализа CiteSpace в данной статье проанализирован документопоток по интернет-дискурсу, представленному в базе данных CSSCI при CNKI с 2000 г. по 2020 г. В настоящей работе рассмотрены нагрузка узла и всплеск цитирования для описания тенденции развития, выявления ключевых тематик и прогрессивных направлений научного знания по проблематике интернет-дискурса в Китае за последние 20 лет.

Ключевые слова: интернет-дискурс, наукометрический анализ, CiteSpace, нагрузка узла, всплеск цитирования

Для цитирования: Лю Цици. Наукометрический анализ документопотока по интернет-дискурсу, представленному в базе данных CSSCI при CNKI // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 93–98. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_93

Original article

Scientific Analysis of Document Flow on Internet-Discourse Presented in the CSSCI Database at CNKI

Liu Qiqi^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Xinjiang Normal University, Urumqi, China
602680780@qq.com

Abstract. With the help of CiteSpace, bibliometric software of information visualization, this study presents a visual analysis of papers on the Internet-discourse published between 2000 and 2020 in the China National Knowledge Infrastructure (CNKI). This paper studies the turning points with high betweenness centrality, literature with citation bursts, key and hot research topics, as well as the key and front research domains of Internet-discourse studies.

Keywords: Internet-discourse, scientometric analysis, CiteSpace, betweenness centrality, citation burst

For citation: Liu Qiqi (2022). Scientific analysis of document flow on Internet discourse presented in the CSSCI database at CNKI. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 93–98. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_93

ВВЕДЕНИЕ

Интернет охватывает практически все формы межличностного общения, что позволяет обеспечивать функционирование вербального и невербального взаимодействия между людьми в Интернете. В данном информационном пространстве сложился особый интернет-дискурс, который представляет собой процесс создания текста, который сопровождается прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, целенаправленное социальное действие, включающее взаимодействие людей [Загоруйко, 2012]. Одновременно интернет-дискурс есть фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающийся на сложную систему традиций, зафиксированных и неписаных правил, задающий параметры порождения и интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе – и его речевых произведений в этой среде [Радченко, 2009]. Исследования интернет-дискурса осуществляются в этой связи не только лингвистами, но и социологами, психологами, филологами, культурологами и представителями иных актуальных отраслей гуманитарного знания.

Программа визуализации CiteSpace – мощный инструмент помощи исследователям в процессе широкомасштабного анализа научных публикаций. Эта программа составляет статистику цитирования ключевых слов, авторов и институтов для всех выбранных статей на основе определенной частоты слов, что повышает объективность источников данных для обзоров актуальной литературы. В этой статье также используется программа CiteSpace для выполнения визуального наукометрического анализа и изучения статей, связанных с интернет-дискурсом, опубликованных в базе данных Chinese Social Sciences Citation Index (CSSCI) при China National Knowledge Infrastructure (CNKI) с 2000 по 2020 гг., чтобы наглядно представить «горячие точки» и тенденции исследования интернет-дискурса в Китае.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Инструмент исследования

CiteSpace – многогранная и динамическая программа для визуализации цитирования, разработанная в контексте наукометрии (scientometrics), визуализации данных и информации (data and information visualization) с акцентом на анализ потенциальных знаний, содержащихся в научной литературе. Она обеспечивает не только анализ пространства цитирования, но и анализ совпадений между другими единицами знаний, такими

как автор, учреждение, страна / регион сотрудничества и т. д. [李杰, 陈超美, 2016].

В статье используется программа CiteSpace.5.8.R1 для импорта и анализа источника данных, обработана нагрузка узла (betweenness centrality), извлекаются высокочастотные ключевые слова для анализа ежегодных «горячих точек» и проблем исследования интернет-дискурса в Китае.

Источник данных

CNKI был основан в июне 1999 года по инициативе Университета Цинхуа и АО «Цинхуа Тонгфанг». Полнотекстовая база данных китайских периодических изданий в CNKI в настоящее время является крупнейшей в мире постоянно и динамично обновляемой полнотекстовой базой данных китайских периодических изданий, ориентированной на академическое, техническое, политическое руководство и народное образование в высшей школе [陈悦等, 2014]. Для получения надежных и авторитетных результатов был проведен поиск в базе субданных CSSCI при CNKI.

В качестве исходного массива были использованы данные, полученные из CNKI следующим образом: (тема%='интернет-дискурс или заголовок%='интернет-дискурс' or title='интернет-дискурс' or v_subject='интернет-дискурс') AND ((дата публикации Between ('2000', '2020')) AND (журналы CSSCI='Y')). В итоге были выявлены 422 научные статьи по данной теме за 2000–2020 годы, которые были затем экспортированы в формате RefWorks.

На основе анализа этих данных в статье принята попытка ответить на ряд вопросов, в том числе: «Каковы частота совместного цитирования и нагрузка узла ключевых слов в базе данных?», «Каковы “горячие точки” и актуальные направления в данной области?»

«Горячие точки» исследования интернет-дискурса в Китае

Метод частотного анализа слов заключается в определении степени распределения ключевых или тематических слов, которые могут отразить основное содержание документа. Этот метод используется для изучения тенденций развития и исследования «горячих точек» в данной области [李杰, 陈超美, 2016]. Ключевые слова – средство сжатия и уточнения основного содержания статьи. Если ключевое слово неоднократно встречается в литературе по своей области, тема исследования, представленная этим ключевым словом, является «горячей точкой» исследования в данной области

Схема 1

[冯佳, 王克非, 刘霞, 2014]. Используя программу CiteSpace.5.8.R1, можно получить сеть совместного цитирования ключевых слов (см. схема 1). Сеть совместного цитирования ключевых слов в области исследований интернет-дискурса в Китае в период с 2000 по 2020 гг.

Анализ полученных результатов позволяет также представить ключевые слова, ранжированные по значению «нагрузка узла» (BC) в виде таблицы (см. табл. 1). В наукометрической сети каждый узел представляет собой ключевое слово. Чем больше узел,

Таблица 1

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА, РАНЖИРОВАННЫЕ ПО ЗНАЧЕНИЮ НУ (BC) (ТОР 10)

Ключевые слова	НУ (BC)	Ключевые слова	НУ (BC)
网络话语 интернет-дискурс	0.24	话语权 степень влияния дискурса	0.11
网络话语权 степень влияния интернет-дискурса	0.11	网络空间 интернет-пространство	0.06
思想政治教育 идейно-политическое воспитание	0.06	公共领域 общественная сфера	0.05
社会主义核心价值观 базовые социалистические ценности	0.04	网络思想政治教育 идейно-политическое воспитание в Интернете	0.04
网络传播 коммуникация в Интернете	0.04	大学生 студенты	0.04

Рис. 1. Ключевые слова с наибольшей интенсивностью цитирования (TOP 7)

тем выше частота использования ключевого слова узла. Высокочастотные ключевые слова представляют собой «горячие точки» исследования в указанной области. Индикаторы интерпретации ключевых слов в основном включают в себя три компонента, а именно узел, частоту и нагрузку узла. Размер узла отражает важность ключевого слова в сети. На схеме 1 уже продемонстрировано, что горячей точке исследования по интернет-дискурсу в Китае соответствуют такие ключевые слова с большими узлами, как «степень влияния дискурса», «степень влияния интернет-дискурса», «интернет-пространство», «идеология», «идейно-политическое воспитание» и др. Эти ключевые слова отражают направленность и исследовательские тенденции в сфере интернет-лингвистики в Китае. Понятие *betweenness centrality* (нагрузка узла, НУ) определяется как число кратчайших путей между другими узлами, проходящих через данный узел – характеристика важности узла в сети. Научные статьи, имеющие значения ВС, считаются наиболее значимыми, а узлы их обозначающие – ключевыми узлами (*pivotal points*) [Бусыгина, Лаврик, 2018]. Чем выше показатель ВС ключевого слова, тем больше информации между связанными ключевыми словами и тем большее значение оно имеет в Сети.

В таблице 1 ключевое слово «интернет-дискурс» (0,24) имеет самую высокую НУ, следующие места занимают «степень влияния дискурса», «степень влияния интернет-дискурса», «интернет-пространство» и «идейно-политическое воспитание».

Интернет-пространство – это виртуальная «публичная сфера», и интернет-дискурс стал важным способом участия в политике. С одной стороны, интернет-дискурс способствует проведению консультаций и осуществлению совместного управления множеством субъектов в структуре государственного управления, он полезен для нормального функционирования экономики и построения гармоничного общества. С другой стороны, из-за

отсутствия надзора и ответственности субъектов Сети обычным явлением уже стал кибербуллинг.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА В КИТАЕ

Чем больше узлов всплесков цитирования (*citation burst*) содержится в кластере программы Citespace, тем активнее *тематика исследования* (*active area*) или *зарождающаяся исследовательская тенденция* (*emerging trend*) [李杰, 陈超美, 2016]. Используя функцию «burst detection» в CiteSpace, возможно экспортировать *термины всплесков цитирования* (*burst terms*) из заголовка, аннотации и ключевых слов, т. е. термины, частота которых внезапно увеличивается или появляется за короткое время [李红满, 2014].

По сравнению с горячими точками исследований, которые отражаются в высокочастотных ключевых словах, термины всплесков цитирования более четко отражают актуальные направления исследования и тенденции развития исследования интернет-дискурса в Китае. Программа CiteSpace позволила получить данные, представленные на рисунке 2, путем поиска по ключевым словам в 422 статьях.

Показатели всплеска ключевых слов «степень влияния интернет-дискурса» и «степень влияния дискурса» составляют 4,38 и 3,53, им уделялось большое внимание с 2012 по 2018 годы (см. рис. 1). В настоящее время интернет-пространство, которое является отражением и продолжением реального общества, стало важным полем идеологических игр, где борются разные идеи и культуры. В этой ситуации активное укрепление влияния государства на Интернет имеет важное стратегическое значение и политическую функцию. Однако создание господствующего китайского идеологического дискурса в киберпространстве сталкивается с такими

трудностями, как сжатие и фрагментация со стороны западного дискурса, отставание пропагандистского дискурса. Поэтому в последние годы китайское правительство уделяет большое внимание построению дискурсивной системы для укрепления объясняющей и убедительной силы социалистической идеологии. С 2012 по 2020 год исследование идеологии в Интернете становится важной областью изучения интернет-дискурса. Из рисунка 1 также следует, что в будущем исследование идеологии в интернет-пространстве останется важным направлением работы китайских лингвистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе использования программы наукометрического анализа CiteSpace в этой статье

анализируются научные статьи, посвященные интернет-дискурсу. Они представлены в базе данных CSSCI при CNKI. Исследование показало, что ведущее место в китайской интернет-лингвистике занимают исследования, выявляющие степень влияния официального дискурса и характер построения идеологии в Интернете. Означенные исследования характеризуются неравномерностью. С одной стороны, из-за изменчивости, сложности и разнообразия самого Интернета важной обязанностью государства и правительства является усиление управления интернет-пространством и укрепление степени влияния официального дискурса в виртуальном пространстве. С другой стороны, определенные шаги, предпринимаемые государством, обусловлены сложностью внешнеполитической ситуации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Загоруйко И. Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве // Вестник Костромского государственного университета. 2012. № 3. С. 56–60.
2. Радченко О. А. Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1. С. 60–67.
3. 李杰, 陈超美. Citespace: 科技文本挖掘及可视化(第二版). 北京: 首都经贸大学出版社, 2016 = Ли Цзе, Чэнь Чаомэй. CiteSpace: Анализ текста и визуализация в научной литературе. 2-е изд. Пекин: Издательство Столичного университета экономики и торговли, 2016.
4. 陈悦等. 引文空间分析原理与应用: CiteSpace实用指南. 北京: 科学出版社, 2014. = Чэн Юе [и др.]. Принципы и приложения анализа пространства цитирования. Пекин: Издательство науки, 2014.
5. 冯佳, 王克非, 刘霞. 近二十年国际翻译学研究动态的科学知识图谱分析 // 外语电化教学. 2014. № 1. С. 11–20 = Фэн Цзя, Ван Кэфэй, Лю Сю. Новые тенденции в переводческих исследованиях (1993–2012): наукометрический анализ в CiteSpace // Технологии усовершенствованного обучения иностранным языкам. 2014. № 1. С. 11–20.
6. Бусыгина Т. В., Лаврик О. Л. Анализ научного направления «Рецептор-зависимый сигнальный путь регуляции апоптоза» с использованием программы визуализации паттернов и трендов на основе библиографии CiteSpace // Труды ГПНТБ СО РАН. 2018. № 13-1. С. 288–306.
7. 李红满. 国际翻译学研究热点与前沿的可视化分析 // 中国翻译. 2014. № 2. С. 21–26 = Ли Хунмань. Визуализация и анализ горячих точек и пограничных направлений по исследованию международного переводоведения // Журнал китайских переводчиков. 2014. № 2. С. 21–26.

REFERENCES

1. Zagorujko, I. N. (2012). Internet discourse in modern communication space. Vestnik of the Kostroma State University, 3, 56–60. (In Russ.)
2. Radchenko, O. A. (2009). Researching Aggressive Discourse: Problems and Prospects. Vestnik of Moscow City University, Series “Philology. Language theory. Language education”, 1, 60–67. (In Russ.)
3. 李杰, 陈超美 (2016). Citespace: 科技文本挖掘及可视化 (第二版) = CiteSpace: Text Mining and Visualization in Scientific Literature. Second Edition. Beijing: Capital University of Economics and Business Press.
4. 陈悦等 (2014). 引文空间分析原理与应用: CiteSpace 实用指南 = Principles and Applications of Analyzing a Citation Space. Beijing: Science Press.
5. 冯佳, 王克非, 刘霞. 近二十年国际翻译学研究动态的科学知识图谱分析 // 外语电化教学. 2014. № 1. С. 11–20 = Feng Jia, Wang Kefei, Liu Xia. (2014). Emerging Trends in Translation Studies (1993–2012): A Scientometric Analysis in CiteSpace. Technology Enhanced Foreign Language Education, 1, 11–20.

6. Busygina, T. V., Lavrik, O. L. (2018). Analiz nauchnogo napravlenija «Receptor-zavisimyj signal'nyj put' reguljacii apoptoza» s ispol'zovaniem programmy vizualizacii patternov i trendov na osnove bibliografii CiteSpace = Analysis of the scientific direction "Receptor-dependent signaling pathway of regulation of apoptosis" using the program for visualizing patterns and trends based on the bibliography CiteSpace (pp. 288–306). Trudy GPNTB SO RAN. (In Russ.)
7. 李红满. 国际翻译学研究热点与前沿的可视化分析 // 中国翻译. 2014. № 2. S. 21–26 = Li Hongman. (2014). The cutting-edge research interests and topics of international translation studies: A visualized analysis of relevant SSCI data (2008–2012). Chinese translators journal, 2, 21–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лю Цици

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Института иностранных языков имени Мориса Тореза
Московского государственного лингвистического университета;
преподаватель кафедры русского языка Института иностранных языков
Синьцзянского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liu Qiqi

PhD student, Department of General and Comparative Linguistics,
Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University;
Lecturer, Department of the Russian Language, Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Вербальные способы выражения несогласия в политическом дискурсе (на материале вьетнамского парламентского дискурса)

Тхи Минь Нгуэт Нгуен

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
minhnguyetbel@yandex.com*

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения несогласия с суждением или оценкой другого коммуниканта, часто применяемые в политическом дискурсе. Материалом исследования служат данные интерактивной коммуникации, зафиксированные в видеозаписях собраний Национального Собрания Социалистической Республики Вьетнам. Результаты исследования говорят о многообразии способов выражения несогласия, а также об отказе в политическом дискурсе от применения ряда способов, нередко используемых в обыденной речи при выражении несогласия одного собеседника с другим.

Ключевые слова: лингвопрагматика, несогласие, теория речевых актов, политический дискурс, вьетнамский язык

Для цитирования: Тхи Минь Нгуэт Нгуен. Способы вербального выражения несогласия во вьетнамском политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 99–106. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_99

Original article

Verbal Disagreement Strategies in Political Discourse (on the material of Vietnamese parliamentary discourse)

Thi Minh Nguyet Nguyen

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
minhnguyetbel@yandex.com*

Abstract. The article examines the means of expressing disagreement with another communicant's judgement or evaluation that are often used in political discourse. The research is based on the interactive communication data collected from video recordings of the sessions of the Socialist Republic of Vietnam National Assembly. The findings obtained through discourse analysis and statistical calculation show a variety of strategies of expressing disagreement, as well as avoidance of several other strategies that are commonly used in everyday speech to express disagreement.

Keywords: language pragmatics, disagreement, speech act theory, political discourse, the Vietnamese language

For citation: Thi Minh Nguyet Nguyen. (2022). Verbal disagreement strategies in political discourse (on the material of Vietnamese parliamentary discourse). Vestnik of Moscow State Linguistic university. Humanities, 6(861), 99–106. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_99

ВВЕДЕНИЕ

Развитие лингвопрагматики 1960-х гг. было ознаменовано становлением теории речевых актов (далее – ТРА). Под речевым актом (далее – РА) понимается акт речи, состоящий «в целенаправленном произнесении говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» [Кобозева, 1986, с. 11].

Несогласие представляет собой двойной РА: высказывание того, что человек думает, и указание на то, что он думает не так, как думает предыдущий говорящий [Wierzbicka, 1987]. Отражая позицию говорящего, противоположную позиции собеседника, несогласие представляет собой не только информативное, но и оценочное высказывание с различными эмоциональными оттенками (осуждения, неодобрения и другими) [Боргер, 2004]. Некоторые исследователи уделяют значительно большее внимание первому компоненту, определяя несогласие как отрицание заявленной или подразумеваемой пропозиции [Kakava, 2002; Hoang, De Nooy, 2019].

П. Браун и С. Левинсон рассматривают несогласие как непредпочтительную реакцию из-за потенциальной угрозы позитивному лицу собеседника [Brown, Levinson, 1987]. При совершении ликоугрожающего речевого акта (далее – ЛРА), каковым является несогласие, говорящий выбирает между различными стратегиями, направленными на смягчение или устранение угрозы лицу. Эту позицию подкрепляет также входящая в принцип вежливости Дж. Лича максима согласия, согласно которой для соблюдения вежливости участникам коммуникации следует сводить к минимуму выражение несогласия с собеседником и акцентировать внимание на взаимном согласии [Leech, 1983].

Однако исследователи, занимающиеся конврсационным анализом, утверждают, что несогласие является непредпочтительным вторым ходом (dispreferred second turn) только в том случае, если в первом ходе имело место суждение или оценка. Если же собеседник в первом ходе совершил речевой акт, угрожающий собственному лицу, например, самоуничижение, то несогласие с ним, наоборот, является предпочтительной реакцией (preferred second turn) [Pomerantz, 1984; Kieu, 2006]. В данном случае имеется в виду организация предпочтений (preference organization), которая отражает, на что направлены коммуникативные действия – поддержку или ослабление социальной солидарности [Pillet-Shore, 2017]. Несогласие, таким образом, представляет собой непредпочтительный ЛРА, которого следует избегать или смягчать, только в том случае, если он

служит реакцией на суждение или оценку, сделанные другим коммуникантом.

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку выявить способы выражения несогласия с суждением и оценкой другого коммуниканта, часто используемые представителями вьетнамской лингвокультуры. Важное отличие настоящего исследования от других исследований РА несогласия заключается в том, что в качестве материала исследования используются данные интерактивной коммуникации, зафиксированные во вьетнамском политическом дискурсе, отражающие фактическое речевое поведение, а не убеждения или предпочтения коммуникантов, которые выявляются при использовании таких методов сбора данных, как анкетирование и тест на завершение дискурса.

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования нами был выбран вьетнамский политический дискурс. Для получения данных интерактивной коммуникации использовались доступные в интернет-ресурсе YouTube видеозаписи собраний Национального собрания (Quốc hội) Социалистической Республики Вьетнам (далее – Нацсобрания).

С помощью метода дискурсивного анализа были выявлены коммуникативные ситуации с РА несогласия с суждением или оценкой другого человека. Всего было проанализировано 43 видео (общая длительность около 126 часов). Идентификация исследуемого РА и способов его совершения осуществлялась в соответствии с интеракционным принципом, то есть на основе серий репликовых шагов (как минимум двух), сделанных депутатами в процессе взаимодействия друг с другом.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

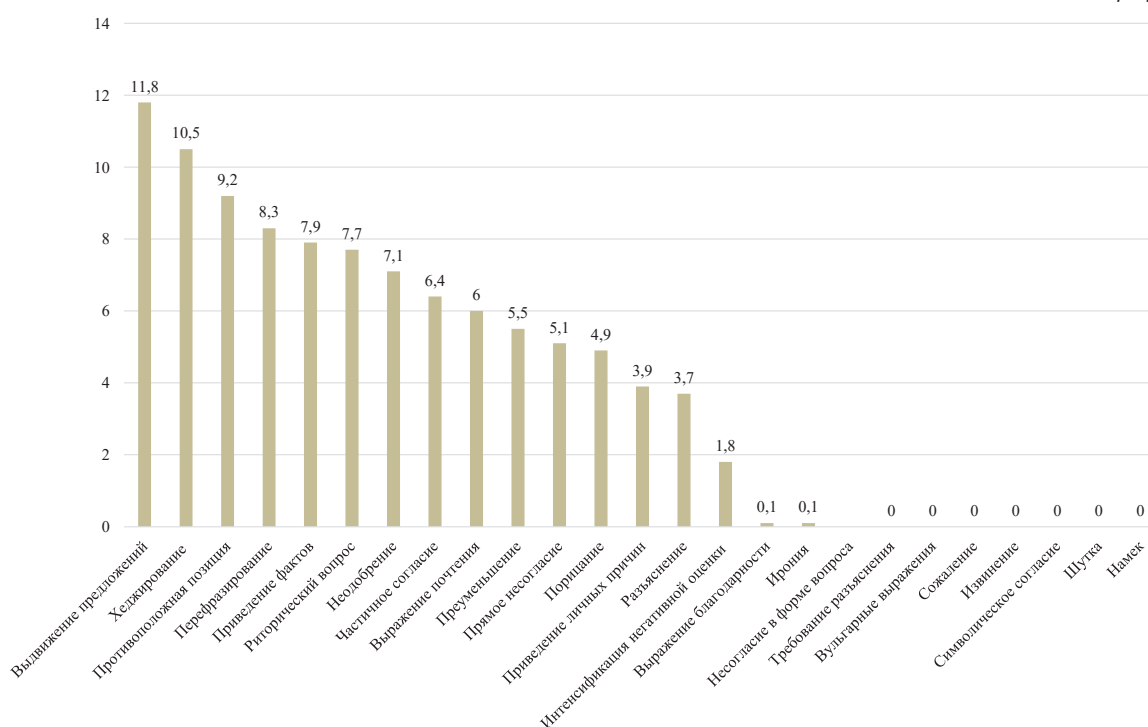
С учетом особенностей эмпирического материала нами были адаптированы классификации способов выражения несогласия, предложенные в трудах J. Culpeper, M. Locher, D. Bousfield и L. Fernández-Amaya, а именно: 1) выражение противоположной позиции; 2) приведение личных причин; 3) выражение несогласия в форме вопроса; 4) хеджирование; 5) короткие вульгарные высказывания; 6) прямое несогласие; 7) выдвижение предложений; 8) символическое согласие; 9) шутка; 10) ирония; 11) порицание; 12) требование разъяснения; 13) предоставление фактов; 14) перефразирование; 15) намек; 16) сожаление; 17) извинение. В собранном материале были обнаружены не все способы выражения несогласия

из вышеуказанного списка. Институциональный характер политического дискурса, не допускающий нарушений принципов вежливости и кооперации, исключает несерьезность, двусмысленность и грубое поведение, чем объясняется отсутствие вульгарных выражений, шуток и намеков. Неприменение сожаления и извинения для ослабления несогласия мы склоны объяснять нежеланием коммуникантов наносить урон собственному лицу. Отсутствие требований разьяснения и возражений в форме вопроса (например, «Вы правда так думаете?»), вероятно, обусловлено тем, что каждый выступающий в течение трех предоставленных ему для выступления минут успевает достаточно ясно изложить свою точку зрения, что практически

исключает необходимость переспрашивания или требования разьяснения.

Более того, нам удалось определить другие способы выражения несогласия вне адаптированного списка: неодобрение, частичное согласие, риторический вопрос, выражение почтения, разьяснение, преуменьшение, интенсификация негативной оценки и выражение благодарности. Методом статистического подсчета была определена частота использования каждого способа. В результате проведенного анализа были выявлены 63 коммуникативные ситуации, в которых применялось в общей сложности 17 способов выражения несогласия с суждением или оценкой другого коммуниканта (см. график 1).

График 1

Частота применения различных способов выражения несогласия во вьетнамском политическом дискурсе (в %)

Выявленные способы выражения несогласия с суждением или оценкой мы классифицировали по трем группам:

- прямое выражение несогласия;
- способы ослабления несогласия;
- способы усиления несогласия.

Прямое выражение несогласия

По частоте применения способ прямого выражения несогласия с помощью слова «нет» или перформативов, выражающих несогласие, таких

как *tôi không đồng ý, tôi không tán thành* (я не согласен, я не поддерживаю), занимает не первое место. Такое нечастое применение прямого способа объясняется стремлением говорящего к сохранению «лица», которое во вьетнамской коллективистской культуре имеет общий характер [Nguyen, 2015]. Говорящий может сохранить собственное лицо только при условии сохранения лица других коммуникантов. Другими словами, при совершении ЛРА несогласия, стремясь сохранить свое лицо, говорящий старается избежать нанесения урона чужому лицу и лицу коллектива. В следующем

примере говорящий J два раза выражает прямо свое несогласие с помощью перформатива *không đồng tình* (не согласен), который в сочетании с хеджем *cá nhân tôi* (лично я) смягчает несогласие и является вполне политичным:

Cá nhân tôi thì tôi không đồng tình. Mình không nên áp đặt phí gì cho người dân ở chỗ này. Còn việc đại biểu phát biểu đề xuất là việc của đại biểu, Chính phủ tiếp thu hay không là của Chính phủ còn cá nhân tôi nếu biểu quyết tôi không đồng tình với đề xuất này. – «Лично я не согласен. Нам не стоит устанавливать какие-либо сборы в этом плане. А то, что другой депутат сказал, – это его личное мнение. Принимать или не принимать его предложение – дело правительства. А лично я, если голосовать, то буду не согласен с таким предложением».

Способы ослабления несогласия

Под способами ослабления несогласия мы подразумеваем те способы его выражения, которые «приглушают» смысл высказывания, делают его косвенным или неявным. При частичном согласии, например, для смягчения несогласия говорящий сначала соглашается с некоторыми позициями другого коммуниканта и только затем выражает несогласие в форме уточнения того, с каким именно аспектом он согласен, а с каким нет, или в форме несогласия с другими позициями предыдущего коммуниканта. Важным является то, что выбирая, что выразить первым – согласие или несогласие, говорящий делает выбор в пользу первого.

A: Xây dựng Luật An ninh mạng trong điều kiện phát triển công nghệ thông tin đúng là cần thiết, tuy nhiên, cần cân nhắc yêu cầu các cơ quan, tổ chức ngoài nước khi cung cấp dịch vụ trên không gian mạng tại Việt Nam phải đặt trụ sở hoặc Văn phòng đại diện tại Việt Nam. – «Создание Закона о сетевой безопасности – да, это необходимо, однако нужно взвесить требование о том, чтобы все организации при предоставлении услуг в сетевом пространстве Вьетнама имели офис или представительство во Вьетнаме».

Символическое согласие также предшествует несогласию, но отличается от частичного согласия своей достаточно краткой формой (*ừ, nhưng...; vâng, nhưng... – да, но...*). В собранном материале отсутствовали случаи применения данного способа ослабления несогласия. Это, вероятно, обусловлено изложением коммуникантами в своих выступлениях большого количества положений, а также отсутствием возможности частой смены

коммуникативных ролей, что заставляет последующего говорящего уточнять, с каким именно суждением предыдущего коммуниканта он не согласен, и не позволяет ему использовать краткие формы символического согласия «да, но...».

Кроме того, несогласию могут предшествовать хеджи – выражения, демонстрирующие отношение говорящего к обсуждаемой ситуации («я считаю», «мне кажется» и др.), как например в:

Tôi cho rằng cái quan niệm này cần phải tranh luận để làm sáng rõ. – «Я считаю, что эта точка зрения требует проведения дискуссии для разъяснения».

В анализируемом материале хеджирование занимает второе место по частоте применения.

Выражая почтение с помощью уважительных форм обращения (*kính thưa, thưa*) и модальных частиц (*à, dạ, vâng*), говорящий в определенной степени смягчает категоричность выражения несогласия. В анализируемом материале уважительные формы обращения применяются в начале выступления и чаще обращены к Национальному собранию, нежели к конкретному лицу. Возможной причиной этого является желание говорящего избежать прямой адресации несогласия тому официальному лицу, против мнения которого он собирается выступить.

В то время как частичное согласие, хеджирование и уважительные формы обращения применяются для опережения и смягчения несогласия, такие способы ослабления несогласия, как преуменьшение, перефразирование и некоторые другие функционируют уже внутри самого речевого акта несогласия.

Наиболее часто применяемым способом ослабления несогласия является косвенное выражение несогласия в виде предложения или призыва к совершению действий, направленных на разрешение разногласий. Такие предложения и призывы обычно адресованы всей аудитории, а не напрямую тому участнику коммуникации, с которым говорящий не согласен. Наиболее примечательным языковым средством реализации данного способа являются директивы с инклюзивным местоимением первого лица «мы» (*chúng ta*). В следующем примере, возражая против увеличения количества допустимых сверхурочных часов, говорящий С призывает:

Chúng ta hãy nhìn thực tế vào người công nhân, nhìn vào dáng vẻ của người công nhân, tâm thế của người công nhân khi đến làm việc. – «Давайте смотреть правде в глаза, обращать внимание на вид рабочих, на их настрой, когда они приходят на работу».

Во вьетнамском политическом дискурсе предпочтительным также является выражение противоположной позиции без прямого несогласия с использованием слова «нет» или перформативов, выражающих несогласие.

Выступая против положения о добровольном желании рабочих работать сверхурочно, говорящий С выдвигает противоположное положение:

Nói rằng tự nguyện, họ không tự nguyện. Mà họ cần làm thêm để có thu nhập. – «Что касается добровольности, это не добровольно. Рабочие на самом деле вынуждены работать сверхурочно, чтобы обеспечить себе доход».

С помощью способа перефразирования, внося незначительные изменения в первоначальные слова другого коммуниканта с целью выражения позиции, отличной от его суждения или оценки, говорящий также избегает прямого несогласия. Например, возражая против предложения о взыскании ответственности с авторов школьных учебников за допущенные в учебниках ошибки, депутат D заменяет слово *sai sót* (ошибки) на *thiếu sót* (недоработки):

Sách giáo khoa có một số **THiếu Sót** đó chỉ là ở dạng một số ngữ liệu phục vụ cho học âm, học vần, bài đọc của các cháu là chưa thật phù hợp, không phải **SAI Sót** tới mức nghiêm trọng và cũng không phải sai sót đến mức như đại biểu nói là phải chuyển cơ quan điều tra hoặc hình sự hóa việc sai sót này. – «В учебниках есть **НЕДОРАБОТКИ** в плане языкового, фонетического материала и текстов для школьников, но это не **ОШИБКИ**. Это не настолько серьезные ошибки, которые нужно, как говорил депутат E, расследовать для привлечения к уголовной ответственности».

Демонстрируя различие между собственным и чужим суждением, говорящий может прибегать к разъяснению для доказательства несовпадения своей исходной позиции с трактовкой, которую навязывает ему другой участник коммуникации. Говорящий F, возражая против положения другого коммуниканта о том, что его речь может ввести общественность в заблуждение и показаться гражданам обвинением судебных органов в неправомерных действиях, разъясняет:

Sáng nay tôi nói về các vụ án gây xôn xao dư luận. Sự hoài nghi của nhân dân là sự thật. Tôi không đánh giá việc xử lý là đúng, hay sai. Đây phải chăng là thông điệp, là thông tin để ngành toà án và cả cơ quan tư pháp coi lại, kiểm soát lại, rà soát lại nếu không đúng thì hạnh phúc. Nếu chưa tốt thì sửa lại

cho tốt. – «Сегодня утром я говорил о делах, которые вызвали резонанс в общественности. Сомнения общественности в их правомерности реальны. Я не оцениваю, правильные ли решения были вынесены, я просто хочу донести идею о том, что судебным органам и органам юстиции нужно рефлексировать, перепроверять, проверять, имеет ли беспокойство общественности реальные основания».

Несогласие также может смягчаться с помощью способа преуменьшения (смягчения пропозиции). В следующем примере говорящий G смягчает пропозицию использованием слова *chưa hợp lý* (не совсем соответствует реалиям; букв. 'еще не логично') вместо *vô lý* (нерационально; букв. 'отсутствие логики'):

Tôi cho rằng cách nhìn, cách tiếp cận của đại biểu H nó chưa hợp lý... – «Я считаю, что точка зрения, подход депутата H к проблеме не совсем соответствуют реалиям».

Наименее распространенным из выявленных способов ослабления несогласия является выражение благодарности другому коммуниканту за его вклад, мнение или уделенное внимание. В действительности слова благодарности нередко звучат в выступлениях с выражением несогласия, однако, в большинстве случаев они являются формальным маркером завершения речи и адресованы Нацсобранию, а не лицу, с суждением которого говорящий не согласен:

Tôi xin hết. Cảm ơn Quốc hội. – «У меня всё. Благодарю Нацсобрание».

Стоит отметить, что в сочетании с другими способами выражения несогласия, а также с определенными просодическими и паралингвистическими средствами способы, классифицированные нами как выполняющие функцию ослабления несогласия, могут, наоборот, его подчеркивать. В приведенном ниже отрывке, например, говорящий, используя почтительную форму обращения *xin thưa* (уважаемые), адресует свой риторический вопрос напрямую двум другим коммуникантам, выступившим против него, и сразу же отвечает на свой риторический вопрос положением, противоположным их позиции. *Xin thưa*, предшествуя риторическому вопросу, выполняет лишь функцию привлечения внимания собеседников, с мнением которых не согласен говорящий, а не ослабляет несогласие. Можно сказать, что в данном случае, несогласие подчеркивают как риторический вопрос, так и почтительная форма обращения.

I: Chúng ta trong báo cáo và trong nghị quyết không nói về chỉ tiêu **OAN SAI**. #lên giọng# Nhưng mà XIN THỬA hai đại biểu là khi anh nói về chỉ tiêu xét xử đúng thì còn lại nó **LÀ CÁI GÌ? TẤT CẢ** cử tri cả nước đều hiểu là phần còn lại là phần **OAN SAI!** – «Мы в отчетах и в резолюциях не говорим о плановой цифре **НЕПРАВОМЕРНЫХ** судебных процессов. #повышает голос# Но, УВАЖАЕМЫЕ господа депутаты, когда мы говорим о плановой цифре правомерных судебных процессов, то остальное – **ЭТО ЧТО? ВСЕ** избиратели страны понимают, что остальная часть – это **НЕПРАВОМЕРНЫЕ** случаи!»

Способы усиления несогласия

При применении способов усиления несогласие становится явным, подчеркивается или даже интенсифицируется. Несогласие может быть подчеркнуто его обоснованием. Нередко для подкрепления своей позиции, противоположной позиции собеседника, говорящий приводит факты, к которым относятся научные знания, статистические данные, примеры прецедентов, цитаты и т. д. Не соглашаясь с включением предыдущим коммуникантом территории с каучуковыми деревьями в процент территории, покрытой естественным лесом, говорящий К приводит в качестве аргумента научные факты:

Cây cao su, cây cà phê, cây tiêu cũng được tính vào tỷ lệ che phủ rừng. Rừng là nơi các loài vật sinh sống. Rừng là nơi chứa CO₂ để thải ra O₂. Nhưng cây cao su là loại cây, mà tôi đã từng pháp biểu rồi, cây cao su là hút O₂ và thải CO₂. Không có một con gì sống ở trong các rừng đó được hết! – «Каучуковые, кофейные и перечные деревья тоже учитывались при расчете процента территории, покрытой лесом. Лес – это среда обитания животных. Лес берет углекислый газ и производит кислород. Но каучуковое дерево, как я однажды уже говорила, каучуковое дерево берет кислород и выпускает углекислый газ. Ни одно животное не может жить в таком лесу!

По сравнению с частотой использования фактов для объяснения несогласия, личные причины (обычно связанные с эмоциями или личным опытом) приводятся гораздо реже.

L: Là người có con em đi học, trước năng lượng tiêu cực của xã hội trong thời gian qua mà Bộ giáo dục mang đến, tôi vô cùng lo lắng. – «Я как человек, у которого дети ходят в школу, очень обеспокоена негативной энергией, которую за последнее время Министерство образования создает в общественности».

Другим эффективным способом усиления несогласия является риторический вопрос, функцией которого является не запрос информации, а выражение позиции, противоположной позиции другого коммуниканта. Не соглашаясь с положением другого коммуниканта о гуманности и целесообразности увеличения рабочих часов, говорящий С задает ему вопрос:

Đại biểu phát biểu, đại biểu có **NGHĨ** đến những cái quy định trong Hiến pháp về quyền con người phải được bảo vệ như thế nào không? – «Депутат при выступлении **ЗАДУМЫВАЛСЯ** о положениях Конституции о том, что нужно защищать права человека?»

Так как риторический вопрос не направлен на запрос информации, прямого ответа на него обычно нет. Однако в ряде случаев для повышения экспрессивности и продолжения аргументации сам говорящий, задавший риторический вопрос, предоставляет на него ответ.

Кроме того, несогласие с мнением другого коммуниканта зачастую интенсифицируется с помощью выражения неодобрения. Говорящий указывает на то, что другому коммуниканту не следовало бы или не следует совершать определенные действия, как например в:

Không nên chỉ qua một vài trang giấy hoặc bình luận của báo để nhận định quyết định của toà là không đúng. Hiện nay có nhiều thế lực thù địch lợi dụng cơ hội chống phá Đảng, Nhà nước đòi tam quyền phân lập nên cần hết sức cảnh giác. – «He стоит опираться на пару страниц, пару комментариев в газетах для вынесения необоснованных выводов. Это неправильно. Сейчас многие реакционные силы стремятся воспользоваться ситуацией, чтобы противостоять Партии, расшатать Государство. Нам нужно быть предельно осторожными».

Порицание является более критичным способом выражения несогласия, нежели неодобрение, поэтому к нему прибегают реже, чем к неодобрению. Порицание обычно выражается с помощью отрицательной оценочной лексики, а также путем указания на то, что позиция предыдущего коммуниканта чревата потерей лица других участников коммуникации или общего лица какой-либо группы.

N: Tôi thấy rằng phát biểu của đại biểu M là mang tính chủ quan, hồ đồ. Phải nói rằng là có sự xúc phạm đối với cán bộ ngành kiểm sát. – «Я считаю, что выступление депутата М является субъективным, импульсивным и необоснованным. Можно сказать,

что это было оскорбительно в отношении органов юстиции».

Более того, для усиления несогласия говорящий может применить средства интенсификации отрицательной оценочной лексики, например, *rất, vô cùng* (очень, чрезвычайно) и др.

O: Bộ trưởng nói là từ lúc chín triệu mà đến mười bốn triệu, đúng là con số đó là con số đáng phấn khởi. Nhưng mà **RẤT** là vô lý và có cái gì đó thực sự là sai sai. – «Министр говорил о росте с девяти миллионов до четырнадцати миллионов, эта цифра, конечно, воодушевляет. Но это **ОЧЕНЬ** нелогично и что-то здесь не очень правильно».

Наименее распространенным способом усиления несогласия является ирония – использование иронических выражений, в которых истинный смысл явно противоречит буквальному. В следующем примере, выражая недовольство объяснениями другого коммуниканта, говорящий P с иронией подчеркивает его правоту и обвиняет небо, которое «неправильно себя ведет»:

Phát biểu như Bộ trưởng T từ hôm qua đến giờ, tôi thấy rằng mọi thứ chúng ta đều đúng cả, chỉ có trời là sai vì mưa nhiều quá. – «Если говорить, как с вчерашнего дня говорил министр T, то мы все правильно делаем, только небо ведет себя неправильно, потому что льет слишком много дождей».

Выводы

Наиболее часто вьетнамские политики пользуются такими способами выражения несогласия с суждением или оценкой другого коммуниканта, как выдвижение предложения, хеджирование и выражение противоположной позиции. Наименее популярными и эпизодически используемыми являются интенсификация негативной оценки, выражение благодарности и ирония. Кроме того, в собранном материале мы не обнаружили применения вьетнамскими политиками таких способов выражения несогласия, как символическое согласие, требование разъяснения, короткие вульгарные высказывания, сожаление, извинение, намек и шутка. Отказ от применения указанных способов объясняется соблюдением принципов вежливости и сохранения лица.

Выявленные способы выражения несогласия с суждением или оценкой можно классифицировать по трем группам: прямое выражение несогласия, способы ослабления несогласия, и способы усиления несогласия. При этом способы, отнесенные к одной и той же группе, могут значительно отличаться по частоте их применения.

Следует учитывать, что функция любого способа выражения несогласия раскрывается только в сочетании с другими примененными стратегиями, тактиками и невербальными элементами, которые также должны приниматься во внимание в лингво-прагматическом анализе политического дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 7–21.
2. Wierzbicka A. English speech act verbs: a semantic dictionary. New York: Academic, 1987.
3. Боргеп Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: На материале современных драматических произведений: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.
4. Kakava C. Opposition in modern Green discourse: Cultural and contextual constraints // Journal of Pragmatics. 2002. Vol. 34, № 10. P. 1537–1568.
5. Hoang T. H., De Nooy J. Direct disagreement in Vietnamese students' EFL group work discussion // Australian Review of Applied Linguistics. 2019. Vol. 42, № 1. P. 59–83.
6. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press, 1987.
7. Leech G. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983.
8. Pomerantz A. Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred/ dispreferred turn shaped // Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis / M. Atkinson, J. Heritage (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
9. Kieu T. T. H. Disagreeing in English and Vietnamese: A pragmatic and conversation analysis perspective: PhD in Philology. Hanoi, 2006.
10. Pillet-Shore D. Preference organization // The Oxford Research Encyclopedia of Communication / H. Giles, J. Harwood (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2017.
11. Nguyen T. K. The “sacred face”: What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life // Journal of Social Sciences and Humanities. 2015. Vol. 1. № 3. P. 246–259.

REFERENCES

1. Kobozeva, I. M. (1986). Teoriya rechevykh aktov kak odin iz variantov teorii rechevoy deyatel'nosti. Novoe v zarubezhnoy lingvistike = Theory of speech acts as one of the variants of the theory of speech activity. New in foreign linguistics, 17, 7–21. Moscow. (In Russ.).
2. Wierzbicka, A. (1987). English speech act verbs: a semantic dictionary. New York: Academic.
3. Borger, Ja. V. (2004). Kompleksniy analiz rechevykh aktov negativnoy reaktsii: Na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedeniy = A comprehensive analysis of speech acts of negative reaction: Based on contemporary drama pieces: PhD in Philology. Tyumen. (In Russ.)
4. Kakava, C. (2002). Opposition in modern Green discourse: Cultural and contextual constraints. Journal of Pragmatics, 34 (10), 1537–1568.
5. Hoang T. H., De Nooy J. (2019). Direct disagreement in Vietnamese students' EFL group work discussion. Australian Review of Applied Linguistics, 42(1), 59–83.
6. Brown, P., Levinson, S. (1987). Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge University Press.
7. Leech, G. (1983). Principles of Pragmatics. London: Longman.
8. Pomerantz, A. (1984). Agreeing and disagreeing with assessments: Some features of preferred / dispreferred turn shaped. In M. Atkinson, J. Heritage (eds.), Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Kieu, T. T. H. (2006). Disagreeing in English and Vietnamese: A pragmatic and conversation analysis perspective: PhD in Philology. Hanoi.
10. Pillet-Shore, D. (2017). Preference organization. In H. Giles, J. Harwood (eds.), The Oxford Research Encyclopedia of Communication. Oxford: Oxford University Press.
11. Nguyen, T. K. (2015). The "sacred face": What directs Vietnamese people in interacting with others in everyday life. Journal of Social Sciences and Humanities, 1 (3), 246–259.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тхи Минь Нгуэт Нгуен

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Thi Minh Nguyet Nguyen

Post-graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Конфронтационность как типичная характеристика предвыборных теледебатов

Е. Ю. Цветаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

yegortsvetaev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языка участников предвыборных теледебатов. Проведенный корпусный анализ фрагментов теледебатов между кандидатами на пост президента США (Д. Трампа и Х. Клинтон) 2016 г. и Франции (Э. Макрона и М. Ле Пен) 2017 г. позволяет продемонстрировать, что конфронтационность является генерализирующим признаком предвыборных теледебатов. Также демонстрируется, что в американской и французской моделях предвыборных теледебатов эта жанровая характеристика реализуется различными способами.

Ключевые слова: дискурс, жанр, контент-анализ, модель предвыборных теледебатов, параметризация

Для цитирования: Цветаев Е. Ю. Конфронтационность как жанровая характеристика предвыборных теледебатов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6(861). С. 107–115. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_107

Original article

Conflict in Televised Election Debates

Egor Yu. Tsvetaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

yegortsvetaev@gmail.com

Abstract. The paper considers televised election debates participants' language traits based on the snippets of debates between Donald Trump and Hillary Clinton in the run-up to the 2016 US presidential election, as well as those held during the French presidential campaign of 2017 between Emmanuel Macron and Marine Le Pen. The parametric analysis of the snippets shows that conflict is a general trait of the televised election debates and observes the difference in manifestation of the said trait in French and US election debate models.

Keywords: genre, televised debates, idealised cognitive model, content analysis, parametrisation

For citation: Tsvetaev, E. Yu. (2022). Conflict in televised election debates. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 107–115. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_107

ВВЕДЕНИЕ

Язык предвыборных теледебатов не раз становился объектом лингвистического исследования, несмотря на то что данная форма предвыборной борьбы возникла сравнительно недавно. Впервые предвыборные теледебаты состоялись в 1960 г. между кандидатами на пост президента США. В 1974 г. данный феномен возродился во Франции, тогда же став своего рода традицией, имевшей место во время каждой предвыборной гонки. В США такие теледебаты прошли вновь в 1976 г., и с тех пор они являются неотъемлемой частью всех предвыборных кампаний, предшествующих выборам президента страны [Kerbrat-Orecchioni, 2017].

С момента своего становления как важного политического события и самостоятельного типа политической коммуникации предвыборные теледебаты привлекают к себе неослабевающий интерес со стороны лингвистов, что обусловлено важностью таких встреч для политической жизни в демократических государствах. Показательно большое количество научных публикаций, посвященных этому вопросу [Cabrejas-Peñuelas, Díez-Prados, 2020; Dupuy, Marchand, 2016; McKinney, Warner, 2013]. Ряд лингвистов рассматривает предвыборные теледебаты как жанр политической коммуникации [Kerbrat-Orecchioni, 2012; Sullet-Nylander, Roitman, 2016; Ziada, 2019]; и в результате становится возможным выделение его генерирующих признаков.

Анализ научной литературы показал, что особое внимание лингвистов привлекают теледебаты во Франции и США. Интерес лингвистов к этим странам едва ли случаен: именно во Франции и США предвыборные теледебаты как особый тип политической коммуникации сложились раньше всего. В совокупности они выступают как образец предвыборных теледебатов в других странах. Американский и французский прообразы теледебатов, ведущихся в других странах, позволяет предположить существование двух моделей предвыборных теледебатов – американской и французской. Однако данное предположение нуждается в проверке посредством анализа языкового материала. Основная цель данной статьи – выявление различий в степени интенсивности французских и американских предвыборных теледебатов, значит, и выявление различий в характере речевого поведения американских и французских политиков.

Обзор литературы, посвященной языку предвыборных теледебатов, показывает особый интерес лингвистов к конфронтационности. Согласно сложившемуся в научной литературе определению она может рассматриваться как одна из ключевых

характеристик теледебатов [Gauthier, 1995; Vion, 1992]. Исследователи выделяют такие параметры конфронтационности, как обращение одного кандидата к другому, перебивание собеседника, выпады в его адрес, а также представление кандидатом своих достижений и неудач оппонента как аргументов в свою пользу; в данный перечислительный ряд вписывается еще один прием предвыборной полемики: участник предвыборных теледебатов в состоянии оспаривать правдивость высказываний оппонента и подвергать сомнению адекватность интерпретации, которую, в свою очередь, дает его высказываниям оппонент [Baldi, Moeschler, 1978; Dupuy, Marchand, 2009; Gauthier, 1995; Kerbrat-Orecchioni, 2012; Sullet-Nylander, Roitman, 2016].

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать наличие и интенсивность названных параметров конфронтационности в отобранном корпусе текстов. Также для нас представляет интерес то, насколько сильно будет различаться активность этих параметров в предвыборных теледебатах американской и французской лингвокультур. В этой связи важным является вопрос о возможности доказать, что американские и французские теледебаты представляют собой две различные модели предвыборных теледебатов. Необходимо также выявить универсальность названных параметров конфронтационности и проверить, существует ли взаимосвязь между ними. В качестве языкового материала, на котором демонстрируется дивергентность американской и французской моделей дискурса предвыборных теледебатов, послужили видеозаписи и расшифровки телевизионных встреч кандидатов в президенты Франции 2017 г. и США 2016 г.

Достижению цели работы способствовало последовательное решение ряда практических задач, а именно отбор репрезентативного языкового материала, уточнение параметров конфронтационности и их языковых маркеров, анализ отобранного языкового материала на предмет наличия и интенсивности параметров конфронтационности с помощью параметрического анализа, интерпретация результатов анализа с учетом методологических наработок в области лингвистического изучения предвыборных теледебатов.

ПАРАМЕТРЫ КОНФРОНТАЦИОННОСТИ В ДИСКУРСЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТОВ

В лингвистической литературе, посвященной предвыборным теледебатам и неотделимым от них конфликтным эпизодам, конфронтационность

рассматривается как характерная черта теледебатов, и сами теледебаты описываются как глубоко конфронтационные по своей природе [Dupuy, Marchand, 2009; Kerbrat-Orecchioni, 2012; Kerbrat-Orecchioni, 2017]. Комментируя предлагаемую им типологию устной речи, Р. Вион утверждает, что все дискуссии могут быть нацелены либо на поиск консенсуса (консенсусные), либо на подчеркивание различий (конфронтационные), к которым относятся и теледебаты как «конфронтационный подтип политического дискурса» [Vion, 1992, с. 92]. В научной литературе, посвященной предвыборным теледебатам, предпринимаются попытки определить репертуар языковых средств, представляющих собой признаки конфронтационности. В частности, вслед за П. Маршаном и О. Дюпуа мы выделяем в качестве характерных проявлений конфронтации в языке предвыборных теледебатов перебивание одного участника встречи другим, личные выпады против оппонента, критическое упоминание личных качеств оппонента, прямое или косвенное цитирование своих слов и выражение несогласия с интерпретацией, которую дает им оппонент, а также вербально выраженное демонстративное сомнение в интерпретации оппонентом тех или иных явлений жизни страны и в достоверности приводимых оппонентом фактов политической и социальной жизни страны [Dupuy, Marchand, 2009, с. 112; Dupuy, Marchand, 2016]. Мы также полагаем, что конфронтационность маркируется определенными средствами вербализации, о чем пишет, например, П. Бальди, отмечая, что выражение несогласия, характерного для предвыборных теледебатов явления, может маркироваться, среди прочего, обращением к оппоненту [Baldi, Moeschler, 1978]. Вслед за К. Кербра-Орекьони, Г. Готье и Р. Сулле-Ниландер мы понимаем обращения как «языковую форму, недвусмысленно указывающую на лицо, к которому обращена речь»; в структуру обращений включаются и личные местоимения, которые выступают в роли элементов позиционирования говорящего, и слова типа *monsieur, madame, mister* сами по себе или в сочетании с именем собственным, разделяя обращения на 1) прямые и 2) косвенные [Kerbrat-Orecchioni, 2010, с. 9; Gauthier, 1995, с. 357; Sullet-Nylander, Roitman, 2016, с. 5]. Приведем примеры того, как конфронтационность реализуется в обращениях участников предвыборных теледебатов друг к другу:

- 1) *Donald Trump*: Why the hell didn't **you** do it over the last 15, 20 years?
- 2) *Hillary Clinton*: At the last debate, we heard **Donald** talking about what he did to women.

Другими маркерами конфронтационности, описанными в научной литературе, считаются развернутые упоминания кандидатами своих достижений. Эти достижения перечисляются кандидатами, чтобы убедить электорат в том, что они обладают такими необходимыми для управления страной качествами, как компетентность, сочувствие обездоленным, решительность, уважение к различным слоям населения. Попутно кандидаты указывают на провалы и неудачи своих оппонентов, иллюстрирующие отсутствие у них качеств, необходимых для управления страной [Dupuy, Marchand, 2016; Gauthier, 1995]. Наш материал позволяет продемонстрировать наличие вышеуказанных маркеров в речи политиков во время предвыборных теледебатов.

В качестве материала исследования параметров конфронтационности мы остановились на предвыборных теледебатах 2016 г. во Франции между Марин Ле Пен и Эммануэлем Макроном и 2017 г. в США между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон. Этот материал отражает современный этап политической жизни, что позволяет исключить такие различия в речи кандидатов, которые могли бы быть обусловлены их принадлежностью к разным временным периодам. Мы особо подчеркиваем синхронический характер анализируемых теледебатов, поскольку в лингвистической литературе высказывается предположение о том, что язык французских предвыборных теледебатов претерпел значительные изменения за последние пятьдесят лет [Dupuy, Marchand, 2016].

АНАЛИЗ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Из отобранных в рамках проводимого исследования французских и американских теледебатов были взяты видеофрагменты длиной около 16 и 20 минут. Различие в хронометраже связано с тем, что темп французской речи выше, чем английской [Dellwo, Ferragne, Pellegrino, 2006]. Так, в расшифровках теледебатов, из которых были составлены проанализированные корпуса текстов, насчитывается около 41348 знаков с пробелами для французских и 39316 знаков с пробелами для американских теледебатов. Данные числовые показатели позволяют предполагать, что видеофрагменты сопоставимы по объему.

На основе отобранного языкового материала было составлено и размечено семь корпусов текстов. Из них два корпуса текстов представляют собой речь обоих кандидатов во время двух предвыборных телевстреч, каждый из которых соответствует французским и американским

Таблица 1

КОДЫ ПАРАМЕТРОВ КОНФРОНТАЦИИ

Параметр конфронтации	Код
Косвенное обращение кандидата к оппоненту	101
Прямое обращение кандидата к оппоненту	102
Перебивание оппонента кандидатом	201
Выпад кандидата в сторону оппонента	202
Отличная от предлагаемой оппонентом интерпретация факта	301
Несогласие с интерпретацией своих слов оппонентом	302
Отрицание правдивости факта, упоминаемого оппонентом	303
Представление кандидатом своих достижений и успехов	401
Представление кандидатом провалов и неудач оппонента	402

теледебатам по отдельности (в таблице 1 – корпуса «Франция» и «США», соответственно). Также было составлено и размечено четыре корпуса текстов, каждый из которых соответствует речи одного политика, принявшего участие в теледебатах (корпусы «Трамп», «Клинтон» «Макрон», «Ле Пен»); был составлен один общий корпус текстов, куда вошел весь отобранный языковой материал (корпус «Общий»). Рассмотренные в совокупности, данные корпуса текстов дают представление об активности отдельных параметров конфронтационности и об общем распределении дискурсивной активности параметров конфронтационности.

Для анализа отобранного языкового материала была использована ручная разметка параметров по корпусам текстов и статистическая обработка данных. В качестве единицы анализа выступил коммуникативный ход, т. е. функциональная единица порядка действий, способствующая решению локальной задачи под контролем коммуникативной стратегии [van Dijk, 1983]. Таких единиц анализа в корпусах текстов было выделено 435. Для разметки параметров использовались численные кодовые обозначения, которые приведены ниже, в таблице 1. (При разметке мы исключили из анализа ремарки журналистов как нерелевантные для настоящего исследования.)

Ниже приведен пример разметки текста:

- 1) *Donald Trump*: #21 I believe it was <402><101> her campaign that did it. ... #23 <402><101><202> She's the one, and Obama, that caused the violence.

- 2) *Marine Le Pen*: #11 <102> <402> Vous avez déjà commis ce <202> mensonge devant 10 millions de personnes lors du débat que nous avons eu, #12 et quand Monsieur Dupont-Aignan <102> vous a posé cette question.

Размеченные корпуса текстов были обработаны с применением программы HETEROSTAT¹. По итогам аннотирования параметров из таблицы 1 и статистической обработки языкового материала были получены данные об активности каждого параметра (см. табл. 2) и их попарной корреляции.

Анализ обработанных корпусов текстов показал одинаково высокую активность параметров конфронтационности в двух рассматриваемых моделях предвыборных теледебатов. Несмотря на чуть большую активность этих параметров в американском корпусе текстов, нежели во французском, статистически значимых различий между американской и французской выборками выявлено не было. Следовательно, нет оснований полагать, что американские теледебаты имманентно более конфронтационны, нежели французские: для верификации такого предположения необходимо увеличение выборки и привлечение большего количества языкового материала. Тем не менее полученные данные позволяют проследить, как конфронтационность проявляет себя в качестве генерализирующей (жанровой) характеристики в двух различных моделях предвыборных теледебатов.

¹ Государственный регистрационный номер 2020661240, дата регистрации 21.09.2020, разработчики М. И. Киосе, А. А. Ефремов.

АКТИВНОСТЬ ПАРАМЕТРОВ В РАЗЛИЧНЫХ КОРПУСАХ ТЕКСТОВ

	Трамп	Клинтон	США	Макрон	Ле Пен	Франция	Общий
Косвенное обращение	29	52	81	2	2	4	85
Прямое обращение	42	1	43	58	75	133	176
Перебивание	4	2	6	15	19	34	40
Выпад	7	2	9	9	2	11	20
Оспаривание интерпретации	2	2	4	7	4	11	15
Оспаривание сказанного	2	1	3	4	2	6	9
Оспаривание фактов	13	4	16	9	3	12	28
Представление себя	8	18	26	10	1	1	37
Представление оппонента	24	32	56	5	15	11	76
Всего	131	114	244	119	123	223	486

Так, в ходе статистического анализа языкового материала было выявлено статистически значимое различие между интенсивностью прямых обращений, которые преобладают во французских теледебатах, и косвенных, которые преобладают в американских. Это объясняется особенностями регламента. Как отмечали исследователи, если теледебаты в США представляют собой скорее смесь диалога и пресс-конференции, где журналисты являются активными участниками коммуникации, которые задают кандидатам вопросы, то французские теледебаты представляют собой прямую конфронтацию, в которой оппоненты общаются напрямую, а журналисты выступают скорее в качестве арбитров [Baldi, Moeschler 1978, с. 33; Sullet-Nylander, Roitman, 2016, с. 19; Boyd, 2013]. Всё вышеперечисленное нашло прямое отражение в речи кандидатов (см. схему 1):

- 1) *Emmanuel Macron*: Mais **Madame Le Pen**, vous ne parlez pas du même sujet. **Vous** parlez d'Alstom et de General Electric.
- 2) *Hillary Clinton*: At the last debate, we heard **Donald** talking about what **he** did to women...

Как показал анализ, американцы в 20 раз чаще французам используют косвенное обращение, в то время как французы в 3 раза чаще американцев используют прямое. При этом в последнем случае все прямые обращения, кроме одного, приходится на долю Д. Трампа. Анализ речи французских политиков в то же время показывает, что косвенные обращения в равной степени слабо представлены как в речи Э. Макрона, так и М. Ле Пен (см. схему 2). Сказанное позволяет предположить, что прямое обращение, являясь менее типичным для американской модели предвыборных

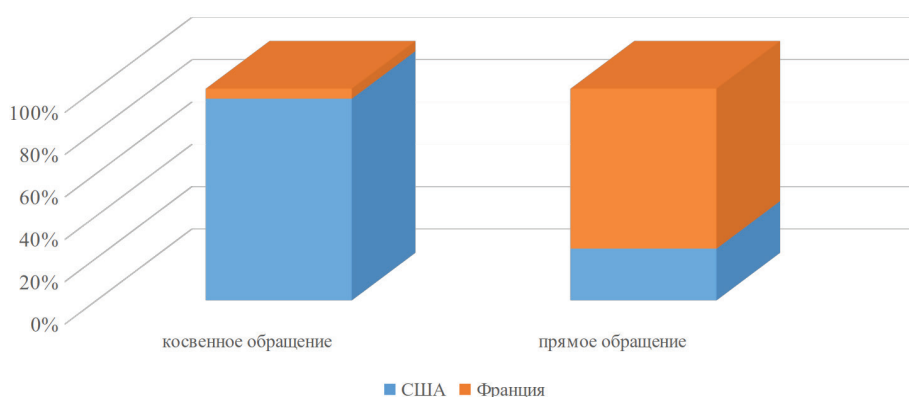

Схема 1

СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ ОБРАЩЕНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТАХ

теледебатов, выступает вместе с тем как характерная черта речи Д. Трампа:

Donald Trump: The problem is *you* talk, but *you* don't get anything done, *Hillary*. *You* don't.

Однако подтвердить, что прямое обращение является индивидуальной особенностью речи Д. Трампа, можно только за счет расширения выборки и анализа большего количества речей кандидатов в президенты США во время предвыборных теледебатов.

Также статистическая обработка на предмет попарных корреляций отдельных параметров (см. схему 3) у различных политиков показала, что между собой коррелируют личностный выпад и косвенное обращение в речи Д. Трампа, а также косвенное обращение и представление оппонента в негативном ключе в речах кандидатов на пост президента США вообще и Х. Клинтон в частности:

- 1) *Donald Trump: **She's lied** hundreds of times to the people, to Congress, and to the FBI.*
- 2) *Hillary Clinton: **He lost** the Iowa caucus. **He lost** the Wisconsin primary.*

Взаимосвязь вышеозначенных параметров позволяет предположить, что косвенное обращение не только является характерной чертой американской модели предвыборных теледебатов, но и часто используется американскими политиками для усиления выпадов против оппонента. Еще одна корреляция в американской модели

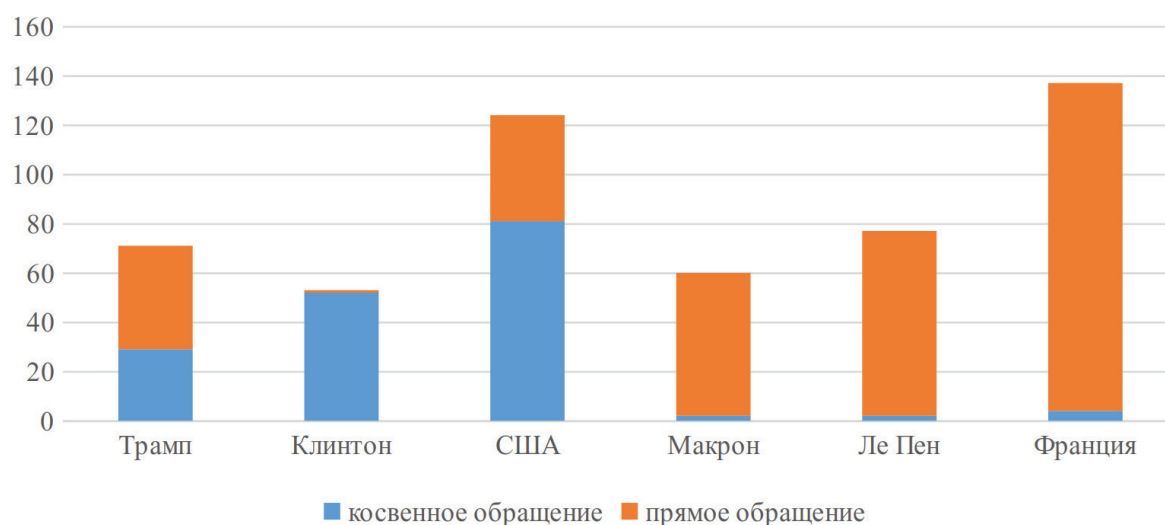
предвыборных теледебатов была обнаружена между выражением несогласия говорящего с интерпретацией, которую навязывает его словам оппонент, и с перебиванием оппонента:

Hillary Clinton: But he also went after a disabled reporter, mocked and mimicked –

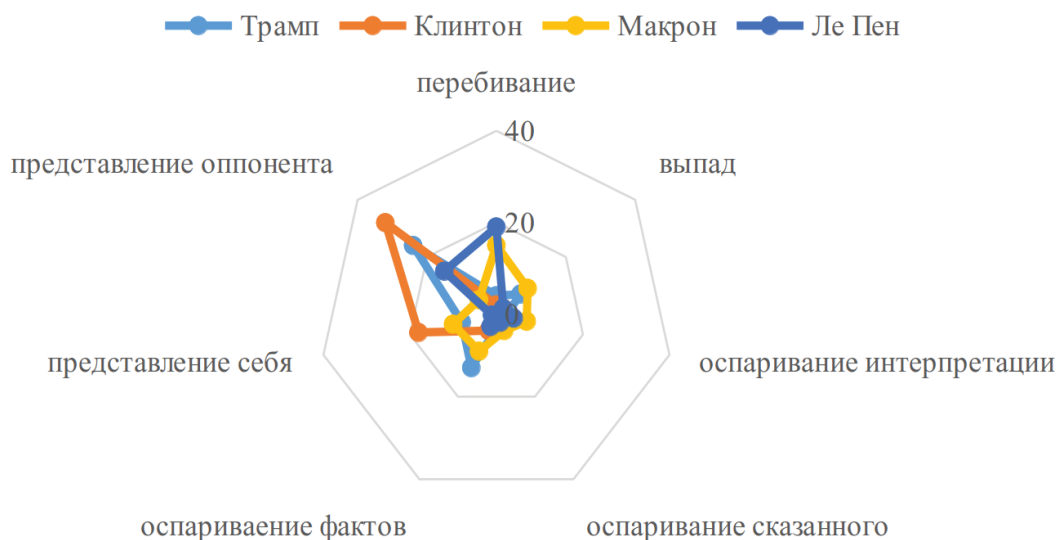
*Donald Trump: **Wrong.***

Исходя из данного наблюдения, остается отметить, что в американской модели предвыборных теледебатов неверная с точки зрения кандидата интерпретация его слов оппонентом может повлечь за собой увеличение конфронтационности. Схожее явление демонстрирует и французский корпус текстов, в котором наблюдается корреляция между интенсивностью параметров конфронтационности в речи М. Ле Пен и Э. Макрона. Эти теледебаты считаются исследователями наиболее конфронтационными за всю историю существования таких телевизионных встреч во Франции [Fracchiolla, 2019, с. 48–49; Elnady, 2021, с. 501]. Это наблюдение, а также результаты контент-анализа телевыступлений двух политиков позволяют заключить, что конфронтационность диалога была обусловлена взаимными провокациями, например, через личностные выпады и перебивания, которые создали эффект «снежного кома». Так, в приводимом ниже отрывке (и далее в видеофрагменте) каждая новая реплика вводилась через перебивание, что могло быть спровоцировано обвинением М. Ле Пен со стороны Э. Макрона во лжи в первом предложении из приводимого отрывка:

Схема 2

ТИПЫ ОБРАЩЕНИЙ В ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕДЕБАТАХ

ИНТЕНСИВНОСТЬ ПАРАМЕТРОВ КОНФРОНТАЦИОННОСТИ (БЕЗ ОБРАЩЕНИЙ)

E. Macron: Madame Le Pen, ce qui est extraordinaire c'est que votre stratégie c'est ... de dire beaucoup de mensonges ... mais vous ne proposez rien.

M. Le Pen: Des grandes boîtes !

E. Macron: Non, le CICE c'est pour toutes les entreprises.

M. Le Pen : Vous savez très bien que les TPE, PME n'en ont pas profité...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе анализа актуального языкового материала с применением статистических методов была продемонстрирована такая типичная характеристика предвыборных теледебатов, как конфронтационность, а также были установлены различия в способах проявления указанной характеристики теледебатов в дискурсе предвыборной борьбы Франции и США.

Так, анализ интенсивности параметров косвенного и прямого обращения показал, что французские политики намного чаще прибегают к прямому обращению, чем американские, а политические деятели из США во время теледебатов отдают предпочтение косвенным обращениям. Выявленная тенденция обуславливается различиями в регламенте и традициях проведения теледебатов в двух странах. Вместе с тем особый интерес

представляет повышенная интенсивность параметра «прямое обращение» в речи Д. Трампа.

Проведенный анализ попарных сопряженностей позволяет заключить, что появление одних параметров конфронтационности, например, косвенного обращения и перебивания, в речи политиков может влечь за собой появление других: представление оппонента в негативном ключе, персональный выпад; несогласие с интерпретацией своих слов оппонентом. Сопряженность различных параметров конфронтационности наряду с продемонстрированными на языковом материале особенностями проявления конфронтационности во время французских теледебатов 2017 г. показывает, что рост конфронтационности в речи того или иного политика вызывает ответную реакцию у оппонента. В результате наблюдается высокий уровень взаимной враждебности в речевом взаимодействии между кандидатами в рамках теледебатов.

Благодаря сочетанию количественных и качественных методов анализа языкового материала с опорой на ранее проведенные исследования языка предвыборных теледебатов в данной статье было продемонстрировано, как реализуется конфронтационность в качестве генерализирующей характеристики двух моделей предвыборных теледебатов на современном этапе их развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Kerbrat-Orecchioni C. Les débats de l'entre-deux-tours des élections présidentielles françaises: constantes et évolutions d'un genre. Paris: L'Harmattan, 2017.

2. Cabrejas-Peñuelas A., Díez-Prados M. Construction and negotiation of voter-friendly identities in pre-electoral debates // *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*. 2020. № 82. P. 93–106.
3. Dupuy P. O., Marchand P. Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française (1974–2012) au prisme des stratégies discursives: du monopole du cœur à la doxa économique-comptable // *Mots. Les langages du politique*. 2016. № 112. P. 69–80.
4. McKinney M. S., Warner B. R. Do Presidential Debates Matter? Examining a Decade of Campaign Debate Effects // *Argumentation and Advocacy*. 2013. Vol. 49, №4. P. 238–258.
5. Kerbrat-Orecchioni C. Analyser du discours: le cas des débats politiques télévisés // *SHS Web of Conferences*. 2012. Vol. 1. P. 25–42.
6. Sullet-Nylander F., Roitman M. "Mais vous avez tout à fait raison M. le Premier ministre" Termes d'adresse et débats politiques télévisés de l'entre-deux-tours (1974–2012) // *Pragmática Sociocultural/Sociocultural Pragmatics*. 2016. №4. P. 1–24.
7. Ziada S. Les débats médiatiques télévisé. Une hétérogénéité de classement // *Revue des Sciences Humaines*. 2019. № 52, vol. A. P. 87–99.
8. Gauthier G. L'analyse du contenu des débats politiques télévisés // *Hermès*. 1995. Vol. 3, №17-18. P. 355–370.
9. Vion R. La communication verbale: analyse des interactions, collection Hachette. Paris: Université, Communication, Hachette, 1992.
10. Baldi P., Moeschler J. Approche pragmatique du débat télévisé Giscard-Mitterand (1974). Structure de l'interaction et acte de réfutation // *Langage & société*. 1978. Vol. 5, №1. P. 30–33.
11. Dupuy P. O., Marchand P. Débat de l'entre-deux-tours 2007. La conquête de l'espace lexical // *Mots. Les langages du politique*. 2009. № 89. P. 105–117.
12. Kerbrat-Orecchioni C. S'adresser à autrui: les formes nominales d'adresse en français. Chambéry: Université de Savoie, 2010.
13. Dellwo V., Ferragne E., Pellegrino F. The perception of intended speech rate in English, French, and German by French speakers // *3rd International Conference of Speech Prosody, Dresden, Deutschland*. 2006. P. 101–104.
14. Dijk T. A. van. Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // *Text*. 1983. Vol. 3–4. P. 375–404.
15. Boyd M. S. Reframing the American dream: Conceptual metaphor and personal pronouns in the 2008 US presidential debates // *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice. Journal of Language and Politics*. 2013. № 50. P. 297–320.
16. Fracchiolla B. Excuse, politesse et euphémisme dans le débat d'entre tours aux présidentielles 2017: un exemple de violence verbale détournée autour de la radicalisation des jeunes en France. // *Comprendre, expliquer, est-ce excuser? plaider pour les sciences humaines et sociales*. Paris: Croquant, 2019. P. 47–62.
17. Elnady A. La «petite phrase» dans le débat de l'entre-deux tours des élections présidentielles de 3 mai 2017 entre Emmanuel Macron et Marine Le Pen: étude de linguistique discursive // *Dirasat: Human and Social Sciences*. 2021. Vol. 48, №3. P. 499–512.

REFERENCES

1. Kerbrat-Orecchioni, C. (2017). Les débats de l'entre-deux-tours des élections présidentielles françaises: constantes et évolutions d'un genre. Paris: L'Harmattan.
2. Prados, M. D., Peñuelas, A. B. C. (2020). Construction and negotiation of voter-friendly identities in electoral debates. *Círculo de lingüística aplicada a la comunicación*, 82, 93–106.
3. Dupuy, P. O., Marchand, P. (2016). Les débats de l'entre-deux-tours de l'élection présidentielle française (1974–2012) au prisme des stratégies discursives: du monopole du cœur à la doxa économique-comptable. *Mots. Les langages du politique*, 112, 69–80.
4. McKinney, M. S., Warner, B. R. (2013). Do presidential debates matter? Examining a decade of campaign debate effects. *Argumentation and Advocacy*, 49(4), 238–258.
5. Kerbrat-Orecchioni, C. (2012). Analyser du discours: le cas des débats politiques télévisés. In *SHS Web of Conferences* (vol. 1, pp. 25–42). EDP Sciences.
6. Sullet-Nylander, F., Roitman, M. (2016). "Mais vous avez tout à fait raison M. le Premier ministre" Termes d'adresse et débats politiques télévisés de l'entre-deux-tours (1974–2012). *Pragmática Sociocultural / Sociocultural Pragmatics*, 4(1), 1–24.

7. Ziada, S. (2019). Les débats médiatiques télévisé Une hétérogénéité de classement. *Revue des Sciences Humaines*, 52(A), 87–99.
8. Gauthier, G. (1995). L'analyse du contenu des débats politiques télévisés. *Hermès*, 17–18, 355–370.
9. Vion, R. (1992). *La communication verbale: analyse des interactions*, collection Hachette. Université, Communication, Hachette, Paris.
10. Baldi, P., Moeschler, J. (1978). Approche pragmatique du débat télévisé Giscard-Mitterand (1974). Structure de l'interaction et acte de réfutation. *Langage & société*, 5(1), 30–33.
11. Dupuy, P. O., Marchand, P. (2009). Débat de l'entre-deux-tours 2007. La conquête de l'espace lexical. *Mots. Les langages du politique*, 89, 105–117.
12. Kerbrat-Orecchioni, C. (2010). *S'adresser à autrui: les formes nominales d'adresse en français*. Chambéry: Université de Savoie.
13. Dellwo, V., Ferragne, E., Pellegrino, F. (2006, May). The perception of intended speech rate in English, French, and German by French speakers. In *Proc. 3rd International Conference of Speech Prosody*, Dresden, Deutschland (pp. 101–104).
14. Dijk, T.A. (1983). Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text-Interdisciplinary Journal for the study of discourse*, 3(4), 375–404.
15. Cap, P., Okulska, U. (eds.). (2013). *Analyzing genres in political communication: Theory and practice* (vol. 50). John Benjamins Publishing.
16. Fracchiolla, B. (2019). Excuse, politesse et euphémisme dans le débat d'entre tours aux présidentielles 2017: un exemple de violence verbale détournée autour de la radicalisation des jeunes en France.
17. Elnady, A. (2021). La «petite phrase» dans le débat de l'entre-deux tours des élections présidentielles de 3 mai 2017 entre Emmanuel Macron et Marine Le Pen: étude de linguistique discursive. *Dirasat: Human and Social Sciences*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветаев Егор Юрьевич

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsvetaev Egor Yurievich

Post-graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
УДК 81.139
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_116

Проблемы популяризации русского языка в социальных медиа

А. М. Шестерина

*Воронежский государственный университет Воронеж, Россия,
shesterina8@gmail.com*

Аннотация. Исследование направлено на анализ состояния русскоязычного сектора видеоблогинга в аспекте изучения новейших методов популяризации русского языка. Конкретизируются доминирующие жанры и форматы видеоблогов исследуемого сектора медиа. Отмечается, что в целях трансляции знаний блогеры часто обращаются к наиболее популярным метапрограммам, апеллируют к различным средствам привлечения и удержания внимания, важнейшими среди которых можно назвать средства эмоционального воздействия, а также визуальные и аудиальные субмодальности.

Ключевые слова: видеоконтент, видеоблогинг, образовательный контент, метапрограммы, средства воздействия, субмодальности

Для цитирования: Шестерина А. М. Проблемы популяризации русского языка в социальных медиа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (861). С. 116–121. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_116

Original article

Problems of Popularization of the Russian Language in Social Media

Alla M. Shesterina

*Voronezh State University, Voronezh, Russia
shesterina8@gmail.com*

Abstract. The study is aimed at analyzing the state of the Russian-speaking sector of video blogging in the aspect of studying the latest methods of popularizing the Russian language. The dominant genres and formats of video blogs of the studied media sector are specified. It is noted that in order to transmit knowledge, bloggers often turn to the most popular metaprograms, appeal to various means of attracting and retaining attention, the most important of which are means of emotional impact, as well as visual and auditory submodalities.

Keywords: videocontent, videoblogging, educational content, metaprograms, means of influence, submodalities

For citation: Shesterina, A. M. (2022). Problems of popularization of the Russian language in social media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 116–121. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_116

ВВЕДЕНИЕ

По результатам социологических исследований, среднестатистический россиянин проводит сегодня перед экраном (в том числе – перед экраном компьютера) около восьми часов в сутки, что составляет более 49 % от всего времени бодрствования [Аудитория медиа, 2021]. Очевидно в связи с тем, что именно электронные медиа заметнее всего влияют на формирование представлений человека о мире, именно они являются одним из каналов формирования знаний в различных сферах нашей жизни. Сетевая среда сегодня становится не только одним из эффективных каналов трансляции знаний, но и одним из богатейших хранилищ культурных кодов, передаваемых от поколения к поколению. Несмотря на обилие разного рода информационных барьеров между адресатом и адресантом, на наличие семантического шума и перегруженность сведениями, иногда неточными, а иногда и ложными, она аккумулирует те смыслы и то отношение к ним, которые необходимы для сохранения нашей целостности, для культурной эволюции и дальнейшего духовного роста. Данное утверждение актуально и для языковой сферы. Демонстрируемые сетью языковые практики фиксируют текущее состояние языка, а также обладают ярко выраженным обучающим (и не всегда конструктивным) воздействием. Кроме того, контент, направленный на распространение знаний в языковой сфере, оказывает непосредственное влияние на аудиторию. Понимание вышесказанного делает актуальной проблему изучения наиболее эффективных каналов и методов распространения знаний о русском языке с помощью сетевых технологий.

Проблема влияния медиареальности на аудиторию в различных аспектах всегда стояла перед исследователями. О необходимости ее изучения говорили такие ученые, как Е. Л. Вартанова, Д. Б. Дондурей, С. Н. Ильченко, В. Т. Третьяков и многие другие [Вартанова, 2020; Дондурей, 2007; Ильченко, 2019; Третьяков, 2010]. Ряд исследователей обращался и к возможностям сетевой среды как канала популяризации ценностей культуры, в том числе языковой [Бессарабова, 2019; Поздеева, 2019]. Тем не менее до недавнего времени этот вопрос не ставился применительно к функционированию сетевого видеоконтента. Сравнительно малая изученность видеоконтента объясняется, вероятно, тем, что сетевые технологии развиваются хотя и быстро, но не моментально. И лишь недавно (около 20 лет назад) появилась возможность беспрепятственно размещать и распространять в Интернете сложный в производстве и тяжелый

по весу видеоконтент. Однако по мере развития информационных технологий аудиовизуальный сектор Интернета начал быстро развиваться и сегодня, по убеждению многих исследователей, аудитория отдает предпочтение именно видеоконтенту как основному каналу получения сведений о мире [Аудитория медиа, 2021; Ильченко, Окнер, 2005; Мультимедийная журналистика, 2017]. Вот почему вопрос о потенциале видеоблогинга в аспекте трансляции норм русского языка и языковой культуры звучит особенно остро.

В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать существующие практики и методы видеоблогинга, направленные на распространение знаний в области языковой культуры в целом и русского языка в частности. Материалом нашего исследования станут русскоязычные каналы, размещенные на платформе YouTube и выдаваемые самой платформой первыми по запросу «русский язык». Хронологические рамки исследования – с 2020 года по настоящее время. В работе применяется сравнительно-типологический метод и метод анализа контента. Цель исследования – выявить доминирующие методы формирования языковой грамотности в современном видеоблогинге. Ключевые задачи работы заключаются в конкретизации форматов и жанров, которые чаще всего используют блогеры анализируемого нами сектора медиа, а также в определении средств привлечения внимания и формирования интереса, к которым обращаются авторы сетевого видеоконтента.

ФОРМАТЫ ВИДЕОБЛОГОВ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проанализированный нами медиаконтент позволяет говорить о том, что в языковом секторе видеоблогинга представлены каналы различных форматов. Так, по тематике мы можем выделить следующие типы каналов:

1. *Монотематические.* Подобные каналы можно также назвать узкоспециализированными. Их авторы сосредоточены на анализе или интерпретации одной конкретной темы. Так, канал «О русском по-русски» содержит видео о русской грамматике, лексике, фонетике. Его ведущая учит аудиторию правильно говорить и писать. Кроме того, в описании к видео имеется ссылка на онлайн-задания, диктанты и транскрипции.

2. *Политематические.* Создатели этих каналов рассматривают несколько, как правило, смежных тем. Например, канал «Arzamas» содержит контент, охватывающий различные аспекты функционирования русского языка, но тематически сопряженный с вопросами истории, литературы, науки.

3. *Универсальные.* На таких каналах количество тем не ограничено. Они постоянно развиваются и дополняются новыми плейлистами. Это такие каналы, как «ПостНаука», «Научпок». Здесь видео о русском языке появляется эпизодически, но с определенной степенью постоянства.

Среди монотематических каналов доминируют каналы, направленные на изучение русского языка иностранными гражданами, а также каналы, направленные на освоение школьной программы или на подготовку к ЕГЭ.

Сопоставление тематики блога и его популярности (число подписчиков, среднее число просмотров видео, глубина просмотра, активность аудитории в лайках и комментариях) позволяет говорить о том, что степень востребованности канала не имеет прямой корреляции с тематикой контента. Важна не столько тема, сколько форма ее подачи. Каналы со схожей тематикой (например – лекции по русскому языку) могут иметь много или мало подписчиков в зависимости от стратегии создания и продвижения контента.

По типу контента видеоблоги языковой направленности можно разделить на две группы:

1. *Контентные.* Это каналы, которые основаны на авторском контенте. Видео, представленное на таких каналах, часто публикуется на правах эксклюзива и создается специально для них. Так, каналы «ПостНаука», «Arzamas» публикуют только авторское видео.

2. *Цитатные.* Такие блоги построены на двух формах работы с видеоконтентом. Первая форма подразумевает обилие видеочитат из других произведений. Вторая форма основана на перегоне трафиков с других каналов или медиа. Большая часть ресурсов такого типа – это каналы традиционных медиа («Русский мир»).

Оба типа видеоблогов популярны у аудитории. Однако во второй группе каналы традиционных медиа набирают не столь много просмотров. Можно предположить, что контент такого типа в меньшей степени адаптирован к требованиям сетевой среды, тогда как другие типы блогов изначально создаются с учетом запросов подписчиков.

В аспекте авторства мы можем говорить о представленности каналов следующих типов:

1. *Персональные.* Такие блоги ведут эксперты в какой-либо сфере культуры или люди, ею увлеченные. Это ярко персонифицированный тип блога. Он может быть как монотематическим, так и универсальным. Например, описание канала «О русском по-русски» начинается с персонификации: «Привет! Меня зовут Ирина (Ира). Я преподаватель русского языка как иностранного...». Далее следует подробное описание канала также

в персонифицированной форме. В тизере канала блогер появляется на экране, что позволяет аудитории персонифицировать процесс обучения языку.

2. *Комбинированные.* Такие блоги создаются несколькими (иногда многими) авторами. Пример – видеоблог «Arzamas».

3. *Каналы организаций.* Например, канал «TutorOnline – уроки для школьников» является официальным видеоканалом TutorOnline – сервиса, предоставляющего услуги репетиторов для школьников, студентов и взрослых через интернет.

Если же говорить о типах самого контента внутри каналов, то приходится признать, что достаточно часто на каналах о русском языке бывают представлены все основные типы видео – hub, help и hero. Ключевая тема реализуется в hub-контенте. Этот контент публикуется регулярно, и именно ради него случайные зрители становятся постоянными подписчиками. Как правило, это несложные в производстве, но интересные, привлекательные видео, которые выкладываются ежедневно, еженедельно или чуть реже в зависимости от возможностей канала. Второй тип контента – help-контент. Его нередко называют ситуативным. Он связан с текущими событиями и служит для подписчиков сигналом о том, что блогер живет в одном с ними пространстве. Этот тип контента несложен в производстве. Его основу составляют разговорные жанры (часто эссе или стримы), в которых блогер анализирует текущие события в рамках темы. Третий тип контента – это сложные в производстве видеопроизведения, которые имеют, как правило, непреходящее значение и используются для привлечения на канал новой аудитории. Например, на канале «TutorOnline – уроки для школьников» hub-контент представлен уроками, имеющими четкую структуру, соотносимую с учебными планами и рабочими программами дисциплин. Help-контент предлагает видео с интерпретацией сложных случаев или каких-либо слов, появившихся в русском языке недавно. Этот же контент представлен в формате shorts. Пример hero-контента – видеоролики, предлагающие систему подготовки к итоговому сочинению или вебинары по русскому языку.

ЖАНРОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ВИДЕОБЛОГЕРОВ

Анализ русскоязычного сектора видеоблогинга демонстрирует наличие в публикациях о русском языке едва ли не всех жанров как традиционных телевизионных, так и жанров, характерных только для сетевых видеоформатов. Вместе с тем, можно говорить о доминировании группы образовательных

блогов вообще и видеоблогов профессиональной направленности в частности. В последних преподаватели, учителя, специалисты, эксперты в какой-либо сфере рассказывают о различных аспектах бытования русского языка. Подобное видео чаще всего может быть выполнено в формате лекции, интервью или документального фильма.

Широкое распространение получил формат урока, который может быть представлен как обычной видеофиксацией, так и специальным драматургически выстроенным и сложным по монтажу контентом. Достаточно часто такого рода уроки выполнены в жанре гайда – своего рода прохождения заданий для достижения конкретного результата (например, на канале «Русский язык с Таней Ключ»).

Также немалый интерес в рамках нашей темы представляет группа персонифицированных жанров – таких, как обзор, комментарий, рецензия.

Предметом повествования в жанре обзора обычно является какая-либо группа правил. Предмет рецензии – новинка в сфере литературы по русскому языку (например, новые учебники или словари). А предмет комментария – какая-либо ситуация или явление, которые обладают высокой степенью языковой значимости (например, изменения норм русского языка).

ДОМИНИРУЮЩИЕ МЕТАПРОГРАММЫ

С целью продвижения контента по русскому языку видеоблогеры апеллируют к основным метапрограммам, которые позволяют стимулировать интерес аудитории к произведениям, входящим в школьную программу. В совокупности метапрограммы понимаются нами как своего рода призма, через которую человек воспринимает реальность. Так, побывав на месте одного и того же события, мы расскажем о нем по-разному, подчеркнув те оригинальные детали, которые нам представляются важными. Можно сказать, что и в сфере популяризации языковой культуры блогеры также всякий раз расставляют разные акценты в зависимости от доминирующей у них или у подписчиков метапрограммы. К наиболее частым метапрограммам в области нашего исследования отнесем следующие:

1. *«Ценности»*. Это – доминирующая в данной категории видеоблогов метапрограмма. Она акцентирует, прежде всего, ценности духовного порядка. В такого рода видеоблогах зрителю демонстрируется необходимость бережного отношения к языку, ценность языковых знаний. Мы наблюдаем детальный показ объекта и подробный рассказ о его значимости, уникальности («О русском по-русски»).

2. *«Процесс»*. Эта метапрограмма чаще всего бывает направлена на рассказ о процессе формирования тех или иных норм или о процессе их реализации («Научпок»).

3. *«Человек»*. Здесь ведется повествование о судьбах ученых и педагогов, посвятивших себя продвижению знаний в языковой сфере и сохранению языковой культуры. Также эта метапрограмма активно реализуется во всех персонифицированных блогах за счет создания образа автора, наделенного в рамках блога конкретными личностными характеристиками.

Эти метапрограммы направлены на аудиторию разного типа и практически никогда не пересекаются, что существенно отличает данный сектор русскоязычного YouTube от каналов иной направленности.

СРЕДСТВА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ВИДЕОБЛОГАХ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Помимо апелляции к метапрограммам, которые стимулируют, как правило, постоянный интерес к видеоблогу, авторы нередко используют элементы, призванные стимулировать и удерживать внимание зрителя на видеоконтенте. И это не удивительно: видеоблогинг – высококонкурентная среда, которая за счет мультиэкранности, параллельного и фонового восприятия требует постоянной акцентуации внимания пользователя на контенте. С целью достижения такой акцентуации блогеры чаще всего обращаются к принципу экзотики и субмодальностям.

Принцип экзотики проявляется в видеоблогинге уже на уровне нейминга. Достаточно обратить внимание на название некоторых видеороликов: «Уникальный и лучший язык в мире», «Лютый русский язык сломал мозг миру», «Русский язык за 18 минут», «Почему я ненавижу русский язык», «Русский язык вовсе не русский!?!». Очевидно, что цель подобных названий заключается исключительно в привлечении внимания аудитории через механизм эпатажирования. То же можно сказать и о превью видеоконтента, где довольно часто мы видим изображение удивленных, пораженных или шокированных сложностью русского языка людей.

Принцип экзотики используется и в структуре самого видео. Так, в получившем широкое распространение формате TED-конференций нередко обнаруживается парадоксальная форма подачи информации («Русский язык глазами иностранца»), а на канале «НаучПок» мы встречаем анимированный контент, где знания в сфере русского языка излагаются схематично.

Принцип экзотики проявляется также в геймификации. Примером могут служить видео, обучающие иностранцев русскому языку. В этом контенте часто разыгрываются конкретные жизненные ситуации, которые показывают, как именно необходимо выражать свои мысли в том или ином контексте.

Если же рассматривать использование блогерами субмодальностей (таких параметров текста, при резком изменении которых мы непроизвольно привлекаем к нему аудиторию), то в исследуемом нами секторе медиа используются субмодальности двух типов – визуальные и аудиальные.

В числе визуальных субмодальностей чаще всего применяются следующие:

- «плоский–объемный», например, использование анимации («НаучПок»);
- «подвижный–неподвижный», например, включение в видеоконтент фиксации правил на неподвижном слайде («TutorOnline – уроки для школьников»);
- «близкий–далекий» – проявляется в изменении крупности плана едва ли не на всех анализируемых нами каналах;
- «цветной–монохромный» – реализуется в случае включения в цветное изображение черно-белых фрагментов («О русском по-русски»).

В сфере аудиальных субмодальностей блогеры действуют универсально. Все они изменяют громкость звука, используют элементы саунддизайна, сопровождают видео несуществующими звуками.

Все обозначенные нами субмодальности позволяют видеоблогерам концентрировать внимание аудитории на видеоконтенте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, за время своего существования видеоблогинг доказал наличие у него значительно-го потенциала в сфере популяризации ценностей культуры вообще и языковой культуры в частности. Видеоблогеры обращаются к различным моделям как на уровне формы, так и на уровне содержания для того, чтобы актуализировать уже существующие у зрителей представления в языковой сфере и интериоризовать новые знания. Они, как правило, апеллируют ко всем доступным аудитории метапрограммам и часто комбинируют их в одном видеопроизведении. Не менее широка и жанровая палитра видеоматериалов, концентрирующаяся, в основном, в секторе образовательных (преимущественно профессиональных) жанров видеоблогов с дополнением их лекционными форматами. С целью же привлечения и удержания внимания на медиатекстах авторы чаще всего используют принцип экзотики как на уровне формы, так и на уровне содержания. Представление о том, что блогеры в состоянии снимать лишь пустое развлекательное видео, канули в Лету. В сфере развития языковой грамотности они предпринимают немало результативных усилий, что находит отражение, в первую очередь, в прагматическом тексте рецептурного характера. Однако по мере профессионализации блогосферы мы обнаруживаем все больше образцов видеопроизведений, которые можно было бы отнести к гуманистической парадигме и смысловывявляющему тексту – тексту, апеллирующему к способности зрителя глубоко погрузиться в тему, самостоятельно размышлять и делать выводы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аудитория медиа //Mediascope. 2021. URL: <https://mediascope.net/upload/iblock/cd5/Adindex%20City%20Conference%202021%20Mediascope.pdf>
2. Вартанова Е. Л. Медиа и город: об актуальных взаимовлияниях // Меди@льманах. 2020. № 1 (96). С. 8–21.
3. Дондурей Д. Б. Телевидение: режиссура реальности. М.: Искусство кино, 2007.
4. Ильченко С. Н. Как нас обманывают СМИ. СПб.: Питер, 2019.
5. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. М.: Алгоритм, 2010.
6. Бессарабова М. Л. Видеоблог как феномен массовой культуры // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. №5–6 (50). С. 5–10.
7. Поздеева А. А. Видеоблог как метод воспитания культуры в обществе // WORLD SCIENCE: PROBLEMS AND INNOVATIONS. Саратов: Изд-во СГУ, 2019. С. 114–116.
8. Ильченко С. Н., Окнер О. А. Телевидение в эпоху интернета СПб., 2005.
9. Мультимедийная журналистика / под общ. ред. А. Г. Качаевой, С. А. Шомовой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.

REFERENCES

1. Auditoriya media = Media audience. (2021). In: Mediascope. <https://mediascope.net/upload/iblock/cd5/Adindex%20City%20Conference%202021%20Mediascope.pdf> (In Russ.)
2. Vartanova, Ye. L. (2020). Media and the city: on the current interactions. Medi@l'manakh, 1(96), 8–21. (In Russ.)
3. Dondurey, D. B. (2007). Televideniye: rezhissura real'nosti = Television: directing reality. Moscow: Iskustvo kino. (In Russ.)
4. Il'chenko, S. N. (2019). Kak nas obmanyvayut SMI = How the media deceives us. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
5. Tret'yakov, V. T. (2010). Kak stat' znamenitym zhurnalistom = How to become a famous journalist. Moscow: Algoritm. (In Russ.)
6. Bessarabova, M. L. (2019). Video blog as a phenomenon of mass culture. Actual scientific research in the modern world, 5–6 (50), 5–10. (In Russ.)
7. Pozdeyeva, A. A. (2019). Video blog as a method of culture education in society. In: World Science: Problems and Innovations. Saratov: Izdatel'stvo SGU. (In Russ.)
8. Il'chenko, S. N., Okner, O. A. (2005). Televideniye v epokhu internet = Television in the era of the Internet. Sankt-Peterburg. (In Russ.)
9. Kachkaeva, A. G. et al. (2017). Mul'timediynaya zhurnalistika = Multimedia journalism, ed. by A. G. Kachkaeva, S. A. Shomova. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шестерина Алла Михайловна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации факультета журналистики Воронежского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shesterina Alla Mykhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor, Professor of the Department of Electronic Media and Communication, School of Journalism, Voronezh State University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'25

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_122

Сравнительно-сопоставительный анализ поэтических переводов стихотворения Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» на английский язык

Е. М. Пальванова*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия**palvanova.elena@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к переводу поэзии на материале двух переводов стихотворения Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» на английский язык. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа исследуется передача на ПЯ авторского стиля, образов и аллюзий. Исследование позволяет прийти к выводу, что переводчик-американец приближает текст на ПЯ к западной литературе, тогда как представитель отечественной культуры предпочитает сохранять своеобразие русской поэзии.

Ключевые слова: поэтический перевод, поэзия, Б. Пастернак, адекватность, эквивалентность, переводоведение

Для цитирования: Пальванова Е. М. Сравнительный анализ поэтических переводов стихотворения Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» на английский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 122–128. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_122

Original article

Comparative Analysis of Poetic Translations of “To be Famous is not in Good Taste” by B. Pasternak into English

Elena M. Palvanova*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia**palvanova.elena@mail.ru*

Abstract. The article examines possible approaches to translating poetry on the basis of two poetic translations of B. Pasternak's poem “To be Famous is not in Good Taste” into English. The method of comparative analysis is used to investigate the ways of emulating the author's style, metaphors, artistic images and allusions in translation. The study concludes that the translator who belongs to American culture seeks to bring the text of the poem closer to Western literature, whereas the translator who belongs to Russian culture prefers to keep the specifics of Russian poetry in translation.

Keywords: poetic translation, poetry, B. Pasternak, translation adequacy, translation equivalence, translation theory

For citation: Palvanova, E. M. (2022). Comparative analysis of poetic translations of “To be Famous is not in Good Taste” by B. Pasternak into English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 122–128. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_122

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время во многих странах растет интерес к поэзии, в том числе к переводной, в связи с чем выполняется всё больше поэтических переводов. Распространенная в мире переводческая практика позволяет лучше узнать и понять литературу и, в частности, поэзию других народов, дать представление другим народам о русскоязычной литературе, наладить диалог культур. Так, И. А. Гусейнова пишет: «Переводчики всегда были и рассматривались в качестве посредников между языками и культурами» [Гусейнова, 2021, с. 40].

По сложившемуся убеждению многих исследователей, поэтический перевод является самым сложным видом письменного перевода, поскольку работа над ним сопряжена со множеством трудностей [Романенко, 2017]. От переводчика требуется достичь эквивалентности оригиналу на структурном, смысловом и прагматическом уровнях поэтического текста, а также передать авторский стиль. Так, Е. А. Романенко утверждает: «С одной стороны, переводчик должен сохранить языковую норму и достичь эквивалентности текста перевода тексту оригинала, а с другой – отразить

эмоционально-эстетическое содержание произведения» [Романенко, 2017, с. 42].

Однако при переводе далеко не всегда удастся передать все особенности оригинала [Жутовская, 2014]. Для достижения переводческой адекватности часто приходится использовать различные приемы, как то: компенсация, генерализация и конкретизация, смысловое развитие и т. п. Всё это обеспечивает в процессе поэтического перевода некоторую свободу творчества, так как переводчики могут выбирать разные стратегии и тактики. В результате многие переводы одного и того же поэтического текста могут значительно различаться. В данной статье рассматриваются и сопоставляются два поэтических перевода стихотворения Б. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво...» на английский язык. Оба перевода были выполнены примерно в одно и то же время (вторая половина XX века) двумя известными переводчиками: кандидатом филологических наук, лингвистом и поэтом Т. С. Рыжовой и американским ученым, доктором философии, специалистом в области русского языка и литературы А. Ч. Тоддом. Исследование на эту тему было ранее представлено на конференции «Инязовские чтения – 2021».

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТОВ

Приведем оба переводных текста:

Татьяна Рыжова	Альберт Тодд
IT IS IMPROPER TO BE FAMOUS	TO BE FAMOUS...
It is improper to be famous, It's not what raises us, indeed. You should not think of writing memoirs, And tremble over your manuscript.	To be famous is not in good taste. That is not what will exalt us. Don't build an archive, it's but a waste To raise with manuscripts a fuss.
Sense of creation is creating, Not a big stir or a fortune's glimpse. It's a disgrace if a nonentity Is always on all people's lips.	Creation calls for self-surrender And not loud noise and cheap success. Shame on the ignorant offender Who lets all lips his fame confess.
Don't let imposture interfere In life of yours; and after all Attracting love of higher sphere You'll hear our future's call.	Life must be lived without false face, Lived so that in the final count We draw unto ourselves love from space, Hear the future call from the mount
It's in your fate not in your papers, That you should really leave gaps To mark on margins vivid fragments Or chapters of your life, perhaps.	Some blank spaces should be left to chance And not to this paper shuffling, Not marking the margins in advance, Places and chapters of nothing.
And dip yourself into the vagueness, And hide your steps right within it, Just like a mist hides country places And it gets pitch-dark all amid.	So plunge yourself in obscurity And conceal there all of your tracks, The way lands dissolve with surety In the fog where vision on lacks.

Татьяна Рыжова	Альберт Тодд
They will pursue your living trail, Those, others, treading in your steps, But try to be impartial ever Both to your triumphs and defeats.	Others then will track your living trail, Retracing step by step your feet, But you must inevitably fail To tell your triumph from defeat.
You should not yield a single point To keep your real face, my friend. But stay alive, alive for all that, Alive for all that – till the end.	And you must not by a single hair Retreat from their face, nor bend, But be alive, alive your full share, Alive and only till the end.

Стихотворение «Быть знаменитым некрасиво...» написано в жанре философской лирики и посвящено проблеме познания себя, поиску сущности и смысла творчества, а также жизненному кредо поэта. Б. Пастернак полагает, что не следует стремиться к признанию и славе, призывает равнодушно относиться как к успеху, так и к неудачам, писать стихи по велению души и всегда оставаться собой. По убеждению автора, именно такой подход к делу делает литератора истинным творцом.

Как видно из представленных выше текстов на ПЯ, оба переводчика верно передали основную идею произведения. Переводные

стихи близки к оригинальным: соответствия между переводами и оригиналом можно найти в каждой строке. Оба текста на ПЯ написаны, как и оригинал, четырехстопным ямбом. В них сохранены многие авторские метафоры: «услышать будущего зов», «оставлять в судьбе пробелы», «быть живым, живым и только» и др. Кроме того, в переводах воссозданы авторские образы. Так, в обоих текстах на ПЯ присутствуют образ тумана как символа чего-то неизвестного, неопределенного, и образ шагов, которые многие сравнивают с литературными исканиями поэта и относят к его творческому пути.

Оригинал	Т. Рыжова	А. Тодд
И окунаться в неизвестность, И прятать в ней свои шаги, Как прячется в тумане местность, Когда в ней не видать ни зги.	And dip yourself into the vagueness, And hide your steps right within it, Just like a mist hides country places And it gets pitch-dark all amid.	So plunge yourself in obscurity And conceal there all of your tracks, The way lands dissolve with surety In the fog where vision on lacks

ПЕРЕДАЧА РИФМЫ И РИТМИЧЕСКОГО РИСУНКА

Однако, несмотря на сходство двух переводов, между ними существуют значительные различия. Прежде всего, обратим внимание на внешнюю форму стихотворения: ритм и рифму. В оригинальном тексте используется перекрестная рифма, при этом чередуются женские (ударение падает на предпоследний слог) и мужские (ударение падает на последний слог) рифмы. Такой способ стихосложения широко распространен в русской поэзии, благодаря грамматическим и фонетическим особенностям русского языка. Для англоязычной же поэзии он не характерен из-за сравнительно малого количества слов, состоящих из двух и более слогов, имеющих ударение на предпоследнем слоге [Sherr, 1980]. Известный английский переводчик и переводовед Стенли Митчелл утверждает: «для “женского” окончания строки в английском языке существует сравнительно мало

рифм» [Mitchell, 2008, с. 41]. По этой причине в классических англоязычных стихах, как правило, подобраны мужские рифмы. Сравнивая два перевода, мы видим, что Т. Рыжова полностью повторила структуру оригинального стихотворения, чередуя вслед за Б. Пастернаком женскую и мужскую рифмы (*famous-indeed-memoirs-manuscript*). А. Тодд, в свою очередь, использует в основном мужскую рифму, как принято в англоязычной поэзии (*taste-us-waste-fuss*).

То же касается и ритма. Известно, что для русскоязычного ямбического размера характерно строгое чередование слабых и сильных слогов [Sherr, 1980]. Это справедливо и для анализируемого нами произведения Б. Пастернака. Т. Рыжова неукоснительно следует этому принципу, полностью передавая мелодику оригинального стихотворения. Однако, как пишет Бэрри Шерр, «хотя поэтическая система в обоих языках носит название силлаботонической, русская силлаботоническая система значительно отличается от английской» [Sherr,

1980, с. 358]. Согласно исследованиям Бэрри Шерра, в англоязычном стихосложении наблюдается вариативность, не свойственная русской поэзии. Так, в ямбическом размере между сильными слогами и в начале строки могут находиться несколько безударных слогов, или же, напротив, безударные слоги в слабой позиции могут быть опущены [Sherr, 1980]. Стенли Митчелл придерживается того же мнения, утверждая, что такая вариативность существует в традиции англоязычного стихосложения со времен Шекспира [Mitchell, 2008]. Это явление мы можем наблюдать и в переводе А. Тодда, время от времени отходящего от строгого ритма оригинала (ср.: «Быть знаменитым некрасиво» и «To be famous is not in good taste»). Таким образом, на структурном уровне мы наблюдаем значительную разницу между переводами.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ

Различаются рассматриваемые переводы и на других уровнях. Рассмотрим начало стихотворения. Первая строка «Быть знаменитым некрасиво...», которая является также и названием произведения, несет в себе большую смысловую и эмоциональную нагрузку, задавая тон всему стихотворению и определяя его тему. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова, «некрасивый – не заслуживающий уважения, достойный осуждения» [Ожегов, 2009]. Сопоставляя два перевода, мы можем видеть, что переводчики придают этому слову несколько разную оценочную окраску. Так, Т. Рыжова пишет: «It is improper to

be famous», – понимая слово «некрасиво» как «нечестно, неправильно с точки зрения морали» [Hornby, 2010]. В ее переводе неодобрение выражено достаточно ярко. А. Тодд же смягчает степень осуждения, заявляя, что быть знаменитым – всего лишь «дурной вкус» («To be famous is not in good taste»). Итак, в двух переводах отношение автора к известности различается, что влияет на эмоциональное восприятие читателем первой строфы, а в дальнейшем и всего текста в целом.

Необходимо, однако, отметить, что в своем переводе А. Тодд постепенно становится более жестким в оценках, выражая всё большую степень осуждения в адрес писателей, стремящихся к славе. Так, уже во второй строфе при переводе строчек «Позорно, ничего не знача, // Быть притчей на устах у всех» он пишет: «Shame on the ignorant offender // Who lets all lips his fame confess», сравнивая того, кто, ничего не знача, позволяет себе становиться притчей на устах у всех, с преступником, нарушившим закон (offender – тот, кто совершил преступление [Rundell, 2002]). Т. Рыжова же не снижает и не повышает степень осуждения, используя слово «nonentity» – «посредственность» («It's a disgrace if a nonentity // Is always on all people's lips»).

ПЕРЕВОД АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ

Различие между переводами наблюдается и в четвертой строфе, где автор рассуждает о соотношении жизненного и творческого пути и о том, какое место творчество должно занимать в жизни поэта:

Оригинал	Т. Рыжова	А. Тодд
И надо оставлять пробелы В судьбе, а не среди бумаг, Места и главы жизни целой Отчеркивая на полях.	It's in your fate not in your papers, That you should really leave gaps To mark on margins vivid fragments Or chapters of your life, perhaps.	Some blank spaces should be left to chance And not to this paper shuffling, Not marking the margins in advance, Places and chapters of nothing.

Несмотря на то, что оба переводчика в точности передали смысл, вложенный автором в эти строки, можно заметить расхождение между переводами во второй части строфы. Так, в переводе Т. Рыжовой автор советует отчеркивать на полях «места и главы жизни целой» («Именно в судьбе, а не в бумагах, ты должен оставлять пробелы, чтобы отчеркивать на полях фрагменты или, возможно, главы жизни»), тогда как в переводе А. Тодда он настоятельно не рекомендует этого делать («Оставляй в жизни место для случайностей, а не для возни с бумагами, не для того,

чтобы заранее делать пометки на полях и отмечать места и главы пустоты»).

Вероятно, различие двух переводов связано с тем, что в оригинальном тексте неочевидно, к какой именно мысли относится данный деепричастный оборот: «надо оставлять пробелы в судьбе, отчеркивая на полях места и главы» либо «не надо оставлять пробелы среди бумаг, отчеркивая на полях...». По-видимому, Т. Рыжова относит этот оборот к первой части высказывания, понимая слово «поля» в метафорическом значении («поля в судьбе»), а А. Тодд – ко второй части, трактуя слово

«поля» как «поля на бумаге». Отметим, однако, что обе эти трактовки имеют право на существование, ни одна из них не противоречит логике и идее стихотворения, а потому в обоих случаях перевод можно назвать адекватным.

ПЕРЕВОД БИБЛЕИЗМОВ

Необходимо также обратить внимание на передачу христианских мотивов, присутствующих в стихотворении. Как полагают многие литературоведы, в нем используются цитаты из Библии и аллюзии на нее [Заботкина, Коннова, 2017]. В пользу приведенной точки зрения говорит черновое название данного произведения – «Верую» – и день, в который оно было написано: «Великая Суббота». «Заглавие стихотворения, “Верую”, а также дата завершения работы над ним позволяют предположить наличие внутренней содержательной связи между образами поэтического текста и Евангельскими событиями Страстной седмицы», – пишут В. Заботкина и М. Коннова [Заботкина, Коннова, 2017, с. 163]. Так, по их убеждению во второй строке стихотворения наречие «ввысь» является неявной отсылкой к иносказательным именам Бога: «Всевышний», «Вышний». В словах «Цель творчества – самоотдача» содержится тема крестного подвига Иисуса Христа, который «отдал себя самого за грехи наши» [Библия, Гал. 1: 3–4]. А фраза «привлечь к себе любовь пространства», будучи аллюзией на стих 118-го псалма «Уста моя отверзох, и привлечох дух», иносказательно говорит о приобщении к благодати Святого Духа как о главной цели жизни христианина [Заботкина, Коннова, 2017].

Однако все эти аллюзии представлены в тексте в неявном, скрытом виде [Заботкина, Коннова, 2017]. Они незаметны большинству русских читателей. По-видимому, это объясняется тем, что во времена Советского Союза религиозные тексты и Церковь утратили ту роль, которые ранее играли в обществе [Орлова, 2008]. Цитаты из Библии продолжали использоваться в литературе, но при этом, как пишет Н. Орлова, «могли утрачивать связь с претекстом и не осознаваться как библеизмы» [там же, с. 196]. Иная ситуация сложилась на Западе, в частности, в США и Великобритании. Как полагает Е. Реунова, в этих странах «библейская фразеология на протяжении нескольких веков составляет значительный и активно используемый пласт лексики» [Реунова, 2015, с. 341]. Сходных взглядов придерживается и Н. Орлова: «Для западного языкового сознания такого рода речевые факты, безусловно, более органичны» [Орлова, 2008, с. 196]. Возможно, именно поэтому при переводе данного стихотворения Т. Рыжова

не использует библеизмы и избегает явных аллюзий на Священное Писание, стремясь к тому, чтобы переводной текст производил на иностранного читателя то же впечатление, что и оригинал – на наших соотечественников. В отличие от нее А. Тодд, вероятно, следуя традициям англоязычной литературы, напротив, эксплицирует и всячески подчеркивает имеющиеся в тексте отсылки к Библии. Для его перевода характерно использование лексики, присущей религиозным текстам [Freedman, 1992]. К этой категории относится, среди прочих, слово *exalt*, постоянно встречающееся в Библии [Freedman, 1992]. Переводя «Не это поднимает ввысь» как «That is not what will exalt us», А. Тодд указывает на слова из Евангелия от Матфея: «Whoever will exalt himself will be humbled and whoever will humble himself will be exalted» («Ибо, кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится») [Библия, Мф 23:12]. В строке «Creation calls for self-surrender» четко прослеживается отсылка на крестный подвиг Иисуса Христа, а во фразе «hear the future call from the mount» видна аллюзия на Нагорную проповедь («Sermon on the Mount») [Freedman, 1992].

Это различие в подходах к переводу лучше всего заметно в последней строфе, в строках «и должен ни единой долькой // Не отступаться от лица». Некоторые литературоведы полагают, что Б. Пастернак призывает поэтов не оступаться от собственного лица, т. е. не лицемерить и всегда оставаться собой. Другие же считают, что здесь имеется в виду Иисус Христос. Это предположение основано на том, что в прецедентных библейских текстах Сына Божьего называют «лицем Бога Отца», а слово «оступаться» имеет также значение «оставить веру» [Заботкина, Коннова, 2017]. «В рамках словосочетания “не отступаться от лица” актуализируется первоначальный смысл церковнославянского слова *лицо* – “ипостась”», – утверждают В. Заботкина и М. Коннова [Заботкина, Коннова, 2017, с. 167].

Не исключено, что Б. Пастернак вкладывал в данную фразу оба этих значения. Однако при переводе на английский язык одно из них неизбежно теряется, поскольку правила английской грамматики обязывают переводчика указать, о чьем именно лице идет речь. Характерно, что Т. Рыжова принимает решение отразить в своем переводе первое значение («You should not yield a single point // to keep your real face, my friend»), тогда как А. Тодд выбирает второе («And you must not by a single hair // retreat from their face, nor bend»). Различие двух переводов показывает, что А. Тодд придерживается традиций англоязычной литературы, которая изобилует библеизмами, в то время

как Т. Рыжова старается передать в переводе дух отечественной поэзии XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, подводя итог сравнению двух переводов, мы приходим к выводу, что оба они достаточно близки к оригинальному тексту и не содержат смысловых ошибок или значительных стилистических и коннотативных отклонений от него, что, безусловно,

делает оба перевода адекватными. Однако между двумя переводами наблюдаются некоторые расхождения. Многие из них связаны с тем, что представитель американской культуры А. Тодд стремится приблизить текст стихотворения на ПЯ к западной литературе, адаптируя его для англоязычных читателей, тогда как Т. Рыжова, будучи представителем отечественной культуры, предпочитает сохранять в переводе специфику русской поэзии, чтобы познакомить с ней зарубежного читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гусейнова И. А. Лингвистическая школа Московского государственного лингвистического университета на рубеже XX–XXI веков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. Вып. 1 (838). С. 39–52.
2. Романенко Е. А. Проблемы перевода поэтических текстов // Наука и образование сегодня. 2017. Вып. 8 (19). С. 42–43.
3. Жутовская Н. М. Поэтический перевод и проблема адекватности // Царскосельские чтения. 2014. Том I. Вып. 18. С. 342–347.
4. Scherr B. Russian and English Versification: Similarities, Differences, Analysis // Methods at work. 1980. Vol. 14, № 4. P. 353–378.
5. Mitchell S. A. Note on the Translation. Pushkin A. Eugene Onegin. L.: Penguin Classics, 2008.
6. Ожеров С. И. Толковый словарь русского языка / гл. ред. Л. И. Скворцов. М.: Оникс, 2009.
7. Hornby A. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2010.
8. Rundell M. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Education, 2002.
9. Заботкина В. И., Коннова М. Н. К вопросу о ценностях и антиценностях в авторской картине мира Б. Л. Пастернака (на материале стихотворения «Быть знаменитым некрасиво») // Новый филологический вестник. 2017. Вып. 3 (42). С. 160–171.
10. Библия. М.: Российское библейское общество, 2006.
11. Орлова Н. М. Прецедентные феномены библейского истока в русской филологической традиции // Вестник Тамбовского университета. 2008. Вып. 5 (61). С. 196–199.
12. Реунова Е. В. Лингвопрагматические особенности употребления безэквивалентных библеизмов в русском и английском языках // Вестник Тверского государственного университета. 2015. Вып. 1. С. 341–344.
13. Freedman D. N. The Anchor Yale Bible Dictionary. New Haven: Yale University Press, 1992.

REFERENCES

1. Guseynova, I. A. (2021). Moscow State Linguistic University Linguistic School of at the turn of the 20th and 21st centuries at the turn of the 20th and 21st centuries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching, 1 (838), 39–52. (In Russ.)
2. Romanenko, E. A. (2017). Problemy perevoda pojeticheskikh tekstov = Problems of poetry translation. Science and Education Today, 8 (19), 42–43. (In Russ.)
3. Zhukovskaya, N. M. (2014). Poetry translation and the problem of adequacy. Tsarskoselskie chteniya, 1(18), 342–347. (In Russ.)
4. Scherr, B. (1980). Russian and English versification: Similarities, differences, analysis. Methods at work, 14(4), 353–378.
5. Mitchell, S. A. (2008). Note on the translation. Pushkin, A. Eugene Onegin. London: Penguin Classics.
6. Ozhegov, S. I. (2009). Tolkoviy slovar russkogo yazyka, ed. by L. I. Skvortsov. Moscow: Oniks (In Russ.)
7. Hornby, A. (2010). Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 8th ed. Oxford: Oxford University Press.
8. Rundell, M. (2002). Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Oxford: Macmillan Education.

9. Zabotkina, V. I., Konnova, M. N. (2017). Values and their contradictions in Boris Pasternak's poetic worldview (as represented in "It is not decent to be famous"). The new philological bulletin, 3(42), 160–171. (In Russ.)
10. Bible. (2006). Moscow: Rossiyskoe bibleyskoe obshchestvo. (In Russ.)
11. Orlova, N. M. (2008). Precedent phenomena of Bible sources in the Russian philological tradition. Tambov University Review, 5 (61), 196–199. (In Russ.)
12. Reunova, E. V. (2015). Linguo-pragmatic characteristics of nonequivalent idioms of biblical origin in Russian and English. Herald of Tver State University, 1, 341–344. (In Russ.)
13. Freedman, D. N. (1992). The Anchor Yale Bible Dictionary. New Haven: Yale University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пальванова Елена Михайловна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Palvanova Elena Mikhailovna

Postgraduate student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Цветонаименование *белый* в творчестве Умберто Эко

В. В. Россаль

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

vasrossal@gmail.com

Аннотация. Автор ставит проблему перевода базового термина цветонаименования «белый» с итальянского языка на русский язык в художественном тексте (на примере романа итальянского писателя и философа У. Эко «Имя розы») и демонстрирует зависимость переводческого решения от доминантного смысла текста. В работе используются такие общенаучные методы, как наблюдение и сравнение, проводится этимологический и дефиниционный анализ с целью выявления символического содержания слов в тексте оригинала, а также компонентный анализ лексем для выявления актуальных авторских смыслов текста.

Ключевые слова: У. Эко, роман «Имя розы», цветонаименование, художественный перевод, сопоставительный анализ, переводческое решение

Для цитирования: Россаль В. В. Цветонаименование *белый* в творчестве Умберто Эко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 129–135. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_129

Original article

The Colour Term *White* in the Works of Umberto Eco

Vasilissa V. Rossal

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

vasrossal@gmail.com

Abstract. The author looks at the issue of rendering the colour term *white* from Italian into Russian in fiction on the illustrative material from the novel “The Name of the Rose” by the Italian writer and philosopher U. Eco and shows the dependence of the translation strategies on the dominant concepts of the text. The methods of analysis include such research methods as observation and comparison; and more specific ones, such as etymological and definitional analyses, to distinguish the symbolic meaning of the terms in the context; the componential analysis of the lexemes is used to identify their significance in the text.

Keywords: U. Eco, novel “The Name of the Rose”, colour naming, literary translation, comparative analysis, translation strategies

For citation: Rossal, V. V. (2022). The colour term *white* in the works of Umberto Eco. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 129–135. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_129

ВВЕДЕНИЕ

Цвет является акцидентным признаком предмета. Совокупность цветовых терминов в языках мира культурно специфична, однако эксперименты, проводимые, например, Оптическим обществом, доказывают, что восприятие цвета детерминировано нейрофизиологически и культурно; люди различают цвета вне зависимости от системы цветовых терминов в их родном языке [Das, 1966]. Цветовая картина мира индивида, с одной стороны, всегда конвенциональна, в том числе и в коннотативном аспекте, с другой – индивидуальна, и обе стороны специфически проявляются в художественных произведениях.

Проблема передачи индивидуально авторского содержания цветообозначения особенно остро встает перед переводчиками. Поэтому проблема репрезентации символического содержания лексем цветоименования актуализируется в переводческой практике. Цель статьи – представить некоторые пути решения этой проблемы при переводе с итальянского языка на русский. Цели исследования соответствуют его задачи: 1) проанализировать этимоны цветообозначения *белый* в итальянском и русском языках; 2) на основе исследования художественного контекста установить символическое содержание цветообозначений; 3) исследовать обоснованность переводческих решений в отношении терминов цветоименования.

В предыдущей работе были рассмотрены лексемы *rosso* / *красный* и *nero* / *черный* на материале повести Ч. Павезе «Луна и костры» и дана характеристика базовых терминов цветоименования [Россаль, 2022].

В настоящей статье рассматривается специфика перевода термина цветоименования *bianco* / *белый* на русский язык на примере романа У. Эко «Имя розы» [Эко, 2019].

ЦВЕТОИМЕНОВАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ У. ЭКО

Обратимся к этимологии лексемы *bianco* / *белый* с целью диахронического сравнения лексического значения слова в итальянском и в русском языках и установим, какие из этимологически возможных смыслов актуализируются в произведении У. Эко, а какие развиваются в современном состоянии языков. Также путем анализа выявим, какие конвенциональные или индивидуальные смыслы исследуемой лексемы представлены в романе и насколько адекватен оригиналу их русский перевод.

Умберто Эко – знаменитый итальянский писатель, философ, специалист по семиотике и средневековой эстетике. Его роман «Имя розы» по сути представляет собой «перевод семиотических и культурологических идей Умберто Эко на язык художественного текста» [Лотман, 1998, с. 650]. Можно было бы назвать это произведение детективом или историческим романом (на что намекает сам автор в своих «Заметках на полях 'Имени розы'» [Эко, 2011]), но ограничить его каким-то одним жанром невозможно. Перевод этого романа выполнила Е. А. Костюкович, он был впервые опубликован в 1989 г.

У. ЭКО О ПЕРЕВОДЕ

Авторству У. Эко принадлежит книга «Come dire quasi la stessa cosa» («Сказать почти то же самое. Опыты о переводе», перевод на русский язык А. Ковалёва), в которой он анализирует переводы собственных книг на другие языки, частично комментируя свои произведения и показывая, насколько удачен и верен тот или иной перевод. Примечательно предисловие к данной работе, в которой У. Эко объясняет ее название. По его научному убеждению, процесс перевода – это специфическая речемыслительная деятельность, в которой мы «во-первых, испытываем немалые затруднения, пытаемся установить, что означает 'сказать то же самое', и недостаточно ясно осознаем это в ходе таких операций, как парафраз, определение, разъяснение, переформулировка, не говоря уж о предполагаемых синонимических подстановках. Во-вторых, держа перед собою текст, подлежащий переводу, мы не знаем, что такое *то*. Наконец, в некоторых случаях сомнительно даже значение слова *сказать*» [Эко, 2006, с. 7]. У. Эко и сам выступал в роли переводчика и тесно сотрудничал с переводчиками собственных книг. Он упоминает, что контролировал переводы своих произведений на английский, немецкий, французский и испанский языки, а часто и предварительно беседовал с переводчиками, в том числе переводчиком на русский Е. А. Костюкович, чтобы проверить их «скепτικότητα». Он отмечает, что перевод – это всегда сначала *опыт*, а уже потом теория. Он уверен, что переводчик должен отталкиваться непосредственно от текста, а не от теории, так как каждый текст ставит перед переводчиком разные проблемы. У. Эко подчеркивает, что еще до появления теоретических работ по переводу это ремесло активно развивалось без всякой теоретической базы.

Несмотря на комментирование собственных произведений, У. Эко признается в том, что он никогда не пытался повлиять на переводческие решения и высказывал свое мнение только в ответ

на прямой вопрос. Он уверен, что в переводе всегда есть «непереводимые» места, однако в некоторых случаях перевод может «улучшать» текст, придавать ему новые смыслы.

У. Эко замечает, что «переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звуко-символическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник» [Эко, 2006, с. 16–17]. Это самый затратный – системный – переводческий путь, однако именно он дает наивысший эффект. При этом и практически, и теоретически необходимо проанализировать акцентированные автором исходного текста смыслы, представленные отдельными элементами такой системы.

БЕЛЫЙ В РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРАХ

Обратимся к этимологии терминов *bianco* / *белый* в итальянском и русском языках.

Bianco / *белый* – базовый цветовой термин; наряду с *черным* он является первым цветовым термином в колористической системе практически любого языка. В латыни архилексемой являлось слово *albus* [Grossmann, 1988], которое не связано с современным итальянским термином. Предположительно лексема *bianco* происходит от древневерхненемецкого слова *blanch*, т. е. «сверкающий» [Pianigiani, 1993].

В русском языке *белый* происходит от *праслав.* *bělъ, от *кельтск.* *belos – «светлый, блестящий», которое частично трансформировалось под влиянием *др.-у.-е.* *bhālam – «блеск» [Этимологический словарь славянских языков, 1975, с. 79]. Как видно, этимологически лексемы *белый* / *bianco* в итальянском и русском языках восходят к одному пракорню. Б. Берлин и П. Кей отмечают, что *белый* и *черный* произошли от противопоставления *светлый* и *темный* [Berlin, Kay, 2009], что прослеживается в процессе формирования современных значений лексем *bianco* и *белый*.

Проанализируем дефиниции исследуемых лексем в итальянском и русском языках. Термин *белый* имеет следующие дефиниции: «Имеющий цвет снега, молока, мела (*противоп.*: *черный*)»¹; «Цвета снега, молока, мела; *противоп.* *черный*»²;

«Имеющий цвет снега, молока, мела (*противоп.* *черный*)»³, т. е. *белый* – «цвет снега, молока, анто- ним термина *черный*».

Итальянский термин *bianco* имеет такие определения: «...è il colore del latte, della spuma del mare, della neve fresca»⁴; «Detto di tutto ciò che ha colore chiaro in antitesi a un equivalente scuro»⁵; «Del colore che rappresenta la somma dei sette colori dell'iride, percepito come il più luminoso, il più limpido, il più chiaro»⁶, т. е. *bianco* – «цвет молока; самый светлый цвет, который содержит все цвета спектра».

Таким образом, дефиниции термина *bianco* / *белый* показывают лишь частичное совпадение их лексического значения, а этимологический анализ указывает на сходный способ путей формирования их содержания.

ЦВЕТОВОЙ ТЕРМИН БЕЛЫЙ В РОМАНЕ У. ЭКО «ИМЯ РОЗЫ»

В романе «Имя розы» У. Эко часто использует цвето-наименование *bianco* в самых разных контекстах: описание внешности, одежды, погоды, пейзажа, интерьера, животных, еды; кроме того, белый цвет частотно употребляется для представления религиозной символики. Белый – четвертый по частотности употребления термин цветоименования в Библии [Almalech, 2021, с. 253]; при этом слово на иврите, используемое для обозначения белого цвета, может переводиться и как «светлый»⁷. Многие исследователи библейских текстов сходятся в убеждении, что белый цвет является символом победы⁸, праздника⁹, чистоты¹⁰. Последнее значение представляется актуальным, так как оно во многих культурах связано не только с религиозными, но и с иными культурно обусловленными представлениями.

Главные герои романа У. Эко – средневековые монахи, знакомые с религиозными текстами и с их толкованиями. Повествование ведется от лица одного из участников событий: преклонных лет монаха. Используя данный термин цветоименования, он опирается на сложившиеся у него под влиянием религиозных текстов ассоциативные принципы, что мы и попытаемся продемонстрировать.

³ Большой академический словарь русского языка: в 30 т. / под ред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004. Т. 1. А–Бишь. – С. 530–536.

⁴ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

⁵ Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. Bologna: Zanichelli, 2013. P. 140.

⁶ URL: https://www.grandidizionario.it/dizionario_italiano.aspx

⁷ Brenner-Idan A. Colour terms in the Old Testament. Sheffield: Bloomsbury Publishing, 1983. P. 84.

⁸ Там же, с. 85.

⁹ Там же, с. 90.

¹⁰ Там же, с. 120.

¹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. 2006. URL: <http://www.efremova.info>

² URL: <http://www.feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

Термин *bianco* часто употребляется при описании внешности персонажей:

Accarezzò con mani devote, con le sue lunghe dita bianche, le parti più preziose del sacro legno... (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*) – «И, нежно прикасаясь, своими длинными белыми пальцами, он поглаживал самые драгоценные части крестного дерева...»

В этом примере герой, аббат монастыря, любит сокровищами, которые хранятся в церкви, он восхищается ими и испытывает эстетическое удовольствие от их созерцания. Для передачи такого ощущения используются слова с семой осторожности и ценности: *нежно, прикасаясь, драгоценные*. Этот ряд слов диктует и цветовой компонент: пальцы длинные и *белые*, а не бледные, потому что аббат сравнивается с человеком аристократичным, который умеет ценить красивые и дорогие предметы.

Очень часто именно в религиозном контексте используется белый цвет, например, при описании одеяний религиозных деятелей или при описании религиозных сооружений:

Vestito con un mantello bianco sopra una tunica bianca e coi capelli lunghi, si acquistò presso i semplici fama di santità (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «Он стал носить длинную белую тунику, а поверх нее – белую же широкую мантию, длинную бороду, отпущенные волосы. Очень скоро простецы окружили его ореолом святости».

В этом примере белый цвет становится практически синонимом святости, чистоты и величия. Детали образа мужчины – длинная борода, отпущенные волосы, *белая* туника – актуализируют компоненты образа святого и способствуют тому, что героя окружают ореолом святости.

Не всегда сохранение цветового термина переводчиком представляется оправданным:

Era pieno mezzogiorno e la luce entrava a fiotti dalle finestre del coro, e di più ancora da quelle delle facciate, formando bianche cascate che, come mistici torrenti di divina sostanza, andavano a incrociarsi in vari punti della chiesa, inondando lo stesso altare (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «Был в разгаре полдень, и солнце текло в храм ручьями сквозь витражи хора и – еще ослепительнее – через окна фасада: оттуда шли белые потоки обжигающего света, подобные мистическим струям незримой божественности, и перекрещивались по всей церкви, целиком заливая алтарь».

Контекстуальный анализ позволяет сделать вывод о том, что авторский доминантный смысл

связан с представлением не только об интенсивности, но и о яркости, о сверкании света, ассоциативно связанного с чистотой и силами добра. Сила света представлена словами *потоки, ручьями, заливая, текло, целиком, разгар*, подчеркивающими степень интенсивности действия, сема «сверкание» обнаруживается в словах *солнце, ослепительнее, обжигающий, свет, струя*, кроме того, актуализированные в приведенных словах компоненты значения интегрируются, пересекаются между собой, акцентируя связь происходящего с «незримой божественностью». Слово *белый* в тексте перевода выбивается из этого ряда, а в тексте оригинала очевидно используется в значении: «7. (*lett.*) luminoso, abbagliante»¹. В русском языке в лексическом значении слова *белый* интенсивность света, выраженная значением «2) светлый, светлее обычного»², не столь высокая, как в итальянском языке, а потому более мотивированной, на наш взгляд, была бы замена слова *bianche* на слово с семой высокой интенсивности света, например, *яркие*.

Отметим, что У. Эко употребляет не только базовый цветовой термин *bianco*, но и, например, термин *candido*:

...perché il mattino seguente tutto il pianoro sarebbe stato coperto da una coltre candida, come dirò (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «... я так сужу, ибо утром подворье было укутано белейшим покровом, о чем еще предстоит рассказать».

Слово *candido* переводится как «белоснежный, чистый». Его употребление не просто желание автора подчеркнуть крайнюю степень белизны снега, но также художественный прием. Повествование ведется от лица средневекового монарха, чей язык повседневного общения – латынь. В латыни существовал термин *candidus*, который широко употреблялся для обозначения белого цвета, а значит, монаху это слово хорошо знакомо. Слово произошло от глагола *candeo*, т. е. «biancheggiare rilucere di un ferro infuocate» [Pianigiani, 1993]. Однако в современном итальянском языке *candido* толкуется как «di un bianco immacolato e splendente»³, т. е. «незапятнанный, сверкающий белый», поэтому переводчик выбирает несколько отличный от термина *белый* вариант – *белейший*, что представляется нам не вполне удачным решением. В переводе отсутствует оттенок чистоты и высокой интенсивности цвета, который можно было бы передать словом *белоснежный* или *чистейший*.

¹ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

² URL: <http://www.efremova.info>

³ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

В тексте реализуется культурно обусловленное значение слова, связанное с ассоциативным значением *bianco* как цвета победы и торжества. В Древнем Риме часто во время парадов в честь одержанной победы лошади были белой масти¹. Такая же традиция сохранялась и в католичестве:

Quando scese dal battello avrebbe dovuto montare una cavalla bianca, seguito dai cardinali su cavalli neri, come vuole la tradizione (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «Сойдя с ладьи, он должен был, согласно правилу, оседлать белую кобылу и въехать на ней в резиденцию со свитой кардиналов на черных жеребцах».

Папа Римский должен ехать на белой кобыле. Белая масть выделяет понтифика на фоне всех кардиналов (которые едут на черных жеребцах) и снова подчеркивает его святость, его приближенность к Богу.

Белый цвет часто употребляется для подчеркивания контраста. В романе идет расследование убийств и на фоне белого зимнего пейзажа описания кажутся еще более яркими:

...la neve intorno tutta rossa, sciolta in più punti dall'acqua che era stata sparsa, e una gran chiazza scura dove il cadavere era stato disteso (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «...и снег там был ал, а местами (где разлилась вода) сошел. На месте трупa виднелось большое темное пятно».

Verso laudi, cercando nella cella di Berengario, un monaco trovò sotto il pagliericcio un panno bianco sporco di sangue (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «Перед хвалитными обшаривавший келью Беренгара монах наткнулся на белую ткань, пропитанную кровью».

Чаще всего именно красный или алый цвет (в этом примере крови) на белом фоне – на снеге или ткани – используется не просто для того, чтобы выделить зрительный контраст, но также для того, чтобы подчеркнуть всю степень недопустимости преступлений. Белый цвет – цвет чистоты, цвет религии, которая учит любви к ближнему. Белому в рамках произведения противопоставляется красный – цвет крови, цвет начала, но одновременно конца жизни. В переводе смыслообразительная роль цвета обнаруживается благодаря подчеркнутым ассоциациям семантического поля цветообозначения с иными семантическими полями. Так, по данным Русского ассоциативного

¹ Charles R. H. The Revelation of St. John. Edinburgh: T&T CLARK, 1920. Pp. 162–163.

словаря (далее – РАС)², *кровь* устойчиво соотносится с *красная*.

Отметим, что не всегда переводчик выбирает для перевода термина *bianco* слово *белый*. Так, в одном случае она переводит его контекстуальным антонимом:

Anche i signori avevano visi bianchi come i poveri... (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*) – «Даже у господ той земли лица были бескровные, как у бедняков...»

Мы считаем, что в данном случае этот перевод можно считать мотивированным, так как в отрывке речь идет о страшном голоде, который испытывали жители, и словосочетание *бескровные лица* более точно передает смысл, нежели чем «белые лица». Если бы переводчик сохранил цветовой термин «белый», то могли бы возникнуть ложные ассоциативные связи с аристократическим цветом лица (которые актуализировались, например, в примере выше). *Бескровный* – очень бледный; в примере аристократы приравниваются к беднякам, но слово *белый* не сохранило бы сему слова *bianco*, а именно «4. riferito al colore del volto, pallido»³, поэтому в переводе сделан мотивированный выбор в пользу слова *бескровный*.

В другом примере переводчик выбирает контекстуальный синоним слова *bianco*:

E vi son mostri con otto dita per piede, e musi di lupo, unghie adunche, pelle di pecora e latrato di cane, che diventano neri anziché bianchi con la vecchiaia, e di molto eccedono la nostra età (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «У других чудовищ случается и по восьми пальцев на ладони, волчьи морды, когти крючками, шкуры овечьи, покрик собачий; когда стареют, они покрываются не сединой, а чернотой и на множество лет переживают человека».

Слово *bianco* действительно может обозначать седину: «4. ...detto di capelli o di barba, del colore argenteo proprio della vecchiaia»⁴. В данном контексте речь идет именно о старении, и слово *седина* передает это значение (ср.: по данным РАС⁵, седой – старик (52 реакции), дед (20 реакций), старый (11 реакций), волос (9 реакций), белый – нет реакций, связанных со старостью).

Интересно, что в следующем примере переводчик использует не общепринятый неверный перевод *побеленные гробы*, а идиому *повапленные гробы*, принадлежащее к высокому стилю:

² URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

³ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

⁴ URL: <https://www.garzantilinguistica.it/>

⁵ URL: <http://thesaurus.ru/dict/>

Doveva, perché anche in curia c'erano uomini presi dal dubbio, anche i francescani della curia – farisei, sepolcri imbiancati, pronti a vendersi per una prebenda, ma erano presi dal dubbio (*Eco U. Nome della Rosa, 1989*). – «Он был вынужден. Потому что колеблющиеся были даже в курии. Даже куриальные францисканцы, эти фарисеи, гробы повапленные, готовые продаться за пребенду, – даже они тогда сомневались».

В русском языке употребляется причастие *повапленный*, образованное от старославянского глагола *vapiti*, «красить», который, в свою очередь, происходит от древнегреческого существительного *βαφα*, «окраска»¹. Выражение *гробы повапленные* означает «то, что прикрывается наружным блеском, а на самом деле ничтожно, пусто, никуда не годно»². В данном случае решение переводчика актуализировать идиоматическое со-

держание перевести *sepolcri imbiancati* именно с помощью устоявшегося выражения представляется адекватным оригиналу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лексемы *bianco* / *белый* в итальянском и русском языках обнаруживают общие черты в этимологии и в дефинициях лексических значений. Вместе с тем в контексте романа лексема *bianco* репрезентирует авторские смыслы, основанные на традиционных культурных коннотациях.

В исследуемом переводе Е. А. Костюкович, как правило, 1) воспроизводит цветовой компонент *bianco* в аналогичном значении *белый*, 2) стилистически дифференцирует слова *bianco* и *candido*, 3) использует слова, не относящиеся к терминам цветообозначения, ассоциативно и метафорически связанные с ними (*bianco* – *бескровный*, *седой* и под.), 4) актуализирует идиоматические значения выражений, включающих цветообозначения.

¹ URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>

² Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия, 1939. Т. 4. С. 328; Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1960. С. 160.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Das S. R. Recognition of signal colors by a different set of color names // JOSA. 1966. Vol. 56, №. 6. P. 789–794.
2. Россаль В. В. Красное и черное Павезе, или Культурно обусловленные цветоименования в итальянской литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 124–131.
3. Эко У. Имя розы. М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2019.
4. Лотман Ю. М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. М.: Художественная литература, 1998. С. 650–669.
5. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». М.: Астрель, 2011.
6. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / пер. с итал. и комм. А. Н. Ковалёва. СПб.: Symposium, 2006.
7. Grossmann M. Colori e Lessico. Studi Sulla Struttura Semantica Degli Aggettivi Di Colore in Catalano, Castigliano, Italiano, Romeno, Latino Ed Ungherese. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1988.
8. Pianigiani O. Vocabolario etimologico della lingua italiana. Faenza: Polaris, 1993. URL: <https://www.etimo.it>
9. Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд: в 28 вып. / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. Вып. 2.
10. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Stanford: CSLI, 2009.
11. Almalech M. Colors as a semiotic tool for Bible analysis // Sign, Method and the Sacred: New Directions in Semiotic Methodologies for the Study of Religion / edited by Jason Cronbach Van Boom and Thomas-Andreas Pöder. Berlin, Boston: De Gruyter, 2021. P. 243–266.

REFERENCES

1. Das, S. R. (1966). Recognition of signal colors by a different set of color names JOSA, 56 (6), 789–794.
2. Rossal, V. V. (2022). The red and the black in Pavese's novel, or Culturally motivated terms in Italian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (857), 124–131. (In Russ.)
3. Eco, U. (2019). Imya rozy = The Name of the Rose. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS. (In Russ.)
4. Lotman, Y. M. (1998). Vyhod iz labirinta = Exit from the labyrinth. In U. Eco, Imya rozy (pp. 650–669). Moscow: Hudozhestvennaya literature. (In Russ.)
5. Eco, U. (2011). Zаметки na polyah "Imeni rozy" = Postscript to "The Name of the Rose". Moscow: Astrel'. (In Russ.)

6. Eko, U. (2006). Skazat' pochtì to zhe samoe. Opyty o perevode = To say almost the same thing. Experiments on translation, translation and commentaries by A. N. Koval'. St.Petersburg: Symposium. (In Russ.)
7. Grossmann, M. (1988). Colori e Lessico. Studi Sulla Struttura Semantica Degli Aggettivi Di Colore in Catalano, Castigliano, Italiano, Romeno, Latino Ed Ungherese. Tübingen: Gunter Narr Verlag. (In Ital.)
8. Pianigiani, O. (1993). Vocabolario etimologico della lingua italiana. Faenza: Polaris. <https://www.etimo.it> (In Ital.)
9. Trubachyov, O. N. (Ed.). (1985). Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslav. leks. fond = Etymological Dictionary of Slavic Languages: Proto-Slavic Vocabulary (vol. 2): in 28 vols. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Berlin, B., Kay, P. (2009). Basic color terms: Their universality and evolution. Stanford: CSLI.
11. Almalech, M. (2021). Colors as a semiotic tool for Bible analysis. In Jason Cronbach Van Boom and Thomas-Andreas Pöder (ed.), Sign, Method and the Sacred: New Directions in Semiotic Methodologies for the Study of Religion (pp. 243–266). Berlin, Boston: De Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россаль Василисса Владимировна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossal Vasilissa Vladimirovna

Post-graduate student at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_136

«Бывают странные сближенья»: особенности поэтики романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной

К. А. Жулькова

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия
karinazhulkova@rambler.ru*

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ романов «Лавр» Е. Водолазкина и «Дети мои» Г. Яхиной. Анализируется жанровая, композиционная, сюжетная организация произведений, прослеживается сходство в системе образов и мотивов. Утверждается, что «болевые точки» судьбы главных героев во многом совпадают. Однако если в «Лавре» они находятся на линии духовного совершенствования человека (грех – покаяние – искупление) и определяются религиозно-христианским, православным мировоззрением, то в «Детях моих» на первый план выступают не религиозные, а культурно исторические ценности и смыслы.

Ключевые слова: роман «Лавр», Е. Водолазкин, роман «Дети мои», Г. Яхина, жанр, образ, мотив жизни / смерти, бинарные оппозиции, молчание / крик, холод / тепло

Для цитирования: Жулькова К.А. «Бывают странные сближенья»: особенности поэтики романов «Лавр» Е.Водолазкина и «Дети мои» Г.Яхиной // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 136–143. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_136

Original article

“There are Strange Rapprochements”: Features of the Poetics of Novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Children of Mine” by G. Yakhina

Karina A. Zhulkova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
karinazhulkova@rambler.ru*

Abstract. The article provides a comparative analysis of the novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Children of Min” by G. Yakhina. Genre, compositional, plot organization of works is analyzed, identity is traced in the system of images and motives. It is argued that the “pain points” of the fate of the main characters largely coincide. However, if in the “Laurus” they are on the line of spiritual perfection of a person (sin – repentance – redemption) and are determined by the religious-Christian, Orthodox worldview, then in “Children of Min” it is not the religious component that comes to the fore, but the cultural-historical one.

Keywords: novel “Laurus”, E. Vodolazkin, novel “Children of Min”, G. Yakhina, genre, image, motive of life/death, binary oppositions, silence – scream, cold – heat

For citation: Zhulkova, K. A. (2022). “There are Strange Rapprochements”: Features of the Poetics of Novels “Laurus” by E. Vodolazkin and “Children of Mine” by G. Yakhina. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 136–143. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_136

ВВЕДЕНИЕ

В российской прозе XXI века заметное место заняли интеллектуальные романы, к которым, несомненно, относятся «Лавр» Е. Водолазкина (2012) и «Дети мои» Г. Яхиной (2018). От внимания литературоведов, критиков и читателей не ускользнуло их сходство. Н. И. Павлова отмечает, что в «Детях моих» Г. Яхиной «линия Баха и Клары перекликается с Арсением и Устиной из «Лавра» Е. Водолазкина» [Павлова, 2018, с. 55]. Н. Курчатова среди «явных источников вдохновения» Г. Яхиной находит «(кроме сказок) <...> внезапно, роман Евгения Водолазкина «Лавр», иные коллизии которого повторяются <...> почти буквально»¹. Читатели обвиняют Г. Яхину в том, что первую часть романа она «словом списала с «Лавра» Е. Водолазкина»².

Стоит напомнить, что знаменитая фраза «гений чистой красоты», ассоциирующаяся в читательском сознании с именем А. С. Пушкина, тем не менее, принадлежит его старшему собрату по перу В. А. Жуковскому. А тема поэтического бессмертия, получившая особенное развитие в русской лирике XVIII, XIX и XX вв. в творчестве М. Ломоносова, Г. Державина, К. Батюшкова, А. Пушкина, А. Фета, В. Брюсова, И. Бродского и др., была поднята еще Горацием в I в. до н. э. «Подражание», таким образом, не всегда уступает первоисточнику.

К написанию романа «Дети мои» Г. Яхина приступила в 2016 г., т. е. спустя четыре года после появления «Лавра». Романы взаимно близки не только сюжетными линиями, личностными коллизиями. Сопоставительный анализ позволяет выявить взаимное сходство романов на всех уровнях текста, убеждая, однако, не в формальном подражании, тем более не в эпигонском следовании Яхиной Водолазкин, а в более глубоком изоморфизме, существующем между двумя романами. Роман «Дети мои» Г. Яхиной вполне можно рассматривать как диалог с автором «Лавра».

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРОВОЙ, КОМПОЗИЦИОННОЙ, СЮЖЕТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ

Новая эстетическая реальность создается авторами обоих романов в результате слияния различных жанровых форм.

¹ Гузель Яхина. «Дети мои». Большой русский постмодернизм. О новом романе самой успешной дебютантки последних лет размышляет Наталия Курчатова. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2019/08/09/guzel-yakhina-deti-moi-bolshoy-russk>

² Разбор сюжетных недостатков в романе «Дети мои» Г. Яхиной. URL: <https://www.livelib.ru/review/1163205-deti-moi-guzel-yakhina>

Преодоление «антиномии романного и житийного начал» в «Лавре», при котором осуществляется «взаимовлияние и прорастание одного в другом» [Шайкин, 2020, с. 98], подробно прослеживается А. А. Шайкиным [там же; Шайкин, 2021].

Жанровый синкретизм, «буйную жанровую игру»³, отмечают и многие исследователи романа «Дети мои». По мнению Н. И. Павловой, именно «жанровая многослойность», позволяет «определить специфику авторского письма – самобытного и узнаваемого на фоне современной отечественной прозы» [Павлова, 2018, с. 64], а Е. В. Терентьева считает особой приметой авторского стиля Яхиной жанровые черты сказки [Терентьева, 2020, с. 566].

Таким образом, синтезируя различные жанровые формы: роман-житие (Е. Водолазкин) и роман-сказка (Г. Яхина), писатели создают уникальную картину мира, в которой реальное и ирреальное сосуществуют в неразрывном единстве. Такое сращение многофункционально. Оно позволяет авторам раздвинуть границы времени и пространства, поставить вопросы, нацеленные на постижение внутренней сущности личности, ее духовной и исторической составляющей, сосредоточить внимание на выявлении глубинных процессов, происходящих в душе человека, избирающего путь служения.

Романы близки композиционно. «Лавр» состоит из «Книги познания», «Книги отречения», «Книги пути» и «Книги покоя», предваряемых предисловием («Пролегомена»). Роман «Дети мои» делится на пять частей: «Жена», «Дочь», «Ученик», «Сын», «Дети», дополненных эпилогом. Как у Е. Водолазкина, так и у Г. Яхиной структура определяется периодами жизни главного героя. Интересно, что особенности духовного пути главных героев обоих романов во многих отношениях взаимно соотносимы. Что же может быть общего в жизни средневекового целителя Арсения-Лавра и шульмейстера Якоба Баха из поволжской школы 1920-х годов?

Прежде всего, совпадают «болевы точки» их судеб. Несмотря на то что роман «Лавр» начинается с рождения героя, а Якоб Бах предстает перед читателем уже в зрелом возрасте, события, коренным образом изменившие их жизнь, настолько сходны, что названия частей, в которых описаны события, поворотные для персонажей Е. Водолазкина и Г. Яхиной, можно легко подвергнуть взаимозамене. Первую часть романа «Дети мои» можно было бы озаглавить «Книга познания», а первую

³ Юзефович Г. Гузель Яхина выпустила роман о поволжском немце «Дети мои». С отсылками к Толкиену. Зачем ей понадобился фэнтези-мир? URL: <https://meduza.io/feature/2018/05/06/guzel-yakhina-vypustila-roman-o-povolzhskom-nemtse-deti-moi-s-otsylkami-k-tolkienu>

книгу «Лавра» назвать «Жена». Оба текста проникнуты библейскими мотивами. Аллюзии на Эдемский сад, где в счастливом уединении пребывают Адам и Ева, по-разному акцентированы в романах, однако одинаково красноречивы.

Само название первой части романа Е. Водолазкин («Книга познания») отсылает к библейской книге Бытия, в которой древо познания, посаженное Богом в Эдемском саду, становится центром сюжета о грехопадении. Предостережением, данным Адаму: «...от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь» (Быт. 2:17), – пренебрегает сотворенная из его ребра Ева. Вкусив запретный плод, нарушает гармонию мироздания, утрачивает возможность срывать плоды с древа жизни, дарующего бессмертие.

Аллюзия на библейский миф многократно усиливается автором «Лавра» как с помощью прямых отсылок, звучащих, например, в словах деда Христофора, наставляющего отрока Арсения: «Со времени грехопадения Адама и Евы люди более не творятся Господом, но сами рожают своих детей. Впоследствии же они умирают, потому что с даром рождения обрели дар смерти» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 38), – или в поучениях старца Никандра: «Каждый из нас повторяет путь Адама и с потерей невинности осознает, что смертен» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 39), так и посредством упоминаний о том, что возмужавший уже Арсений, обучая рыжеволосую Устину, видел в ней глину, из которой «лепил себе жену» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 83), описаний уединения, которое создает Арсений, пряча от людей свою невенчанную жену и никого не допуская в мир, «где существовали только он и Устина» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 84) и др. Усиление религиозных настроений объясняется авторским стремлением показать исходную точку на пути духовного совершенствования человека (грех – покаяние – искупление), связывая его с религиозно-христианским, православным мировоззрением. Иначе расставлены акценты в романе Яхиной «Дети мои». Несмотря на то, что миф об Адаме и Еве проглядывает сквозь сюжетную канву (уединенное, райское существование Баха с полюбившей его ученицей Кларой на хуторе Удо Гримма) и подчеркивается образами-символами (яблоневый сад, яблоки), он имеет иные коннотации. Для Яхиной ассоциация с Эдемским садом вторична, писательнице важнее создать сказочный, изолированный от реальности мир, который будет контрастировать с миром реальным. Яблоко – не только запретный плод с древа познания, не только символ жизни, появляющийся в самых знаковых фрагментах романа, но и, по мнению Е. В. Терентьевой,

«волшебный артефакт», «ничего не меняющий самостоятельно, но являющийся почти такой же незыблемой величиной, как сама Волга – Река, граница, грань между двумя сторонами мира» [Терентьева, 2020, с. 568].

Река – один из наиболее важных образов-концептов в художественном пространстве романа «Дети мои»¹. Первая же фраза романа звучит так: «Волга разделила мир надвое» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 13). Между тем река не всегда разграничивает берега, берега реальности и сказки, а порой становится «перевертышем», когда «нутряной быт» и «золотой сад» меняются местами [Терентьева, 2020, с. 570]. Подобно реке забвения Лете или Стиксу, по которому Хронос переправляет души мертвых, Волга в романе Г. Яхиной является неким порталом, соединяющим мир живых и мертвых, она забирает умерших, но сохраняет память о них. Проходить сквозь этот портал никому не позволено. Однако гнадентальцы подозревают, что Бах живет «вовсе и не на том берегу, а где-нибудь на дне Волги, вместе с рыбами». И спрашивают у него: «Может, и сам ты рыба? Оборачиваешься раз в неделю человеком, а остальное время лежишь на дне, плавниками поводишь да над нами посмеиваешься?» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 243). Близость Баха природе, не единожды подчеркнутая автором², его уникальность, избранность, позволяют ему сквозь этот портал проходить. С недоумением он замечает в себе такой дар: «И что это за вода – мягкая и ласковая, но бездушно волокущая вперед? Сохраняющая людей, животных, предметы в том же состоянии, в каком они погрузились в нее? Чутко охраняющая сон мертвецов и не дающая побыть с ними дольше мгновения? И зачем ему, Баху, быть в этой воде, если сам он еще не умер?» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 479).

Аналогичную функцию в романе «Лавр» выполняет образ-концепт кладбища³. Он также является «мифологическим междумирьем, и местом памяти, и пространством диалога» [Гудин, 2021, с. 2305]. Уже с детства по научению старца Никандра Арсений знал, что на кладбище «лежат живые люди» и что «для Бога все живы» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 38). Однако с первых же глав романа автор намеренно десакрализует этот образ (например, в сцене отроческой исповеди Арсения), а, следовательно,

¹ Река – один из центральных топосов и в первом романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015).

² Даже фамилия героя образована от нем. Bach – «ручей».

³ Образ кладбища, по свидетельству Ф. Камани, является в прозе Е. Е. Водолазкина ключевым и наблюдается в его романах «Соловьев и Ларионов» (2009), «Лавр» (2012), «Авиатор» (2016), в рассказах «Близкие друзья» (2009), «Кунсткамера в лицах» (2014), «Какие разные Похороны» (2017).

стирает различие между «сакральным» и «профанным» миром, миром мертвых и живых. В сознании Арсения эти миры взаимопроницаемы. Врачуя людей, он балансирует между жизнью и смертью в борьбе за их выздоровление. Спасая в Белозерске тяжелобольных княгиню и ее дочь, всю ночь обрабатывая их чумные язвы, Арсений чувствует в себе умение следить за процессом противоборства жизни и смерти и даже управлять им, в нужные минуты передавая «все жизненное, что мог в себе найти» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 133): «Когда утром пришли к ним в комнату, Арсений сидел без движения на полу и держал ребенка за руку. Вошедшим показалось, что он мертв. Что мертвы и княгиня с дочерью. Но Арсений был жив. А княгиня с дочерью были хотя еще очень слабы, но – здоровы» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 134).

МОТИВ ЖИЗНИ / СМЕРТИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ «МОЛЧАНИЕ / КРИК» И «ХОЛОД / ТЕПЛО»

Мотив жизни / смерти приобретает в обоих романах доминантное значение, обнажая такие бинарные оппозиции, как «молчание / крик» и «холод / тепло».

В романе «Лавр» «естественные смерти-уходы» противостоят смертям насильственным и смертям без причастия [Махихина, Сидорова, 2017, с. 176]. Самые страшные из них – кончина невенчанной жены Арсения Устины и их новорожденного сына. Описанию этих смертей посвящены самые пронзительные страницы «Книги познания».

Беспредельная любовь, страстное стремление к безраздельному обладанию, гордыня приводят Арсения к трагедии. Описывая, как самонадеянно отказавшись от повитухи, он принимает роды, писатель акцентирует оппозицию молчания / крика, которая в художественном пространстве «Лавра» напрямую соотносится с мотивом жизни / смерти: «Услышал страшный крик Устины. Младенец был в руках Арсения. Появившись на свет, он не закричал <...>. Еще раз шлепнул. Младенец по-прежнему молчал» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 96).

Актуализируются в эпизоде смерти Устины и другие значимые для автора мотивы и образы. Находясь в забытии, во сне, Арсений подобно Исааку, видит Смерть, проносясь в его голове читанные некогда дедом Христофором строки: «Не могу вынести твоей славы и вижу, что красота твоя не от мира сего» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 99). Смерть в глазах героя приобретает визуальность, становится реальной, одушевляется, очеловечивается. Она держит душу Устины за руку, уводит ее,

говорит с Арсением и даже утешает его. «Привыкай к разлуке, сказала Смерть, которая хотя и временна, но болезненна» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 99). Так, сама Смерть указывает на возможность жизни вечной.

Однако Арсений не может смириться. Несколько дней он проводит рядом с умершей, не желая верить очевидному. Изба выхолаживается. В надежде воскресить любимую он принимается топить печь, что способствует только ускорению разложения. Важно отметить, что исходящее из печи тепло – символический эквивалент телесности. Устина пришла к Арсению с теплом весны, вызвав в нем страстное желание. Близость сброшенных Устиной лохмотьев к печи, к огню решила дело, одним движением Арсений избавился от них. Сказочный сюжет, когда лягушиная шкурка оказывается сожженной, а ее обладательница вследствие этого обреченной на плен, предсказывает дальнейшее развитие событий. Устине предстоит добровольное, но длительное заточение в доме любимого. Во всем облике Устины в эпизоде, предшествующем их первой близости, тепло играет важную роль: они сидели у очага, и Арсений наблюдал за игрой света в ее волосах, «соприродных пламени», а когда Устина легла рядом с ним, в ее глазах «мерцало отражение печных угольев», он чувствовал ее «теплое дыхание» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 74).

Холод же ассоциируется со смертью. Накрывая могилу Христофора кожухом, растапливая печь для давно умершей Устины, Арсений тщится вернуть телесность любимым. Однако холод пронизывает его самого, и только отрехшись от собственной жизни, нарекаясь Устином в стремлении отомстить любимую, он вдруг перестает чувствовать холод, как будто собственное тело перестает ему принадлежать.

Тело же Устины с младенцем придается земле не на кладбище, а в скудельнице, или божедомке, где лежали «погибшие от мора, странники, удушенные, некрещенные младенцы и самоубийцы» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 107). Душа Устины беспомощна. Потеряв телесность, она потеряла и надежду на спасение: «Спасаются ведь только в земной жизни» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 112).

Вместе со страшным осознанием собственной вины, пониманием того, что сам лишил земной жизни любимую, не дав ей шанса на спасение, Арсений приходит к решению отречься от собственной телесности, умертвить плоть, посвятить себя молитве о прощении Устины. В этом стремлении герой превращает свою жизнь в непрерывный подвиг служения. Имя Устин маркирует мотив «перевоплощения и обряд инициации», дающий возможность осуществлять переход из одной ипостаси в другую,

«инициация – духовное рождение и становление героя» [Алешина, Зайцева, Торосян, 2021, с. 80].

Название второй книги «Лавра», отсылающее к таинству крещения, во время которого священник трижды вопрошает об отречении от греха, от несправедливой жизни, от сатаны, вновь заставляет увидеть в Арсении-Устине житийного героя. Каждым своим поступком Устин будто произносит: «отрекаюсь». Мотив молчания становится в этой книге преобладающим. «Я тепел, сказал Арсений Устине. Я... тепел и жив. Сейчас я спасен ради одной лишь тебя... Не хочу отныне говорить ни с кем, кроме тебя, любовь моя» (*Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 162*). Внутренний диалог с любимой делает ненужным произнесение слов. Арсений-Устин становится молчаливником, а грань между миром живых и мертвых – еще большей иллюзией.

Отказавшись от телесности, герой, как Орфей за Эвридикой, проникает в мир мертвых. Это уже не детское притворство, испугавшее некогда деда Христофора, не бессознательное пограничное состояние, в которое он впадал при попытках оживить Устину, а осмысленное пребывание между мирами.

Подобные мотивы и образы, но с иной смысловой нагрузкой присутствуют в романе «Дети мои». Само название, которое является и цитатой из обращения императрицы Екатерины к привезенным ею в Россию немецким колонистам, и словами Послания Иоанна (4:1-6), советующего отличать «духа истины от духа заблуждения», а также «символической рифмой» к первой строчке молитвы «Отче наш» [Лисенкова, 2020, с. 393], указывает на то, что духовная жизнь человека неотделима от общественного сознания и не может быть не связанной с жизнью и историей его народа.

В силу такой идейной установки мотив жизни / смерти приобретает иное, нежели в «Лавре», концептуальное звучание, согласно которому роман читается «как *реквием* по безвозвратно утраченной истории целого народа» [Павлова, 2021, с. 244].

Тема греха, возмездия и покаяния, в высшей степени традиционная для русской классической литературы и акцентированная в «Лавре», в «Детях моих» не является ведущей, поскольку на первый план выводится не религиозный компонент, а культурно-эстетический компонент. Клара живет с Бахом без отцовского благословения и даже вопреки воле отца. Однако в отличие от Арсения Бах не противился венчанию. Оно не состоялось не по его вине. Пастор отказался обвенчать молодых из-за отсутствия у Клары свидетельства о конфирмации и прочих документов. А гнабентальцы мгновенно возненавидели «сомнительную фройляйн» и «безнравственного шульмейстера» и изгнали их из

колонии. Впрочем, такой исход скорее радует Баха, испытывающего постоянный страх потерять любимую и не желающего ни с кем делить общение с ней.

Идиллический, сказочный мир Баха и Клары противопоставлен в романе миру исторических реалий начала XX в. «Дом Баха – обитель жизни на фоне происходящей смерти по ту сторону Волги. И переправа ... напоминает путь в царство мертвых», – отмечает Павлова, ссылаясь на увиденные Бахом во время вылазок на левый берег картины голода, «убийств, умирания и смерти» [Павлова, 2021, с. 245]. Но закрыться от реального мира навсегда, спрятаться от его ужасов совсем оказывается невозможным. Незванные гости, надругавшиеся над Кларой, разрушают идиллию. Примечательно, что бинарная оппозиция молчания / крика, в «Лавре» связанная с мотивом жизни / смерти, в «Детях моих» играет несколько иную роль, указывая на бессознательное стремление героя уйти от действительности. Понимая, какому зверству должна подвергнуться Клара, Бах «закричал»: «Кричал так громко, что сам оглох от собственного крика» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 116*). Сознание Баха отказывалось воспринимать страшную реальность. Очнувшись он только тогда, когда незнакомцы покинули дом. И с «того дня разговаривать перестал» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 119*). Если молчание Арсения-Устина – это молчание-молитва, осознанный акт приближения к миру мертвых, то молчание Баха – подсознательное действие, естественная потребность спрятаться от грубой и жестокой реальности. По замечанию О.А. Лисенковой, онемение героя символизирует «молчащее поколение» [Лисенкова, 2020, с. 389].

Другая бинарная оппозиция холода / тепла так же, как и в «Лавре», связанная с мотивом жизни / смерти, приобретает в «Детях моих» дополнительные значения, предопределенные жанровым своеобразием романа. Подобно Арсению Бах принимает роды у любимой. После появления на свет девочки, он выбегает на улицу, ест снег, «торопливо глотая хрустящие на зубах ледяные комки и не чувствуя холода в горле» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 125*), надевает кожаную куртку «не для тепла, в которой теперь, очевидно, не нуждался» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 139*), а сунув руку в ведро, не может понять «холодная она или теплая» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 141*), ведь его «ладони, касаясь льда, мерзлого дерева и металла» не чувствуют холода (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 140*). Потеря чувствительности сопровождается потерей способности понимать происходящее. Смерть Клары принимается за сон: «Как глубоко она спала! Бледная, как вылепленная из снега» (*Яхина Г. Ш. Дети мои. 2020. С. 140*). Бах силится осознать случившееся,

глядя на «снежно-белое» тело любимой. Но даже когда решает уложить ее в ледник – «низкий деревянный ящик, заполненный кусками колотого льда вперемешку со снегом» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 141), еще считает ее живой, хочет потом, после того как вымоет дом, забрать ее, повторяя: «Надеюсь, ты не замерзнешь» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 141). И только исходящий от ребенка жар наполняет Баха «долгожданным теплом», заставляет сознание пробудиться, растапливает слезы, которые мгновенно высыхают, обернувшись «горячей, выжигающей изнутри тоской» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 143).

Сказочные коннотации, обусловленные жанровой спецификой романа, проявляются в облике возлюбленной. Аллюзия на сказку братьев Гримм о «Белоснежке и семи гномах», особенно любимую русскими читателями в стихотворном переложении Пушкина, где перед героем «во мгле печальной, / Гроб качается хрустальный, / И в хрустальном гробе том / Спит царевна вечным сном», – проявляется в эпизодах, когда Бах приходит в ледник смотреть на Клару: «Подумалось: а ведь все прошедшие годы он желал именно этого. Сидеть и смотреть на любимую женщину – бесконечно. Владеть ею – безраздельно. Вот и настало время <...>. Теперь можно было созерцать самую важную в жизни картину, не отвлекаясь ... на земную суету» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 144–145).

Однако в отличие от верующего Арсения «человек без искренней веры в сердце» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 107). Бах не задумывается о встрече с возлюбленной в мире ином. Желание быть вместе с любимой, заставляет его усилием воли проникнуть в лед, застыть в нем, «ощущая рядом с собой холодное и твердое Кларино тело», самому «превращаясь в холодное и твердое» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 147). Эта сцена напоминает уход деда Христофора в романе «Лавр», когда Арсений, читая над дедом Вечную Книгу, краем глаза видит, что, «слегка подвинув Христофора», старец Никандр устраивается рядом с ним на лавке (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 60): «Оба были одинаково неподвижны, и оба как бы мертвы. Арсений, однако же, знал, что мертв из них был только Христофор. Временное омертвление Никандра было проявлением солидарности. Чтобы поддержать Христофора, он решил проделать с ним первые шаги в смерть. Потому что первые шаги – самые трудные» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 60). Авторская ирония, сквозящая в этом фрагменте и в словах Никандра, произнесенных по поводу похорон Христофора, лишает уход праведника трагизма: «Проводивший дни жизни своей в доме у кладбища, дни своей смерти он будет проводить

на кладбище у дома. Убеден, что подобная симметрия покойным только приветствуется» (Водолазкин Е. Г. *Лавр*. 2021. С. 61). Е. Водолазкину важно показать смерть как переход в жизнь вечную. Г. Яхиной же – подчеркнуть стремление героя любыми способами уйти от действительности, пусть даже в холодное небытие.

Но реальность вторгается в мир Баха вместе с младенцем, «нестерпимо горячим и голосистым, требовательным и наглым, не дающим быть рядом с Кларой» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 149). Знаменательно, что Анче рождается в один день с Советской республикой немцев Поволжья. Так, действительность, отрицаемая, не принимаемая Бахом, неотвратимо входит в его жизнь. Бах становится отшельником, посвящая свою жизнь служению, но не служению любви и Богу, которое присуще Арсению, а служению любви и Творчеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оба героя, отрекаясь от себя, приобретают уникальные способности: Арсений – дар целительства, Бах – дар творчества. Несмотря на то, что один живет в Средневековье, другой – в XX веке; один русский врачеватель, другой – немецкий учитель, оба являются носителями национального культурного кода. Лавр, пройдя через грех, покаяние к искуплению становится святым, Бах – сказочником-демиургом.

Показательны финалы романов. Бах пытается раствориться в Волге, но тогда, когда уже «самая малость оставалась ему до мгновения, когда ток его крови заменит речное течение» (Яхина Г. Ш. *Дети мои*. 2020. С. 483), его резко дергают, кидая на дно лодки, слышится только хруст льдин о бока ялика, Баху приходится заново учиться дышать. Он насильно вырван из ледяного небытия. Из эпилога читатель узнает, что Яков Иванович Бах в 1938 г. был арестован, а в 1946 г. погиб при обвале шахты вместе с одиннадцатью заключенными. Единственным примиряющим с действительностью фактом становится издание сборника сказок советских немцев, осуществленное приемным сыном Баха Василием Волгиным, ставшим учителем немецкого языка.

Арсений же (в отшельничестве Лавр) в конце своей земной жизни переживает события, соотносимые с роковыми днями его молодости. Он признает себя отцом ребенка обесчещенной мельником Анастасии. Искупление греха достигается в момент родов Анастасии, когда в сознании Лавра ее образ сливается с образом Устины. Замыкается круг. Рождение мальчика утверждает идею воскресения. Приняв роды, услышав крик младенца, Лавр умирает. Анастасия, проснувшись, видит, что

Лавр сидит, прислонившись к сосне, с ребенком на руках: «В объятиях Лавра ему тепло» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 435). Душа праведника возносится на небеса, а тело, как сообщалось еще в «Прологомене», пролежав под открытым небом много дней, исчезает: «...будто его обладатель устал лежать. Встал и ушел» (Водолазкин Е. Г. Лавр. 2021. С. 9).

Таким образом, сходные жанровые, композиционные, сюжетные особенности произведений, а также тождество в системе образов и мотивов несут в романах Е. Водолазкина «Лавр» и Г. Яхиной «Дети мои» разную смысловую нагрузку, связанную с идейно-философскими установками авторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Павлова Н. И. Поэтика визуальности в романе Г. Яхиной «Дети мои»: к вопросу о феномене литературного успеха // Культура и текст. 2018. № 3 (34). С. 52–66.
2. Шайкин А. А. Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Е. Водолазкина (Часть первая) // Словесность и история. 2020. № 4. С. 98–148.
3. Шайкин А. А. Житийный герой в романном повествовании: «Лавр» Евгения Е. Водолазкина (Часть вторая) // Словесность и история. 2021. № 1. С. 119–157.
4. Терентьева Е. В. Жанровые черты сказки в романах Гузель Яхиной как примета авторского стиля // Автор – текст – Читатель: теория и практика анализа: материалы Седьмых междунар. науч. чтений. Калуга, 2020. С. 566–574.
5. Гудин Д. С. Кинематографичность прозы Е. Г. Водолазкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 8. С. 2301–2306.
6. Махихина Н., Сидорова М. Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 174–178.
7. Алешина Л. Н., Зайцева И. А., Торосян А. С. Мифопоэтическая картина мира в романе Е. Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 1. С. 78–87.
8. Лисенкова О. А. Мифическое и профанное время в романе «Дети мои» Гузели Яхиной // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности. Коллективная монография. Н-Новгород, 2020. С. 385–394.
9. Павлова Н. И. Сказка – миф – логос в поэтике романа Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 237–247.

REFERENCES

1. Pavlova, N. I. (2018). Poetika visual'nosti v romane G. Yakhinoy "Deti moi" = Poetics of the by G. Yakhina "Children of main": revisiting the phenomenon of literary. Culture and text, 3 (34), 52–66. (In Russ.)
2. Shaikin, A. A. (2020). A hagiographic hero in a novelistic narrative: Laurus by Eugene Vodolazkin (Part One). Literature and history, 4, 98–148. (In Russ.)
3. Shaikin, A. A. (2021). A hagiographic hero in a novelistic narrative: Laurus by Eugene Vodolazkin (Part Two). Literature and history. Literature and history, 1, 119–157. (In Russ.)
4. Terent'eva, E. V. (2020). Zhanrovyye cherty skazki v romanach G. Yakhinoy kak primeta avtorskogo stilya = Genre traits of a fairy tale in G. Yakhina's novels as a sign of the author's style. Author – text – reader: theory and practice of analysis: materials of the 7th International Scientific Readings. Kaluga, 566–574. (In Russ.)
5. Gudin, D. S. (2021). Cinematographicity of E. G. Vodolazkin's Prose. Philological Sciences. Questions of theory and practice. Vol. 14. Issue. 8, 2301–2306. (In Russ.)
6. Machinina, N., Sidorova, M. (2017). The death / birth mythologeme in E. Vodolazkin's novel "Laurus". Philology and culture, 2 (48), 174–178. (In Russ.)
7. Aleshina, L., Zaytseva, I., Torosyan, A. (2021). The mythopoetic picture of the world in the novel by E. Vodolazkin «Laurus». Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, 1, 78–87. (In Russ.)
8. Lisenkova, O. A. (2020). Mythical time and profane time Guzel Yakhina's novel "My Children". Paradigms of cultural memory and constants of national identity. Collective monograph. Nizhny Novgorod, 385–394. (In Russ.)
9. Pavlova, N. I. (2021). Fairy tale – myth – logos in the poetics of G. Yakhina's novel "Children of mine". Bulletin of Slavic cultures, 59, 237–247. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жулькова Карина Алеговна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhulkova Karina Alegovna

PhD (Philology), Senior Researcher of Literary Studies Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 12.04.2022	The article was submitted 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022	approved after reviewing 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022	accepted for publication 16.05.2022

Научная статья
УДК 82–344
DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_144

Подлинная мистика, правдивая история: баллады, легенды и образ Белой Дамы в романах «Ламмермурская невеста» и «Монастырь» В. Скотта

Е. И. Колосова

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия
kolosova@inion.ru

Аннотация. В статье рассматриваются критические суждения В. Скотта о готической литературной традиции, которые изложены им в предисловии к роману Х. Уолпола «Замок Отранто». На примере романов «Ламмермурская невеста» и «Монастырь» анализируется образ Белой Дамы, народные легенды и баллады, с помощью которых писатель обращается к своей национальной истории и традиции, тем самым утверждая особый шотландский вариант готики.

Ключевые слова: Вальтер Скотт, Хорас Уолпол, шотландский готический роман, готика, сверхъестественное, мистика, ужас, Белая Дама, баллада

Для цитирования: Колосова Е. И. Подлинная мистика, правдивая история: баллады, легенды и образ белой дамы в романах «Ламмермурская невеста» и «Монастырь» В. Скотта // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 144–150. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_144

Original article

Genuine Mysticism, True Story: Ballads, Legends and the Image of the White Lady in W. Scott's «The Bride of Lammermoor» and «The Monastery»

Ekaterina I. Kolosova

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kolosova@inion.ru

Abstract. The article considers Walter Scott's critical views of the Gothic literary tradition, which he set out in the preface to H. Walpole's *The Castle of Otranto*. The use of the White Lady figure, folk legends and ballads in *The Bride of Lammermoor* and *The Monastery* is analyzed to show how the writer refers to his national history and tradition, thereby establishing a special Scottish version of *gothic*.

Keywords: Walter Scott, Horace Walpole, Scottish Gothic Novel, Gothic, supernatural, mystic, horror, White Lady, ballad

For citation: Kolosova, E. I. (2022). Genuine mysticism, true story: ballads, legends and the image of the White Lady in W. Scott's «The Bride of Lammermoor» and «The Monastery». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 144–150. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_144

ВВЕДЕНИЕ

С романами Вальтера Скотта (1771–1832) в британскую литературу входит новый жанр – шотландский готический роман. Как считают некоторые исследователи, он обладает рядом отличительных особенностей. Й. Дункан заметил, что в шотландском готическом романе всегда присутствует национальное (будь то отражение шотландского колорита или исторических и политических реалий) и сверхъестественное (обращение к балладной традиции, легендам, народным суевериям) [Duncan, 2012, с. 123–124]. В шотландских готических романах, в отличие от английских, описывались события исторического прошлого, и по этой причине, на первый взгляд, может показаться, что шотландские авторы дистанцировались от злободневных тем и событий. Однако, используя исторический материал, они осмыслили и современность. Все эти черты, несомненно, присутствуют и в романистике Скотта, несмотря на то, что сам писатель подвергал готическую литературную традицию серьезной критике.

Важную для готической литературы категорию прекрасного Скотт понимал иначе, нежели просветители. В отличие от своих учителей-философов (Ф. Хатчесона и Д. Юма) он не настаивал на строгой связи чувства эстетического наслаждения с рациональным началом и процессом познания. Просветители полагали, что, прежде всего, воспитывает вкус и доставляет наслаждение эстетическая гармония, та идеальная красота, к которой стремилось еще античное искусство. В противоположность этому Скотт в романтическом духе считал прекрасной «варварскую» средневековую культуру и все, что было овеяно духом прошлого. Однако именно с просветительских позиций писатель подверг переосмыслению представление об эстетической ценности «готического» пейзажа. Созерцание старинных развалин замков предполагало в готической традиции меланхолические размышления о величии прошлого, но модные в конце XVIII в. сооружения в старинном духе, по убеждению писателя, уже не содержали того духовного заряда, который был в подлинной, стремящейся к божественной гармонии, готике.

ВЗГЛЯД В. СКОТТА НА ЭСТЕТИКУ ГОТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Свою позицию Скотт изложил в предисловии к роману Х. Уолпола «Замок Отранто» (*The Castle of Otranto*, 1764) [Скотт, 1967]. В 1811 г. он писал, что в XVIII в. невозможно было возвести готическое здание, которое вызывало бы у современников

чувство, появляющееся при соприкосновении с аутентичным средневековым сооружением: «Оно может быть величественным или мрачным, оно может внушать нам возвышенные или печальные мысли, но оно не пробудит в нас ощущения мистического ужаса, неотделимого от зал, где звучали голоса наших далеких предков, где раздавались шаги тех, кто давным-давно сошел в могилу» (пер. Е. В. Шора) [Скотт, 1967]. По мнению писателя, новейшая мода не пощадила старинную архитектуру, устранив из нее те мнимые изъяны, которые усиливали чувство мистического ужаса. Он приводит в качестве примера одну из немногочисленных старинных усадеб с «огромными и нелепыми фигурами, едва проступающими на поблекших гобеленах» и «едва различимыми во мгле портретами древних рыцарей, некогда знаменитых своей доблестью» [там же] и говорит о том, что одной ночи в подобной обстановке было бы достаточно, чтобы ощутить отличие подлинной старины от новомодных попыток реконструкции.

Эстетике литературной готической традиции, по Скотту, не хватало подлинности. Так, он критиковал Уолпола за обилие сверхъестественных элементов в «Залке Отранто», которое мешало «современному читателю» воспринимать сюжет романа всерьез: «Но у нас иные привычки, чувства и верования, и преходящее, хотя и яркое впечатление, – это все, к чему сводится воздействие волшебной сказки на ум нашего современника, даже если он наделен весьма живым воображением. Громоздя чудеса на чудеса, м-р Уолпол рискует вызвать самый нежелательный для него результат – пробудить *la raison froide*, тот холодный здравый смысл, который он по справедливости считал злейшим врагом искомого им эффекта» [там же]. Это неприятие холодного здравого смысла побуждает Скотта отвергнуть просветительскую идею способности разума подчинить себе всю культуру целиком и объяснить любые явления. Его концепция исключала рациональное объяснение сверхъестественного. В противоположность Вальтеру Скотту А. Радклиф стремилась объяснить в финале своих произведений иррациональное естественными причинами, и именно за это Скотт упрекал ее. В его представлении, данный подход чужд подлинному духу Средневековья. Люди Средневековья не искали объяснения суевериям, а значит, любая рационализация выглядит неправдоподобной. Анна Радклиф, напротив, совмещала повествование о невероятных событиях с попытками их разумно объяснить: «Миссис Рэдклифф, чье имя должно произносить с уважением, обычно воздаваемым таланту, постаралась осуществить компромисс между этими двумя различными типами повествования, объясняя в

последних главах своих романов все чудеса естественными причинами. Против такого усовершенствования готического романа можно выставить столько возражений, что мы лично склонны предпочесть, как более простую и впечатляющую, повествовательную манеру Уолпола, который рассказывает о сверхъестественных событиях с точки зрения людей одиннадцатого или двенадцатого столетия, охотно веривших в чудеса»¹ [Скотт, 1967].

Принципы, по которым сверхъестественное включалось в картину мира средневекового человека, Скотт разъяснял с опорой на целый комплекс взаимосвязанных обстоятельств, в первую очередь, обращая внимание на состояние науки, на уровень научных знаний и отсутствие доступного образования для низших сословий. Суеверия виделись писателю исторически обусловленной частью человеческого сознания. Исходя из этого, писатель оценивал и художественные произведения, повествующие об историческом прошлом. Так, в предисловии к «Замку Отранто» писатель приходит к выводу о том, что мотивы сверхъестественного должны оставаться неотъемлемой частью исторического метода, хотя и в умеренных количествах, чтобы способствовать более точному воспроизведению психологии избранного для повествования периода. Чтобы достоверно передать дух времени и вызвать нечто сродни мистическому страху, «... форма и содержание всей истории должны наилучшим образом способствовать действию главной пружины интереса» [Скотт, 1967]. Как и в псевдоготической архитектуре XVIII в., которую Скотт критиковал за отсутствие подлинности вследствие слишком рьяного «устранения мнимых изъянов» [там же], в художественном повествовании недостаток сверхъестественных элементов, как и, напротив, их нагромождение, могут привести к неверному воспроизведению исторического духа, поэтому писателю нужно следить за тем, чтобы избегать обеих крайностей.

КАТЕГОРИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В РОМАНАХ В. СКОТТА

Практически во всех романах Скотта найдется персонаж, владеющий магическим даром, изрекающий пророчества или проводящий колдовские ритуалы. В ряде произведений сверхъестественное и фантастическое не только создают исторический антураж, но и играют сюжетообразующую роль, что позволяет отнести их к жанру шотландского готического романа. Среди таких произведений – «Ламмермурская невеста» (*The Bride of Lammermoor*, 1819) и «Монастырь» (*The Monastery*, 1820).

¹ Перевод В. Е. Шора.

Сюжет «Ламмермурской невесты» основан на реальной трагической истории, которую Скотт услышал в детстве от своей двоюродной бабушки по материнской линии Маргарет Суинтон. Прототипом Люси Эштон стала Дженет Далримпл (Janet Dalrymple), дочь известного государственного деятеля и юриста Джеймса Далримпла (1619–1695). Этот род знатных землевладельцев оказывал поддержку пресвитерианцам-ковенантерам (выступившим в 1637 г. против внедрения англиканских обрядов в пресвитерианское богослужение), но Дженет восстала против семейных принципов и заключила тайную помолвку с роялистом, лордом Ратерфордом (ум. 1664). Когда родители нашли своей дочери достойного на их взгляд жениха и начали подготовку к свадьбе, Дженет пришлось во всем сознаться. Мать заставила ее отказаться от данного Ратерфорду обета, что привело к трагическим последствиям: в брачную ночь Дженет в порыве безумия ранила мужа кинжалом, а спустя две недели умерла, так и не придя в чувство². Помимо устных рассказов об этом происшествии Скотту были известны письменные свидетельства из «Воспоминаний» (*Memorials*) Роберта Лоу (1787–1874) и «Сатиры семьи Стэрз» (*Satyre on the Familie of Stairs*) У. Хэмилтона, которые привнесли в изложение этой истории сверхъестественный элемент.

В романе Скотт переносит событие из 1669 г. в более позднее время, непосредственно предшествовавшее Англо-шотландской унии (1707). Трагическая история Люси Эштон разворачивается на фоне постоянной угрозы восстания якобитов, поддерживаемых Францией; эта совокупность трагических обстоятельств усугубляется отсутствием самостоятельного шотландского правительства. Скотт создает общую тревожную атмосферу романа, используя мистику, легенды и предсказания, восходящие к англо-шотландскому фольклору.

Сверхъестественный элемент начинает вплестаться в полотно романа со знакомства читателя с семейством Рэвенсвудов. Старый слуга Калед Балдерстоун предостерегает своего хозяина от посещения поместья Эштонов, поскольку существует старинное пророчество, якобы произнесенное знаменитым Томасом Рифмачом:

Когда последний Рэвенсвуд приедет в Рэвенсвуд
И мертвую деву невестой его назовут,
В зыбучих песках Келпи оставит он коня,
И древнее его имя исчезнет с этого дня.³

Это пророчество о гибели рода является мистификацией: письменных свидетельств о том,

² См.: Coleman O. P. The Dalrymple Legend in *The Bride of Lammermoor* / *Review of English Studies*. No. 19, 1943. p. 51–58.

³ Зд. и далее пер. М. Шерешевской [Скотт, 1993а, с. 207].

что эти слова некогда произнес шотландский бард, не существует. В традиционных представлениях отступление от народной мудрости, передаваемой из поколения в поколение, грозило неминуемой расплатой, и Скотт использует фигуру Рифмача для усиления эффекта надвигающейся угрозы.

Наряду с пророчеством Томаса Рифмача звучит недоброе предсказание слепой Элис, пожилой дамы, обладающей даром ясновидения: «Бегите отсюда! И если небесная кара должна обрушиться на дом злодея, то пусть не вашею рукою свершится божий суд» (*Скотт В. Ламмермурская невеста. 1993. С. 226*). Обратим внимание на то, что Элис не имеет четкой национальной идентичности. Она родилась и провела раннюю молодость в Англии, но на момент повествования уже шестьдесят лет живет в Шотландии и испытывает привязанность к новому дому. Персонажи, объединяющие в себе черты английской и шотландской культуры, в совокупности являются для В. Скотта важным проводником идеи мирного сосуществования Англии и Шотландии, которого писатель желал (и стремился его приблизить на посту президента Эдинбургского королевского общества). Эдгар отказывается следовать наставлениям Элис, полагая, что ее пророчество не имеет под собой никаких рациональных оснований, и тем самым совершает фатальную ошибку. После смерти слепой предсказательницы на смену ее «белой» магии приходит настоящее колдовство трех ведьм, которые «словно вороны, почуявшие падаль ... вели между собой нечестивую беседу» (*Скотт В. Ламмермурская невеста. 1993. С. 444*). Энни Уинни, Эйлси Гурли и безымянная разбитая параличом старуха (их образ заставляет вспомнить шекспировского «Макбета») готовят тело усопшей к похоронам и повторно предсказывают скорую смерть Эдгара.

В «Ламмермурской невесте», как и в «Монастыре», который открывает цикл романов «Рассказы из Бенедиктинских источников» (*Tales from Benedictine Sources*), появляется фольклорный образ Белой Дамы. В англосаксонской, германской и других традициях существует великое множество легенд с ее участием, в которых нередко повторяется сюжет о том, что Дама является призраком юной девушки, погибшей после заключения неугодной семье помолвки. В раннем германском фольклоре она появлялась в виде живого человека на фоне заброшенной сельской местности, а сама женщина, ставшая призраком в результате убийства (или самоубийства), могла быть невысокого социального происхождения. В более поздних германских легендах Белая Дама появляется исключительно в старинных фамильных замках. Ее визиты часто трактовались как

предупреждение о смерти кого-либо из членов семьи, но наряду с этим она считалась и могущественным духом – покровительницей рода. Один из популярных вариантов легенды повествует о том, как обитатели замка Хантли несколько раз замечали загадочный призрак, причем, как правило, в тех местах, где позднее умирал один из членов семьи. По одной из версий, это был призрак девушки из семьи Лион, которая жила в замке в XVII в. В наказание за связь со слугой она была заключена в одну из башен. Через некоторое время узница умерла, но ее дух остался скитаться в мире живых [Beck, 1970].

В «Ламмермурскую невесту» Скотт встраивает легенду из раннего германского фольклора: он сближает образ слепой Элис с Белой Дамой. В XXIII главе, уезжая от Эштонов, Эдгар мысленно погружается в прошлое и невольно вспоминает предсказание Элис. В тихой местности близ ее дома конь Эдгара вдруг встает на дыбы, словно почуяв чье-то незримое присутствие, и затем персонаж становится жертвой оптического обмана: «Женщина, словно услышав его призывы, обернулась, и к величайшему своему изумлению Рэвенсвуд увидел перед собой совсем не Люси, а слепую Элис. Необычайный наряд ее, скорее напоминавший саван, нежели женское платье, вся ее, как ему казалось, неясно очерченная фигура, а главное, то обстоятельство, что слепая, немощная старуха повстречалась ему на таком далеком – если учесть ее недуги – расстоянии от дома, – всё это наполнило сердце Рэвенсвуда неизъяснимым страхом» (*Скотт В. Ламмермурская невеста. 1993. С. 276–277*). В XXXI главе мы находим искаженный пересказ старой ведьмой Гурли «встречи» Эдгара с Белой Дамой, после которого рассудок Люси окончательно помутился: «Наконец, она поведала Люси о призраке, явившемся Рэвенсвуду в лесу, используя преувеличенные слухи, ходившие об этом происшествии ... мысль о том, что злой рок тяготеет над ее несчастной любовью, овладела всем ее существом» (*Скотт В. Ламмермурская невеста. 1993. С. 352*).

В «Ламмермурской невесте» Скотт изображает Белую Даму, следуя фольклорным представлениям об этом призраке. Встреча Эдгара со слепой Элис, овеянная мистическим ужасом, в пересказе Гурли становится для Люси откровением, к которому она оказалась не готова. Иначе образ Белой Дамы раскрывается в «Монастыре», где ей отводится роль одного из ключевых персонажей. Работая над ее образом, Скотт обратился не только к фольклорным источникам, но и к знаменитой повести Ф. де ла Мотт Фуке (1777–1843) «Ундины» (*Undine*, 1811). Героиня Фуке олицетворяет собой взаимное противостояние мистического и естественного,

природного начал, в котором естественное (человеческое) одерживает верх, порядок побеждает хаос стихии, а христианская религия торжествует над язычеством. В предисловии Скотт объясняет, что публика стала относиться с недоверием к простонародным и «грубым» шотландским суевериям, поэтому обращение к героям германо-скандинавской мифологии, о которых писал Фуке, показалось ему разумным художественным решением. Однако он не мог отступить слишком далеко от шотландских традиций, поэтому выбрал в качестве «компромиссного» сверхъестественного персонажа Белую Даму, которую сблизил с образом Ундины. Кроме того, в романе Белая Дама больше не является «безликим» зловещим призраком. Скотт наделяет ее непростым нравом, который самим автором в предисловии оценивается следующим образом: «Исходя из этих представлений о воплощаемых духах стихий, Белая дама Эвенелов была изображена автором на страницах повести, ей посвященных, как существо непостоянное, капризное и изменчивое. Она проявляет интерес и благосклонность к семье, с которой связана ее судьба, но относится с насмешкой и даже в какой-то степени с недоброжелательством к прочим смертным...» (Скотт В. Монастырь. 1993. С. 13). В «Монастыре» Белой Даме отводится созидательная роль, и это перекликается с характеристикой призрака из более поздних германских легенд: она помогает персонажам, подсказывая верный путь, и даже исцеляет сэра Пирси Шафтона после поединка с Хэлбертом.

Скотт подчеркивает принадлежность образа Белой Дамы к шотландскому фольклору, используя элементы балладной традиции. Балладным элементом в романтических произведениях В. Скотта нередко является неожиданное вмешательство таинственных, мистических сил в ход повествования. Так, пересекая мост на пути в монастырь Кеннаквейр (прообразом которого является знаменитое аббатство Мелроуз), отец Филипп замечает одиноко сидящую у воды девушку. Предположив, что она нездешняя, монах пытается объясниться с ней жестами и предлагает довезти до селения. Девушка принимает предложение, но как только оба взбираются на лошадь, животное пугается, из-за чего отец Филипп со спутницей падают в реку. Как и в «Ламмермурской невесте», первым на присутствие сверхъестественного духа реагирует конь, что также является распространенным народным суеверием, бытующим в разных культурах, в том числе и славянской. В воде безмолвная девушка меняет свой облик, оборачиваясь духом Белой Дамы, и исполняет балладу, которая, наконец, разрушает языковой барьер между ней и монахом:

Плывем мы весело, блещет луна,
И тенью и светом река полна...
Водовороты спят под скалою,
Так тихо над темною глубиною.
Келпи поднялся из бездны вод,
Он факел смерти зажег, и вот
Смотри, монах, и смешно тебе станет,
Коль злобная харя в лицо тебе глянет!
(Скотт В. Монастырь. 1993. С. 116)

Это авторская баллада «На реке Туид» (*On Tweed River*). В первой строфе призрак призывает ворона – птицу, наделенную в шотландском фольклоре вековой мудростью. Желая отомстить за потревоженный сон своих птенцов, ворон произносит слова, отсылающие к знаменитой шотландской балладе «Два ворона» (*The Twa Corbies*), в которой птицы предвкушают свое зловещее пиршество:

Кто будит птенцов моих? – ворон грозит, –
Мой клюв его кровью с зарей обгадится!
Я труп посиневший, распухший люблю,
С угрем и со шукой его разделю!
(Скотт В. Монастырь. 1993. С. 116)

Образы из балладной имитации сближаются также с датской балладой «Царь Воды» (*The Water King*), которую Теодор исполняет в финале готического романа «Амбросио, или Монах» (*The Monk: A Romance*, 1796) М.Г. Льюиса (1775–1818); к тому же льюисовский царь воды подстраивает кораблекрушения и утягивает тонущих моряков за собой на дно, что тоже перекликается с эпизодом встречи отца Филиппа с Белой Дамой:

Журчал поток, катя волну,
Цветы смотрели в глубину.
Краса между цветами там
Шла, напевая, в Божий храм
И отраженную волной
Ее увидел Водяной.
Он к матери своей спешит,
И ведьме так он говорит...
(Льюис М. Г. Монах. 1993. С. 168)

Белая Дама также знакомит своего слушателя с духом водной стихии – Келпи, укутанным в водоросли призраком-андрогином из восточно-шотландских баллад. В балладе Скотта это эфирное существо говорит заключительное слово, благословляя тех, кто помогает подманить жертв, и предсказывает торжество смерти:

Спасибо сторожу, мост закрыт!
Исчезнут все в глубине бездонной:

Поп и мирянин, монах и влюбленный!
(Скотт В. Монастырь. 1993. С. 117)

«Монастырь» является, прежде всего, романом, в котором осмысляется феномен Реформации. В предисловии Скотт признается, что преследовал цель осмыслить феномен Реформации в Шотландии и сопоставить католицизм с протестантизмом: «Автор полагал, что столкновение на жизненном пути двух таких фанатиков [Скотт подразумевает идейное столкновение отца Евстафия и протестантского проповедника Генри Урдена. – Прим. Е. И. Колосовой] может породить интересное развитие сюжета и даст возможность соотнести истинную ценность этих людей с их страстями и предрассудками»¹ (Скотт В. Монастырь. 1993. С. 4). Изображенным в романе событиям предшествовали разрыв английского короля Генриха VIII с Римско-католической церковью, подчинение Ирландии и Уэльса Англии и вызвавшая отчаянное сопротивление шотландцев и католической церкви помолвка юного наследника Генриха Эдуарда с еще более юной шотландской королевой Марией Стюарт ради укрепления власти английской короны в Шотландии.

Сюжет романа разворачивается в годы, предшествующие шотландской Реформации, сразу после катастрофического поражения шотландцев от армии Генриха VIII в битве при Пинки (1547). Помимо англо-шотландского противостояния для сюжета романа важно и внутреннее разделение Шотландии на католиков, которые выступали за «старый союз» с Францией, и зарождающуюся протестантскую партию, которая стремилась к более прочным связям с Англией.

Для создания подлинного исторического антуража Скотт обратился к «Истории Шотландии во времена правления королевы Марии и короля Якова VI» (*The History of Scotland during the Reigns of Queen Mary and of King James VI*, 1759) У. Робертсона (William Robertson, 1721–1793) и «Истории реформации в Шотландии» (*The History of the Reformation in Scotland*, 1586–1587) Дж. Нокса (1510–1572). Для наиболее убедительного изображения монашеского быта писатель опирался на труд Т. Дадли Фосбрука (1770–1842) «Британское монашество» (*British Monachism*, 1802). Следуя своей идее невозможности подлинного исторического повествования без обращения к сверхъестественному, Скотт связывает исторический пласт повествования с мистическим с помощью образа Белой Дамы.

Поступки Белой Дамы неразрывно связаны с религиозными воззрениями героев, с которыми она взаимодействует на протяжении романного

сюжета. Призрак поочередно, хотя и в разной степени, то помогает набирающему популярность протестантизму через Генри Урдена, то защищает увядающее католичество в лице слабого аббата Бонифация и отца Филиппа или бесстрашного, но такого же невлиятельного отца (впоследствии игумена) Юстаса. Так, с помощью Белой Дамы происходит положительная трансформация характера одного из главных героев, Хэлберта Глендининга, который прежде был большим любителем риска, охоты и опасных поединков, а после обрел решительность и поступил на службу к графу Мерри. Он первым догадался, каким образом и где можно встретить Белую Даму. Очевидно, что симпатии повествователя принадлежат приверженцам новой, более «прогрессивной» протестантской веры. На протяжении всего романа католическим монахам противостоит благородная вдова леди Эвенел, образ которой символизирует первых «умеренных» шотландских реформаторов. В идейном столкновении отца Евстафия и протестантского проповедника Генри Урдена также выигрывает последний, так как оказывается более смелым и последовательным в своих действиях. Ч. Т. Мэй обратил внимание на то, что именно через фигуры «преображенных» Мэри Эвенел и Хэлберта Глендининга Скотт демонстрирует благотворное влияние религиозных преобразований [May, 2015].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Скотт сочетает исторические реалии, предшествовавшие реформации («Монастырь») или англо-шотландской унии («Ламмермурская невеста»), с системой мотивов классического готического романа, включающей в себя не только сверхъестественные явления, но и таинственное прошлое, проклятие, предопределяющее судьбу персонажей, специфическую обстановку (замки и монастыри, живописные природные ландшафты). С перечисленными феноменами смысла в традиционном готическом романе согласуются следующие особенности текста: встроенные в прозаический текст поэтические фрагменты, ненадежный повествователь и пр. Обладая исключительным чувством истории и пониманием человеческой психологии, Скотт использует в своих произведениях категорию сверхъестественного таким образом, что читатель остается в сомнениях и до самого конца повествования так и не может точно определить, действительно ли писатель изображает нечто потустороннее, сам в это веря, или же описанное потенциально получает у автора рациональное объяснение. Своего рода игра потусторонних сил с событиями и явлениями земного

¹ Зд. и далее пер. М. А. Колпакча, В. Д. Метальникова.

порядка отвечает определению категории фантастического, которое дал Ц. Тодоров во «Введении в фантастическую литературу» (1968). Фантастическое, по Тодорову, подразумевает постоянную неуверенность читателя в правдивости описываемых событий, по ходу которых двойственность изображаемого объекта до самого конца повествования волнует читателя: «Фантастическое существует, пока сохраняется эта неуверенность; как только мы выбираем тот или иной ответ, мы покидаем сферу фантастического и вступаем в пределы соседнего жанра – жанра необычного или

жанра чудесного. Фантастическое – это колебание, испытываемое человеком, которому знакомы лишь законы природы, когда он наблюдает явление, кажущееся сверхъестественным» (пер. Б. Нарумова) [Тодоров, 1997, с. 25]. Скотт стремился именно к этой двойственности, к эффекту мистического ужаса, подобного соприкосновению с аутентичным историческим сооружением, о котором он писал в предисловии к «Замку Отранто». Вместе с тем писатель обращается к своей национальной истории и традиции, тем самым утверждая особый шотландский вариант готики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Duncan I. Walter Scott, James Hogg, and Scottish gothic // Punter D. A new companion to the gothic. New York : John Wiley & Sons, 2012. P. 123–134.
2. Скотт В. О «Замке Отранто» Уолпола // Литературные памятники. 1967. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/valter-skott-o-zamke-otranto.htm> (дата обращения 1.10.2021). Печ. по изд.: Уолпол. Казот. Бекфорд. Фантастические повести / подгот. издания В. М. Жирмунский, Н. А. Сигал. Ленинград: Наука, 1967.
3. Beck J. The White Lady of Great Britain and Ireland // Folklore. 1970. Vol. 81, N 4. P. 292–306.
4. May Ch. T. Sir Walter Scott's The Monastery and the representation of religious belief // Studies in Scottish literature. 2015. Vol. 41, N 1. P. 191–208.
5. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997.

REFERENCES

1. Duncan, I. (2012). Walter Scott, James Hogg, and Scottish gothic. In D. Punter, A new companion to the gothic (pp. 123–134). New York: John Wiley & Sons.
2. Skott, V. O «Zamke Otranto» Uolpola = Introduction to The Castle of Otranto. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/valter-skott-o-zamke-otranto.htm> . (In Russ.)
3. Beck, J. (1970). The White Lady of Great Britain and Ireland. Folklore, 81 (4), 292–306.
4. May, Ch. T. (2015). Sir Walter Scott's The Monastery and the representation of religious belief. Studies in Scottish literature, 41 (1), 191–208.
5. Todorov, Ts. (1997). Vvedenie v fantasticheskuiu literaturu = Introduction to fantasy literature. Moscow: Dom intellektual'noi knigi. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колосова Екатерина Игоревна

младший научный сотрудник отдела литературоведения
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kolosova Ekaterina Igorevna

Junior researcher, Literary Studies Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья

УДК 82.0; 316.7

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_151

Массовая литература как социальный феномен

М. Б. Раренко

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия

rarenco@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен массовой литературы, которая начинает вновь активно развиваться в конце XX в. Анализируется объем термина «массовая литература». Выявляются причины возрастающей популярности массовой литературы как в странах западной Европы, так и в России. Предпринимается попытка выявить основные характеристики массовой литературы на современном этапе, ее роль и функции, принципиальное отличие от других видов литературы, подчеркивается ее неоднородность и ориентация на запросы социума.

Ключевые слова: массовая литература, классическая литература, беллетристика, тривиальная литература, современная художественная литература, «easy reading», социально ориентированная художественная литература

Для цитирования: Раренко М. Б. Массовая литература как социальный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 151–156. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_156

Original article

Mass Literature as a Social Phenomenon

Maria B. Rarenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

rarenco@rambler.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of mass literature, which begins to develop actively at the end of the twentieth century. The scope of the term “mass literature” is analyzed. The reasons for the increasing popularity of mass literature both in Western Europe and in Russia are revealed. An attempt is made to identify the main characteristics of mass literature at the present stage, as well as its role and functions, its fundamental difference from other types of literature, its heterogeneity and social orientation are emphasized.

Keywords: mass literature, classical literature, fiction, trivial literature, modern fiction, “easy reading”, socially oriented fiction

For citation: Rarenko, M. B. (2022). Mass literature as a social phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 151–156. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_156

ВВЕДЕНИЕ

Цель данной статьи – разобраться в том, как менялось содержание понятия «массовая литература» на протяжении исторического времени, а также определить, какое значение сегодня исследователи вкладывают в термин «массовая литература» и какую роль она играет в современном обществе.

Феномен массовой литературы, получившей стремительное распространение в конце XX в. как в странах западной Европы, так в России, становится предметом повышенного интереса представителей разных гуманитарных направлений в силу той роли, которую художественная литература играет в социальной жизни общества, оказывая влияние на формирование его ценностных ориентиров, с одной стороны, и отражая их, с другой, что позволяет рассматривать ее (литературу) как самостоятельный «социальный институт» [Гудков, Дубин, 2020].

Исследовательский интерес к феномену массовой литературы объясняется значением, которое она (массовая литература) приобретает в последние 20–30 лет. Обзор научно-исследовательской литературы показывает, что распространение массовой литературы носит повсеместный характер (во всяком случае, художественные произведения подобного рода можно встретить в американской и европейских национальных литературах, в литературах стран бывшего Советского Союза, современные российские писатели также активно работают в этом направлении). В статье «Массовая литература как историко-культурная проблема» (1997) Ю. М. Лотман отмечает, что понятие «массовая литература» относится более к социологии, нежели литературоведению, а «интерес к массовой литературе возник в русском классическом литературоведении как противодействие романтической традиции изучения "великих писателей, изолированных от окружающей их эпохи и противопоставленных ей"» [Лотман, 1997]. Своим появлением массовая литература обязана интенсивному развитию массовой культуры, т. е. культуры, коллективным «потребителем» которой стали широкие общественные круги, а не элитарное общество ценителей и знатоков искусства.

На наш взгляд, в XX в. произошли значительные изменения в обществе, оказавшие серьезное влияние на разные его аспекты – политические, экономические, культурные, образовательные и пр., что отразилось на ценностном статусе массовой культуры в целом и массовой литературы в частности.

МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: К ВОПРОСУ О ТЕРМИНЕ

Несмотря на то что термин «массовая литература» приобрел сегодня довольно широкое распространение, единого понимания означенного термина среди литературоведов нет. Н. Г. Мельник, отмечая в статье «Массовая литература» многозначность понятия «массовая литература» и приводя его синонимы – «популярная, тривиальная, парабильварная литература», – исходит из представления о малой эстетичности массового феномена. Он противопоставляет массовую литературу «серьезной», «элитарной» и пр., негативно акцентирует «ценностный "низ"» литературной иерархии – произведения, относимые к маргинальной сфере общепризнанной литературы, отвергаемые как китч, псевдолитература» [Мельник, 2001, с. 514]; «весь массив художественных произведений определенного культурно-исторического периода (или какого-либо литературного направления), которые рассматриваются как фон вершинных достижений писателей первого ряда» [там же]. Отметим, что в рекомендуемый после статьи список для более детального ознакомления с проблемой Мельник помещает работы 1928, 1976, 1978, 1991, 1993 и 1996 гг. В означенный период понятие «массовая литература» действительно воспринималось именно так.

В конце XX в. отношение к массовой литературе претерпевает значительные изменения. Массовая литература по-прежнему противопоставляется классической литературе, произведения которой вошли в национальный корпус и признаны национальным и мировым достоянием, наряду с другими произведениями искусства, однако и произведения массовой литературы более не воспринимаются исключительно как «низкое чтение». К. А. Чекалов отмечает, что термин «массовая литература» в настоящее время используется для обозначения «литературной продукции, которую отличают ориентация на читательский спрос и получение коммерческой выгоды, вторичность, обусловленная использованием готовых литературных и культурных моделей. Массовая литература противопоставляется той литературе, которая на данном историческом этапе признается классической или инновационной», подчеркивая, что «произведения массовой литературы как важной составляющей массовой культуры репрезентируют значимые для тех или иных групп общества символы и смыслы и выполняют функцию социально-психологической адаптации их потребителя к проблемам современности» [Чекалов, URL]. Издание произведений массовой литературы

также имеет свои особенности, что связано с ее ориентированностью на массовое потребление. Как правило, издатели создают жанровые и тематические серии («Любовный роман», «Современный детектив», «Иронический детектив» и пр.), книги выходят большими тиражами, имеют компактный объем и невысокую себестоимость за счет мягкой обложки, невысокого качества бумаги и пр.

Таким образом, в самом общем виде следует признать, что массовая литература включает в себя произведения художественной литературы, принадлежащие разным жанрам и адресованные не конкретному читателю или определенной группе с четко выраженными социальными характеристиками, а обществу в целом. Тематика массовой литературы может варьироваться от произведений детективного жанра и фэнтези до произведений, имеющих четко выраженную социальную направленность; соответственно, функции, выполняемые массовой литературой, также разнятся от исключительно развлекательных (например, детектив) до воспитательных, образовательных, информирующих и пр. Многие произведения массовой литературы представляют собой жанровые гибриды, т. е. сочетают в себе признаки разных жанров (например, ретродетектив)¹. Означенные свойства произведений массовой литературы позволяют им выполнять сразу несколько функций. Отличительным жепризнаком произведений массовой литературы следует признать их развлекательный характер, направленность на массового потребителя.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА VERSUS МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Выявляя принципиальные различия между классической и массовой литературой, следует признать, что различия «двух» литератур лежат в онтологической сфере. Произведения классической литературы затрагивают эпохальные проблемы, возводят их на общечеловеческий и общезначимый уровень, большое внимание уделяется рефлексии и саморефлексии персонажей и повествователя. Лирические отступления, часто встречающиеся в классической литературе, поясняют точку зрения писателя. Таким образом, носителем центрального сознания в классической литературе выступает автор (писатель, повествователь), а целью всякого классического произведения является художественная трансляция мировосприятия автора. Более того. Поскольку для современных читателей описываемые в классических произведениях события предстают погруженными в прошлое, для их

понимания и интерпретации необходимо обладать определенными знаниями. Произведения классической литературы, созданные в иных социально-политических условиях и ином культурно-историческом контексте, предполагали, вероятно, и особый способ восприятия – неспешное, вдумчивое чтение с последующими обсуждениями. Новая реальность, однако, диктует и новые способы освоения художественной литературы.

В произведениях массовой литературы поднимаются локальные (но от этого не менее важные и злободневные) проблемы. Герои этих произведений максимально приближены к читательской аудитории. Во-первых, в большинстве случаев это среднестатистические современники, живущие и выживающие в сходных политических, экономических, социальных условиях, обеспокоенные общими проблемами и заботами, часто разделяющие общие взгляды (политические вопросы, как правило, в произведениях массовой литературы не поднимаются, скорее речь идет об их социальных последствиях). Обсуждение проблемы сопровождается описанием бытовых реалий, конкретных ситуаций, мнений. Довольно часто воспроизводятся знакомые читателю локации и события, которые имеют временную привязку, упоминаются известные персоналии, т. е. в произведениях массовой литературы читатель узнает себя и окружающих его людей, эмпатично реагирует на ситуацию, полностью погружается в нее.

В то же самое время, анализируя сходные тактики (ретардация, поддержание читательского интереса и пр.) и приемы (описания, ирония, метафоры, эпитеты, каламбуры, градации и пр.), которыми пользуются авторы классической литературы и массовой, следует максимально учитывать единые смысловые константы «двух» литератур. Избираемая как классическими, так и не классическими авторами тематика (любовь, ненависть, ревность, коварство, благородство, сострадание, проблемы «отцов и детей» и пр.) в целом едина, хотя способы представления этой единой тематики авторами значительно разнятся. Таким образом, есть основания говорить не о взаимном противостоянии «двух» литератур, а об адаптации материала произведений массовой литературы к потребностям и ожиданиям современных читателей.

БЕЛЛЕТРИСТИКА И МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Понятия «беллетристика», с одной стороны, и «массовая литература», с другой, как нам представляется, имеют точки сближения. Понятие «беллетристика», широко используемое в XIX в. и употребляемое

¹ Более подробно см.: [Гусейнова, Косиченко, 2018].

«для характеристики прозаических произведений невысокого художественного уровня», в определенных случаях может выступать как синоним термина «массовая литература» [Беллетристика, 2001, с. 79].

ТРИВИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Термин «тривиальная литература» используется сегодня как синоним термина «массовая литература» довольно часто (см., например: [Мельник, 2021; Чекалов, URL]). Как нам представляется, причиной означенной синонимии можно считать сохранявшуюся вплоть до XX в. лидирующую роль Франции в развитии массовой (тривиальной)¹ литературы. Термин «тривиальная литература» подчеркивает ее непритязательный характер, ее отличие от «настоящей», классической литературы. Отметим как любопытный факт то, что ранние произведения О. де Бальзака и Э. Золя рассматривались как принадлежащие именно к данному литературному направлению.

«EASY READING» И МАССОВАЯ ЛИТЕРАТУРА

Как уже было показано выше, в определенный исторический период массовая литература воспринималась как литература низкого качества и, вероятно, в некоторой степени это коллективное убеждение было верным. Функция массовой литературы во многом заключалась в том, чтобы заполнить нишу, образовавшуюся между «настоящей» литературой и периодической печатью, и в течение длительного времени детектив как самый яркий представитель этого литературного направления успешно справлялся с поставленной задачей². Именно в этой роли массовая литература (во многом благодаря детективу) просуществовала довольно длительный период истории, помогая коротать время в пути, занимая досуг домохозяек и пр.

Очевидно, что подобного рода литература однажды перестала соответствовать читательским ожиданиям, поскольку быстро меняющаяся действительность второй половины XX в. ставила конкретные проблемы, требующие незамедлительного решения. На смену литературе, часто уводящей читателей от окружающей их реальности (в этом качестве женские любовные романы не могли сравниться ни с чем), в западных странах приходит

более «качественная» (в рамках массовой) литература, ставшая известной как *easy reading* (досл. 'легкое чтение'). Рассчитанный на массового читателя, этот тип художественной литературы не претендовал на особое отношение читателей. Главная задача массовой литературы заключалась в том, чтобы сохранить баланс между «простым» и «сложным», «доступным» и «примитивным», в противном случае этот пограничный во всех отношениях жанр рисковал погибнуть в крайностях.

Тем не менее в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии такого рода литература была принята с одобрением, она быстро нашла своего читателя и активно развивается. Первым из признанных писателей *easy reading* в Великобритании стал Ник Хорнби (Nick Hornby) (род. 1957), выпускник Кембриджа³. Как любопытную деталь его биографии отметим, что помимо преподавательской деятельности он активно вел активное сотрудничество с газетами и журналами, среди которых «Esquire», лондонские «Sunday Times» и «The Independent», а также GQ, «Elle», «Time», «Vogue», «Premiere», «Literary Review», «New Yorker». Среди наиболее известных произведений Н. Хорнби – романы «Hi-Fi» (High Fidelity, 1995), «Мой мальчик» (About a Boy, 1998), «Как стать добрым» (How to be Good, 2002), «Футбольная лихорадка» (Fever Pitch, 1992), «Долгое падение» (A Long Way Down, 2005), «Смешная девочка» (A Funny Girl, 2015) и др. О популярности романов Н. Хорнби говорит тот факт, что многие из них были экранизированы. Свое кредо как писателя (и литературы *easy reading*, соответственно) Н. Хорнби видит в том, чтобы «заполнить пустоту, зияющую между популярным чтением и литературой для высокопородных» (цит. по: [Гольдберг, URL]).

На наш взгляд, литература *easy reading* может рассматриваться как аналог той «качественной» современной массовой литературы, которая активно развивается сегодня в России, и представлена произведениями таких писателей, как Б. Акунин, Е. Водолазкин, Г. Служитель, Р. Сенчин, Н. Абгарян и др.

НЕОДНОРОДНОСТЬ И ИЕРАРХИЧНОСТЬ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Термин «массовая литература» представляет собой «зонтичный» термин, т. е. под определение массовой литературы попадают произведения самых разных жанров. Более того, массовая литература весьма неоднородна по качеству. Изначально противопоставленная «настоящей» литературе, т. е. «классической», «серьезной», «элитарной», литературе для «высокопородных», обладающей высокой

¹ Прилагательное «тривиальный» является калькой с французского. См., например: фр. *trivial* – простой, нетрудный, несложный, обыденный, неоригинальный, банальный [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1345].

² Безусловно, классический английский детектив не следует рассматривать как типичного представителя данного направления.

³ Более подробно о творчестве Н. Хорнби см. [Раренко, 2006].

степенью эстетизма, рефлексии, написанной людьми, имеющими особое положение в обществе, массовая литература ограничивалась развлекательной функцией, не претендуя на какое-либо иное положение в обществе и литературных кругах.

Сегодня массовая литература также характеризуется высокой степенью неоднородности, что очень затрудняет ее исследование. К массовой литературе традиционно относят: детективные произведения, в том числе ретродетектив, иронический детектив и пр., любовные романы (разного качества), женскую литературу (отчасти, но не полностью совпадающую с любовными романами), а также произведения, затрагивающие злободневные социальные вопросы и так или иначе адресованные значительной части современного общества. Последние также представляют собой очень неоднородный пласт литературы, который

мы ранее в наших публикациях предложили называть «социально ориентированной художественной литературой»¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен массовой литературы заслуживает дальнейшего изучения, поскольку литература, ориентированная на широкого читателя, имеет большой потенциал, в том числе социальный. В определенной степени массовая литература, акцентирующая внимание читателей на социальных вопросах современности, может выступать как инструмент регулирования общественных отношений, предотвращения эскалаций социальных конфликтов, установления социальной гармонии.

¹ Более подробно см.: [Раренко, 2021].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // «О русской литературе». СПб.: Искусство-СПБ, 1997. URL: <http://www.ad-marginem.ru/article18.html>
3. Мельник Н. Г. Массовая литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва так или иначе все же сокращение (см. № 1): Интелвак, 2001. Стб. 514–517.
4. Чекалов К. А. Массовая литература // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/2191064>
5. Гусейнова И. А., Косиченко Е. Ф. Жанры, меняющие мир и нас: Тривиальный дискурс: Ретродетектив. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2018.
6. Беллетристика // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: Интелвак, 2001. Стб. 79.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
8. Раренко М. Б. Феномен литературы easy reading и романы Ника Хорнби // Постмодернизм: что же дальше?: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения; редкол.: отв. ред. и сост. Е. В. Соколова, сост.: Н. Т. Пахсарьян и др. М., 2006. С. 198–209. (Худож. лит. на рубеже XX–XXI вв.).
9. Гольдберг С. Кризис жанра // Эксперт. 24.10.2005. URL: https://expert.ru/siberia/2005/40/40si-iknigi_66801/?ysclid=I94hjt2chg185935845
10. Раренко М. Б. Речевые практики дискурса социальной гармонии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 6 (848). С. 139–147.

REFERENCES

1. Gudkov, L., Dubin, B. (2020). Literatura kak social'nyj institut = Literature as social institute. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russ.)
2. Lotman, Ju. M. (1997). Massovaja literatura kak istoriko-kul'turnaja problema = Mass literature as a historical and cultural problem. In "O russkoj literature", Iskustvo-SPB, St. Petersburg. <http://www.ad-marginem.ru/article18.html> Jelektronnyj istochnik. (In Russ.)
3. Mel'nik, N. G. (2001). Massovaja literatura = Mass literature. In Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij (stb. 514–517). Moscow: Intelvak. (In Russ.)
4. Chekalov, K. A. Massovaja literatura = Mass literature. In Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. <https://bigenc.ru/literature/text/2191064> (In Russ.)
5. Gusejnova, I. A., Kosichenko, E. F. (2018). Zhanry, menjajushhie mir i nas: Trivial'nyj diskurs: Retrodetektiv = Genres that change the world and us: Trivial discourse: Retro detective. Moscow: MSLU. (In Russ.)

6. Belletristika = Fiction (2001). In Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij (Stb. 79). Moscow: Intelvak.. (In Russ.)
7. Kuznetsova, S. A. (ed.). (2000). Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = A large explanatory dictionary of the Russian language. St.Petersburg: Norint. (In Russ.)
8. Rarenko, M. B. (2006). Fenomen literatury easy reading i romany Nika Hornbi = The phenomenon of easy reading literature and the novels of Nick Hornby. In E. V. Sokolova (ed.), N. T. Pahsar'jan T., Postmodernizm: chto zhe dal'she? (pp. 198–209): collection of papers. RAN. INION. Moscow. (Hudozhestvennaja literatura na rubezhe XX–XXI vekov). (In Russ.)
9. Gol'dberg, S. Krizis zhanra = The crisis of the genre // Expert.ru. 24.10.2005. https://expert.ru/siberia/2005/40/40si-iknigi_66801/?ysclid=l94hjt2chg185935845 (In Russ.)
10. Rarenko, M. B. (2021). Speech practices of the discourse of social harmony. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(848), 139–147. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Maria Borisovna

PhD (Philology), Senior Research Fellow of Linguistic Department,
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Композиционные особенности российских и итальянских развлекательных ток-шоу

В. М. Костева¹, Ф. Руджери²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vmkosteva@gmail.com

²federica_ruggeri96@hotmail.it

Аннотация. В статье рассматриваются композиционные особенности российских и итальянских развлекательных ток-шоу на примере передач «Вечерний Ургант» и «Che tempo che fa» («Какая погода сегодня»). Несмотря на то что в основе данных передач лежит общая модель – американское «Вечернее шоу Джимми Киммела», между российским и итальянским ток-шоу существует ряд различий, сопоставительное изучение которых дает возможность выявить универсальные и национально-специфичные черты рассматриваемых лингвокультур.

Ключевые слова: ток-шоу, жанр, композиция, лингвокультура, ведущий, студия

Для цитирования: Костева В. М., Руджери Ф. Композиционные особенности российских и итальянских развлекательных ток-шоу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 157–163. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_157

Original article

Compositional Features of Russian and Italian Entertainment Talk Shows

Victoria M. Kosteva¹, Federica Ruggeri²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vmkosteva@gmail.com

²federica_ruggeri96@hotmail.it

Abstract. This article discusses the compositional features of Russian and Italian entertainment talk shows on the example of the programs “Evening’s Urgant” and “Che tempo che fa” (What is the weather today). Despite the fact that these programs are based on a common model – the American “Jimmy Kimmel’s Tonight Show”, there are a number of differences between the Russian and Italian talk shows, a comparative study of which makes it possible to identify the universal and national-specific features of the linguistic cultures under consideration.

Keywords: talk show, genre, composition, linguistic culture, presenter, studio

For citation: Kosteva, V. M., Ruggeri, F. (2022). Compositional features of Russian and Italian entertainment talk show Surname, Name. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 157–163. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_157

ВВЕДЕНИЕ

Современное телевидение, несмотря на многочисленные критические замечания в его адрес, по-прежнему оказывает довольно значительное влияние на социум, информируя его о событиях в мире и одновременно формируя его мнение по тому или иному вопросу. Программы телевидения стали также предметом изучения лингвистики, в особенности это касается исследований в области жанровой принадлежности телепередачи и их особенностей. В отечественных работах, посвященных телевизионному ток-шоу, анализируются различные аспекты данного жанра телевизионной коммуникации, например, лингвопрагматическая составляющая ток-шоу, организация ток-шоу с точки зрения когнитивных механизмов, коммуникативно-прагматический аспект, вопросы классификации ток-шоу и др. [Ларина, 2004; Галич, 2018; Нугуманова, 2014; Гуленко, Долгова, 2016].

В фокусе внимания итальянских исследователей находятся история возникновения жанра ток-шоу, язык телевизионных ток-шоу, что отражено, например, в работах Г. Гоццини, Э. Новелли, Ф. Альберти [Gozzini, 2011; Novelli, 2016; Alberti, 2019].

Знакомство с литературой по данной тематике показало, что авторы, как правило, проводят свои исследования на материале одного языка. Сложившуюся тематику лингвистических работ о ток-шоу целесообразно углубить и разнообразить, обогатить свежими идеями. Поэтому анализ ток-шоу на материале двух и более языков представляется актуальным и востребованным в профессиональной лингвистической среде.

В фокусе внимания лингвистов общие композиционные характеристики двух развлекательных ток-шоу российского и итальянского телевидения: «Вечерний Ургант» и ее аналог, итальянская передача «Che tempo che fa» («Какая сегодня погода»). Выбор этих программ обусловлен как их статусом высокорейтинговых ток-шоу, ведущихся на русском и итальянском языках, так и личными предпочтениями исследователей. Несмотря на то что в основе данных передач лежит общая модель – американское ночное шоу Джимми Киммела («Jimmy Kimmel Live!»), между российским и итальянским ток-шоу существует ряд лингвокультурных различий.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В задачу данной статьи входит сопоставление внешних параметров двух передач, поэтому на данном этапе были использованы общенаучные методы, а именно: наблюдение, анализ, сопоставление,

рассуждение. В дальнейшем, при углубленном исследовании экстралингвистических и лингвистических факторов, будет описана конкретная методика и приемы работы с материалом.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТОК-ШОУ

В общем и целом, под ток-шоу понимается телевизионная передача, включающая в себя беседу ведущего с приглашенными медийными лицами на различные злободневные темы в области политики, культуры, спорта и т. д.

Характерными признаками ток-шоу являются монолог ведущего, интервью, дискуссии, а главными участниками ток-шоу являются харизматичный ведущий, приглашенные собеседники, зрители в студии, зрители у экрана телевизоров [Гуленко, Долгова, 2016, с. 107].

Появление данного жанра на российском и итальянском телевидении обусловлено влиянием американской массовой культуры и часто проявляется в создании программ – калек на национальном телевидении.

На российском телевидении жанр ток-шоу появился в 1990-х годах, к первым передачам такого рода можно отнести, например, программу «Добрый вечер» с ведущим Игорем Угольниковым на телеканале РТР.

В Италии программы такого жанра возникли ранее, в 1976–1977 годах. Их примерами может послужить передача «Bontà loro» («Их доброта»). Отметим, однако, что передачи подобного формата имели место на российском и итальянском телевидении в более ранний период, в 1960–1970-е годы. Российские зрители помнят, например, программу «От всей души», а итальянские – «Tribuna politica» («Политический форум») и «Tribuna elettorale» («Избирательный форум») [Alberti, 2019, с. 43].

Существующие классификации жанра ток-шоу основываются на различных критериях, учитывая несколько аспектов: формальный, функциональный, содержательный и адресный [Акинфеев, 2008, с. 110].

Соответственно этим аспектам выделяются передачи, различающиеся по целевой аудитории, гендерной направленности, времени показа, цели и т. д.

Одной из разновидностей ток-шоу являются развлекательные ток-шоу, транслирующиеся в вечернее время и имеющие широкий охват аудитории. Развлекательный характер жанра ток-шоу проявляется как во внешнем оформлении, например, обязательное музыкальное сопровождение, непринужденный стиль общения, много юмора и шуток, так и в особом выборе вербальных и невербальных средств общения с целевой аудиторией.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТОК-ШОУ «ВЕЧЕРНИЙ УРГАНТ» И «CHE TEMPO CHE FA»

Характеризуя в общих чертах передачи «Вечерний Ургант» и «Che tempo che fa», мы можем отметить их общие параметры, такие как характер, время показа, целевую аудиторию, степень популярности, композиционное построение и др. Тем не менее сопоставительный анализ показал и ряд отличий между ними, которые будут рассмотрены далее.

Данные передачи уже становились предметом исследования лингвистов России и Италии. Жанровой специфике программы «Вечерний Ургант» была посвящена статья А. В. Феединой [Феединой, 2021]. Помимо жанровой структуры ток-шоу она исследует медиаобраз ведущего. Итальянские лингвисты в основном занимаются рассмотрением тем, ставших предметом обсуждения программы «Che tempo che fa» [Alberti, 2019, с. 52].

Основное сходство данных программ лежит в их формальных признаках, во внешней области. Обе программы относятся к вечерним развлекательным программам и транслируются в прайм-тайм. Программы обладают высоким рейтингом, так, по данным *Mediascope.net*,¹ Российскую передачу «Вечерний Ургант» в 2021 году смотрело свыше 10 % аудитории, ее рейтинг составлял 2,5 %.

Итальянская программа «Che tempo che fa» за период сентябрь–декабрь 2021 года имела свыше 11 % аудитории, особенно благодаря присутствию международных гостей, таких как Леди Гага.²

Первый выпуск программы «Che tempo che fa» состоялся в 2003 году на первом канале итальянского государственного телевидения «Rai 1» [Alberti, 2019, с. 55]. Программа «Вечерний Ургант» вышла в эфир в апреле 2012 года.

Данные ток-шоу характеризуются разной периодичностью: российская передача «Вечерний Ургант» выходит в прямой эфир с понедельника по четверг с 23:30 до 00:20, а в пятницу с 23:30 до 00:25, занимая 40–55 минут эфирного времени. Передача обычно записывается за несколько часов до выхода в эфир.

Итальянская передача «Che tempo che fa» выходит один раз в неделю по воскресеньям с 20:00 до 23:45. Ее особенность состоит также в отсутствии предварительных съемок выпусков, поскольку все действия происходят в прямом эфире.

Обращаясь к тематике ток-шоу, отметим, что в передачах «Вечерний Ургант» и «Che tempo che

fa» обсуждаются реальные события последних суток, произошедшие не только в стране, но и за рубежом. Таким образом, есть все основания полагать, что данные ток-шоу можно отнести не просто к развлекательному, но к информационно-развлекательному типу ток-шоу.

Структура программы соответствует структуре драматургического произведения, где в обязательном порядке присутствуют вступление (зачин), главная часть (развитие), кульминация и развязка [Кузнецов, 1998, с. 59].

Программа «Вечерний Ургант» начинается с основных новостей, которые комментируются ведущим в юмористическом ключе. За монологом ведущего следует обсуждение новостей с гостями передачи. Обычно это два главных интервью, чередующиеся с определенными рубриками и с играми, в которых принимают участие гости каждого выпуска. Означенный синопсис и составляет центральную часть ток-шоу. В программе представлены разные рубрики, например, рубрика «Взгляд снизу», в которой Ургант задает детям вопросы на актуальные темы; рубрика «Китай-Город», в которой ведущий обсуждает необычные товары. Их можно купить в китайских магазинах и т. д. Программу завершает выступление приглашенных музыкантов.

Итальянская программа изначально была посвящена только метеорологическим прогнозам, которые представляли разные ведущие, но постепенно в программу были добавлены новые рубрики, посвященные истории, искусству и т. д.

Структура итальянской передачи во многом напоминает структуру российской телепередачи, ее начало также связано с комментированием новостей в юмористическом стиле. Центральную часть составляют отдельные рубрики «Il posto del cuore» («Место для сердца»), и «Hit parade delle notizie» («Хит-парад новостей»). В программе проводятся интервью на различные темы. В условиях пандемии гости часто связываются со студией дистанционно.

Как правило, в подаче материала существует определенная иерархия, сначала комментируются серьезные темы, касающиеся политики и общества. В этой части программы ведущие вместе со своей ассистенткой берут интервью у гостей. Вторая часть передачи отмечается юмористическим скетчем в исполнении Лучаны Литтиццето (Luciana Littizzeto), комиком, который вместе с ведущим комментирует ранее обсуждаемые темы. На вторую часть передачи обычно приглашают известных зарубежных или известных итальянских личностей, которые рекламируют свой новый диск, фильм или свои новые проекты. Шоу иногда заканчивается выступлением приглашенного музыкального исполнителя.

¹ URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 12.01.22).

² URL: affaritaliani.it (дата обращения: 12.01.21).

Таблица 1

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ТОК-ШОУ

Вечерний Ургант	Che tempo che fa
Зачин	
Передача начинается с выступления ведущего, комментирующего новости дня вместе со своим соведущим.	Передача начинается с музыкальной заставки. В последнем сезоне, в начале выпуска в студии играет музыка "Twistin' the night away" Сэма Кука.
Основная часть	
Музыкальная заставка в сопровождении съемок города, где проводится шоу. В студии играет живая музыка.	Ведущий предоставляет зрителям приглашенных гостей выпуска.
Ведущий предоставляет зрителям приглашенных гостей выпуска.	Ведущий комментирует самые важные новости из интернета вместе со своей ассистенткой.
Оркестр продолжает выступление в студии.	В студии нет музыкальной группы.
Первый главный момент выпуска – монолог ведущего.	Первый главный момент выпуска – монолог ведущего.
Монолог ведущего охватывает количество главных тем дня и задает тон передаче.	Диалог ведущего вместе со своей ассистенткой, которые вместе обсуждают произошедшие события дня.
Далее идет интервью с известными гостями выпуска. Обычно ведущий берет интервью у двух гостей.	Далее идет интервью с известными гостями выпуска. Ведущий берет интервью у гостей из мира политики, обращаясь к серьезным темам. Затем происходит смена регистра передачи, переход к более легкой тематике. На эту часть программы приглашаются (зарубежные) гости из мира кино, искусства, литературы.
Интервью с приглашенными гостями чередуются с забавными скетчами ведущего вместе с соведущими программы. В программу включаются интересные рубрики и игры.	В конце первой части передачи, соведущий Лучана Литтиццетто иронично обсуждает темы интервью и ключевые моменты выпуска вместе с ведущим.
Кульминация	
Соведущие вместе с ведущим разыгрывают забавные скетчи на тему проведенного интервью, вовлекая иногда приглашенных гостей.	Присутствуют другие рубрики в течение программы, которые ведут известные личности итальянской журналистики и телевидения. Обычно обсуждаются общие темы, такие как любовь, жизнь, литература и т. д.
Развязка	
Выпуск заканчивается прощанием ведущего, который выражает свою благодарность приглашенным гостям.	Выпуск заканчивается прощанием ведущего, который выражает свою благодарность приглашенным гостям.
Иногда музыкальную заставку заменяет песня приглашенного певца.	Приглашенные гости поют только во время самой передачи.

При сопоставлении композиций русской и итальянской телепередач нами были выявлены сходства и различия. Подробные результаты сопоставления представлены в таблице 1.

При общей характеристике ток-шоу необходимо обратить внимание на интерьер студии,

в которой проводится ток-шоу. Обязательными элементами студийной обстановки ток-шоу является кресло и стол ведущего, а также два кресла для гостей. Эта мебель располагается в центральной части студии. Стол ведущего в студии итальянского ток-шоу представляет собой аквариум

с надписью «Che tempo che fa» на переднем плане. Ассистентка ведущего также имеет свой столик, который располагается близко к публике. Цветовая гамма студии характеризуется яркими цветами, особенно часто используется синий цвет. С визуальной точки зрения студия оформлена в стиле минимализма.

В студии российской передачи у ведущего также свой стол и кресла для гостей. У соведущего передачи свой столик, который находится недалеко от стола ведущего. Всё почти как в Италии! Но стиль и цвета элементов интерьера темнее, чем в итальянской программе. Основное отличие сложившихся параметров ток-шоу в отечественной студии от стандартных параметров ток-шоу в итальянской студии заключается в наличии фотографии города, где снимается передача. Фотография ночной Москвы в передаче «Вечерний Ургант» занимает задний план студии, поэтому всегда видна. Уютную вечернюю атмосферу формируют также такие элементы, как чашки чая на столе ведущего и у гостей.

Как было указано выше, обе программы включают в себя беседу ведущего с гостями. Их число в российской и итальянской передачах различается. В программе «Вечерний Ургант» присутствуют обычно два гостя, а в программу «Che tempo che fa» приглашают от двух до четырех гостей, участвующих в обсуждении политических тем, а далее ведущий сосредотачивается на одном, главном госте выпуска.

Зрители присутствуют в обоих шоу и занимают места напротив ведущих (итальянским зрителям запретили присутствовать в студии передачи «Che tempo che fa» только в 2020 г. из-за чрезвычайной ситуации, связанной с коронавирусом).

Успех ток-шоу в большей степени определяет ее ведущим и его соведущими или помощниками. Личности Ивана Урганта и его соведущих (Александр Гудков, Александр Олейников, Дмитрий Хрусталеv, Константин Анисимов) хорошо известны российскому зрителю, поэтому более подробно мы остановимся на итальянском ведущем. С 2003 года его роль выполняет Фабио Фацио (Fabio Fazio), работающий на телевидении с 1982 года.¹

Будучи ведущим рубрики «Il posto del cuore» в передаче, журналист итальянской газеты «Corriere della Sera» Массимо Грамеллини (Massimo Gramellini) трактует самые важные текущие события, освещая их в соответствии со своей профессиональной деятельностью. Свою карьеру Грамеллини начинал как спортивный журналист, впоследствии работал политическим журналистом, занимался

также редакцией и выпуском книг итальянских писателей.²

В роли соведущей итальянского ток-шоу с 2005 года выступает Лучана Литтиццетто (Luciana Littizzetto), она – носитель основной комической составляющей передачи. Вместе с ведущим она с сарказмом комментирует обсуждаемые события.³

В роли ассистентки с 2002 года выступает Филиппа Лагербак (Filippa Lagerback), шведская телеведущая и модель, начавшая свою карьеру в итальянском кино в 1996 году.⁴ Ассистентка ведущего представляет гостей выпуска и обсуждает вместе с ним интересные факты из Интернета.⁵

Важной составляющей жанра ток-шоу является убираем речевое и заменяем на коммуникативное поведение ведущего, который обеспечивает выполнение задач программы и использует при этом различные стратегии для достижения желаемого прагматического эффекта. Немаловажную часть арсенала коммуникативных средств составляют единицы невербального общения: жесты, мимика.

Сопоставление российских и итальянских ток-шоу показало, что в итальянских ток-шоу преобладают вербальные средства коммуникации, что, очевидно, определяется этническим характером итальянцев. В российских телепередачах преобладают вербальные средства, частотны, например, игры слов, вербальные выражения эмоциональных смыслов – таких как ирония, сарказм и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сопоставление основных композиционных характеристик передач «Вечерний Ургант» и «Che tempo che fa», выявило ряд сходных черт и различий между двумя передачами. Сходные элементы присутствуют в композиционном построении передач, в оформлении студии, в выборе участников программы и тематике. Наибольшие различия относятся к соотношению вербального и невербального представления материала передач. Полагаем, что различительные признаки развлекательных ток-шоу в Италии и в России обусловлены в значительной степени менталитетом двух народов и различием этнических культур.

¹ URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/fabio-fazio/> (дата обращения: 28.01.22).

² URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/massimo-gramellini> (дата обращения: 28.01.22).

³ URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/luciana-littizzetto> (дата обращения: 28.01.22).

⁴ URL: <https://biografieonline.it/biografia-filippa-lagerback> (дата обращения: 28.01.22).

⁵ URL: [Biografieonline.it](https://biografieonline.it) (дата обращения: 28.01.22).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларина Е. Г. Лингвопрагматические особенности ток-шоу как жанра телевизионного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
2. Галич Т.С. Когнитивные механизмы организации дискурса ток-шоу: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018.
3. Нугуманова Л. А. Коммуникативно-прагматический аспект формирования телевизионного дискурса: на материале интерактивного ток-шоу регионального телевидения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014.
4. Гуленко П. В., Долгова Ю. И. Проблемы классификации современных телепередач: сущностные характеристики формата «Ток-шоу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, 2016. № 3. С. 102–110.
5. Gozzini G. La mutazione individualistica. Gli italiani e la televisione 1954–2011. Roma-Bari, ediz. Laterza, 2011.
6. Novelli E. La democrazia del talk show. Roma: ediz. Carocci, 2016.
7. Alberti F. La spettacolarizzazione dell'informazione: dai talk show alla cronaca nera. Roma: LUISS, 2019. URL: <http://tesi.luiss.it/25414/>
8. Акинфиев С. Н. Жанровая структура развлекательного ток-шоу // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2008. №6. С. 110–124.
9. Федина А. В. Жанровая специфика интервью в развлекательном ток-шоу // Ogarev-online. 2021. №2. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/zhanrovaya-specifika-intervyu-v-razvlekatelnom-tok-shou>
10. Кузнецов Г. В. Ток-шоу: неизвестный жанр? // Журналист. 1998. № 11/12. С. 58–59.

REFERENCES

1. Larina, E. G. (2004). Lingvopragmatiche osobennosti tok-shou kak zhanra televizionnogo diskursa = Linguistic and pragmatic features of talk shows as a genre of television discourse: PhD in Philology. Volgograd, 2004. (In Russ.)
2. Galich, T. S. (2018). Kognitivnye mehanizmy organizatsii diskursa tok-shou = Kognitivnye mehanizmy organizatsii diskursa tok-shou = Cognitive mechanisms for organization of talk show discourse: abstract of PhD in Philology. Krasnojarsk. (In Russ.)
3. Nugumanova, L. A. (2014). Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt formirovaniya televizionnogo diskursa: na materiale interaktivnogo tok-shou regional'nogo tevidenija = The communicative and pragmatic aspect of the formation of television discourse: based on the interactive talk show of regional television: abstract of PhD in Philology. Ufa. (In Russ.)
4. Gulenko, P. V., Dolgova, Ju. I. (2016). The problem of classification of the modern broadcasting: The essential characteristics of the format "talk show". RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 3, 102–110. (In Russ.)
5. Gozzini, G. (2011). La mutazione individualistica. Gli italiani e la televisione 1954–2011. Roma-Bari, ediz. Laterza.
6. Novelli, E. (2016). La democrazia del talk show. Roma: ediz. Carocci.
7. Alberti, F. (2019). La spettacolarizzazione dell'informazione: dai talk show alla cronaca nera. Roma: LUISS.
8. Akinfiev, S. N. (2008). Zhanrovaja struktura razvlekatel'nogo tok-shou = Entertainment television: Definition, classification, genres. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika, 6, 110–124. (In Russ.)
9. Fedina, A. V. (2021). Genre specifics of interview in entertaining talk show. Ogarev-online, 2. <http://journal.mrsu.ru/arts/zhanrovaya-specifika-intervyu-v-razvlekatelnom-tok-shou> (In Russ.)
10. Kuznecov, G. V. (1998). Tok-shou: neizvestnyj zhanr? = Talk shows: unknown genre? Zhurnalist, 11/12, 58–59. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Костева Виктория Михайловна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

Руджери Федерика

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kosteva Victoria Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Assistant Professor,
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Ruggeri Federica

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics,
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

Научная статья

УДК 8.81.811

DOI 10.52070/2542-2197_2022_6_861_164

Культурологическая характеристика шведских годонимов на карте Стокгольма

В. А. Пищальникова¹, У. П. Природина²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

pishchalnikova@mail.ru

²Частное образовательное учреждение дополнительного образования по изучению иностранных языков

«Скандинавская школа» Москва, Россия, *brasikaika@rambler.ru*

Аннотация. Авторы статьи анализируют культурологическую составляющую ряда шведских топонимов, отраженную в названиях годонимов г. Стокгольма. В статье представлены способы номинации объектов на основе имен христианских святых, традиционно имеющих большую культурную значимость; представлений о почитании святых с годовым кругом событий крестьянского быта, отраженных в народном календаре; совмещения празднований дня святых с языческими ритуалами и традициями. Авторы выделяют мифологическую основу годонимов.

Ключевые слова: годоним, шведский язык, мифология, праздник, традиция, этические ценности.

Для цитирования: Пищальникова В. А., Природина У. П. Культурологическая характеристика шведских годонимов на карте Стокгольма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 6 (861). С. 163–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_164

Original article

Culturological Characteristics of the Swedish Godonyms on the Map of Stockholm

Vera A. Pishchalnikova¹, Uljana P. Prirodina²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, *pishchalnikova@mail.ru*

²"Nordic School", private educational institution of additional education for the study of foreign languages,

Moscow, Russia, *brasikaika@rambler.ru*

Abstract. The authors of the article analyze the culturological component of a number of Swedish toponyms, reflected in the names of the godonyms of the city of Stockholm. The article presents ways of nominating objects based on the names of revered Christian saints of great socio-political and cultural significance; ideas about the veneration of saints with an annual cycle of events in peasant life, reflected in the folk calendar; combining the celebrations of the day of saints with pagan rituals and traditions. The authors highlight the mythological basis of the godonyms.

Keywords: godonym, the Swedish language, mythology, holiday, tradition, ethical values

For citation: Pishchalnikova, V. A., Prirodina, U. P. (2022). Culturological characteristics of the Swedish godonyms on the map of Stockholm. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 163–169. 10.52070/2542-2197_2022_6_861_164

ВВЕДЕНИЕ

Цель авторов статьи – показать культурологическую специфику шведских топонимов. Тема статьи является актуальной по нескольким причинам. Во-первых, как отмечает Л. В. Егорова, топоним как термин не вполне определен, поэтому любая характеристика содержательной стороны конкретного материала может способствовать установлению существенных свойств изучаемого явления. При этом на этапе поисков параметров топонима как лингвокультурологического объекта можно использовать широкое его толкование, совмещающая традиционный и антропоориентированный подходы [Егорова, 2018], тем более что в современной лингвистике четкую границу между ними провести сложно. Поэтому в настоящей работе топоним определяется как название адресного объекта в любом населенном пункте. Во-вторых, топонимы являются качественно и количественно существенной совокупностью лексики, характеризующей топонимическую систему определенной лингвокультуры и проявляющей системность в разных аспектах: структурном, семантическом, культурном, историческом [Полевая, 2017].

Мы исследуем 25 топонимов г. Стокгольма¹, выделенных сплошной выборкой в соответствии с современной картой города. Они фиксируют следующие лексические группы: номинации праздников и празднований (*helger och helgfarande*), дней недели (*veckans dagar*), устаревших праздников (*äldre högtider*), при этом рассматриваются топонимы с компонентами *gata* «улица», *väg* «дорога, путь, маршрут», *gränd* «переулок» [Stahre et al., 2005].

В лексической группе с архисемой «праздники и празднование» отмечены 10 топонимов *Fastlagsvägen* (Фастлагсвэген), *Majstångsvägen* (Майстонгсвэген), *Midsommarvägen* (Мидсоммарвэген), *Nioörtsvägen* (Нюёртсвэген), *Pingstvägen* (Пингстсвэген), *Påskvägen* (Посквэген), *Trettondagsvägen* (Треттондагсвэген), *Valborgsmässovägen* (Вальборгсмэссовэген), *Kransbindarvägen* (Крансбиндарвэген), *Kyndelsmässogränd* (Чюндельсмэссогрэнд).

В лексическую группу «дни недели» вошли 6 топонимов: *Måndagsvägen* (Мондагсвэген), *Tisdagsvägen* (Тисдагсвэген), *Onsdagsvägen* (Унсдагсвэген), *Fredagsvägen* (Фредагсвэген), *Lördagsvägen* (Лёрдагсвэген), *Söndagsvägen* (Сёндагсвэген). На современной карте г. Стокгольма отсутствует топоним *Torsdagsvägen* (Турсдагсвэген), который встречается в других городах Швеции.

В группу «устаревшие праздники» включено 9 топонимов: *Sankt Mickelsgatan* (Санкт

Микельсгатан), *Fastingsgatan* (Фастингсгатан), *Olsmässgatan* (Ульсмэссгатан), *Brittmässgatan* (Бриттмэссгатан), *Larsmässgatan* (Ларсмэссгатан), *Hindersmässgränd* (Хиндерсмэссгрэнд), *Persmässgränd* (Персмэссгрэнд), *Distingsgränd* (Дистинггрэнд), *Ermässgränd* (Ерсмэссгрэнд).

По представленному материалу, во-первых, можно судить о значимости тех или иных культурно-исторических событий и морально-этических ценностей для носителей шведского языка, зафиксированных в топонимике; во-вторых, исследование в перспективе позволяет содержательно сравнить тенденции в образовании топонимов и их специфические характеристики в рамках конкретной культуры, что может способствовать уточнению содержания термина «топоним».

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОПОНИМОВ: МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТОПОНИМА

Традиционный праздник середины лета (шв. *Midsommarfest*) отмечают во многих странах Европы, хотя и в разное время года, что обусловлено прежде всего природными факторами [Чеснокова, 2012]. Исследователи считают, что в скандинавских странах этот праздник связан и с древним культом солнца, с его пробуждением после ночной тьмы. В Швеции такой праздник отмечается в выходные, ближайшие к самой короткой ночи в году, – в Иванов день / ночь, или на Ивана Купалу, пророка и крестителя Иоанна Предтечу, рождество которого совпадает с днем летнего солнцестояния. Главный символ этого государственного праздника, являющегося одним из самых старинных и значимых для шведов, – «майское дерево», представляющее собой деревянный высокий шест из обтесанного ствола дерева, увитого лентами и шведскими флажками, украшенного зеленью и цветами, вокруг которого танцуют, поют, водят хороводы. Майское дерево символизирует плодородие (время праздника совпадает с древним праздником плодородия), единство земли, неба и подземного мира, благоденствие. Поскольку середина лета в Швеции связывается со временем, когда магия действует особенно эффективно, установка майского дерева влечет за собой ряд традиционных ритуальных действий. Так, незамужние шведские девушки собирают букеты из девяти цветов и кладут их под подушку, что гарантирует сон, в котором явится суженый [Swahn, 2007]. Растения и цветы, собранные в праздник, согласно шведским поверьям, обладают защитной функцией от зла, ведьм, болезней, с помощью цветов гадают «на будущее»; ивовые прутья, согласно поверьям, помогают найти клады.

¹ Карта. URL: <http://euro-map.com/karty/shvecii/stokgolm/podrobnaya-karta-stokgolma-s-dostoprimechatelnostyami.jpg>

Особый символ праздника – костер. Причем в центре костра ставят украшенные крестовины, через костер прыгают, в костер бросают венки, символически сжигая зло. Праздник сопровождается пением традиционных песен типа *Små grodorna* ‘Маленькие лягушки’ вокруг майского шеста, плетением венков; поеданием значительного количества рыбы, чаще сельди, лосося, клубники со сливками или клубничного торта; обязательным угощением ритуальной пшеничной кашей *römegrot*; обильными возлияниями. Значимость праздника для нации подтверждается традицией широко его отмечать. Данная традиция распространяется с конца XIX века и пользуется популярностью в первом в Европе музее под открытым небом Скансен. Шведы в этот день носят традиционные национальные одежды, поскольку этот праздник – один из самых любимых в Швеции. В нем самым причудливым образом перемешаны библейские представления об Иоанне Крестителе с разными языческими поверьями, ритуалами. О важности праздника говорят названия улиц г. Стокгольма: *Majstångsvägen* (*majstång*, букв. «майский шест»), *Midsommarvägen* (*Midsommar*, «праздник летнего солнцестояния», букв. «середина лета»), *Nioörtsvägen* (*nio* «девять», *ört* «трава»), *Kransbindarvägen* (*binda kransar* «плести венки»), ассоциирующиеся с разными артефактами и сторонами праздника.

В названии вышеуказанного праздника отражена в определенной степени шведская мифология, имеющая общую скандинавскую основу, хотя, естественно, приобретающая и особые национальные черты. Общие мифологические компоненты обнаруживаются и в другой лексической группе, объединенной архисемой «дни недели». Это подчеркивает не только характер устойчивого и повсеместного распространения скандинавской мифологии на определенной территории, глубинные связи национальных культур, но и сохранение универсальных компонентов культуры-источника, отраженных в номинациях городских объектов. Так, в основу именования дней недели положены имена богов: *tisdag* «вторник» – имя верховного бога Тюра (*Tyr*), символа чести и выполнения воинского долга; *onsdag* «среда» – имя древнескандинавского бога Одина (*Oden*), символа смерти и исцеления, победы и знания, колдовства и поэзии и др.; *torsdag* «четверг» – в честь бога из асов Тора (*Tor*), божества грома и молнии, покровителя битв и сражений; *fredag* «пятница» – имя богини Фригги (*Frigg*), супруги Одина, покровительницы брака и семейного очага; *söndag* «воскресенье» (букв. «день, посвященный Солнцу») – имя богини солнца Суль / Сунны (*Sol*), сестры-близнеца богини Луны Мани, имя которой положено в основу другого слова,

обозначающего день недели, – *måndag* «понедельник» (от *måne* «луна»). Единственным словом-исключением в группе «дни недели», которое не имеет отношения к именам божеств, является *lördag* «суббота» (*löga* «мыться, купаться»), связанное с традицией мыться в конце трудовой недели. Таким образом, в шведской культуре (и скандинавской вообще) дни недели системно сопряжены с поклонением определенному божеству, имеющему в пантеоне одну из верховных функций. При этом носителями языка актуальность ассоциаций с мифологическими существами не осознается / может не осознаваться, поскольку этимология целого ряда групп частотной ядерной лексики затемнена, значения слов десемантизированы.

ПОЧИТАНИЕ ХРИСТИАНСКИХ СВЯТЫХ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ГОДОНИМЕ

В этом разделе рассмотрим способы номинации городских объектов на основе собственно имен почитаемых христианских святых, совмещения представлений о почитании святых с хозяйственно-бытовыми событиями / природными явлениями, сочетания празднований дня святых с различными языческими ритуалами и традициями.

В названии улицы *Brittmässgatan* заложен композит *Brittmässan* (*mäss* «церк. Месса»; «ярмарка»), праздник, который отмечали 7 октября, в память святой Биргитты (Бритты) (*Birgitta / Britta*). Биргитта – одна из наиболее почитаемых в Скандинавских странах святая, по преданию, борováшая за искоренение магических обрядов и других пережитков язычества и призывавшая к крестовым походам на Русь под предлогом борьбы с язычеством; основательница ордена. В настоящее время в Швеции биргиттинский орден практически не пользуется влиянием, но в Средние века он имел особое духовное и культурное значение, через проповеди способствуя распространению социально-этического идеала, включающего основные христианские добродетели: скромность и целомудрие как основу личностного поведения, помощь ближнему, определяющую социальное взаимодействие. В религиозных речах актуализировались выразительные средства языка, которые благоприятствовали эффективности проповедей и в целом оказывали серьезное влияние на скандинавскую культуру. Кроме того, в Вадстенском монастыре, главной обители биргиттинцев, была собрана большая библиотека переводной богословской литературы, что способствовало осознанию монастырей как духовных и интеллектуальных центров и усилению их общественно-политической роли. Она возрастала благодаря

также увеличению земельных владений, укреплению монастырских хозяйств [Религия и церковь Швеции, 2015].

Названия христианских праздников отражены в ряде годонимов: Крещение – *Trettondagsvägen* (*Trettondag*, букв. 'тринадцатый день'); Пасха – *Påskvägen* (*Påsk* «Пасха»), Троица – *Pingstvägen* (*Pingst* «Троица»), Сретение – *Kyndelsmässogränd* (*Kyndelmässa* «Сретение»). Многие из указанных праздников постепенно были переосмыслены в мирских традициях и обычаях [Чеснокова, 2012, с. 159]. Так, предпасхальными символами в Швеции считаются березовые прутья, украшенные разноцветными перышками, и булочки *semlor*, выпекаемые из пшеничной муки и наполненные миндальной массой и взбитыми сливками. Раньше *semlor* пекли только в последний вторник (*Fettisdag*, букв. «жирный вторник») перед Великим постом. Сейчас сезон «жирных» булочек начинается сразу после Рождества и продолжается до Пасхи. Но сохраняются и классические пасхальные атрибуты – крашеные яйца как символ плодородия и желтые нарциссы, символизирующие приход весны.

Празднование 18 мая дня Святого Эрика (*Eriksdagen*, *Eriksmässan*, *Ersmässan*) закреплено в названии переулка *Ersmässgränd*. Жизнь короля Эрика IX, или Святого Эрика связана с многочисленными и противоречивыми легендами, но его имя устойчиво соотносится с идеалом мудрого и справедливого короля, который ратовал за соблюдение законов и был благочестив. Чествование святого ознаменовано особой значимостью 18 мая для земледельческой культуры шведов в XVI веке. Тем самым века церковного календаря хронологически совпадает и неизбежно связывается с фазой народного календаря, как это нередко происходит в Швеции эпохи Ренессанса. Иногда муку мололи из полусозревшей «майской ржи», если запасы зерна подходили к концу, и к 29 июля – дню Святого Улофа (*Olofsdagen*, *Olsmäss(an)*, *Olofsmässan*) пекли из нее не очень качественный хлеб. Эта бытовая ситуация отражена в шведской пословице *När Erik ger ax, ger Olof kaka / Erik med ax och Olle med bulle* «Когда Эрик дает колосья, Улоф дает булку». Но многие крестьяне не хотели губить урожай и убирать рожь раньше первой декады августа, когда зерновые вполне вызревали и наступал праздник *Larsmässan*, *Larsdagen* – день памяти святого мученика католической и православной церковью Лаврентия Римского (*Laurentius*), казнённого в 258 г. Во многих регионах Швеции люди не собирали чернику после 10 августа, о чем свидетельствует поговорка *Lasse hade pissat på blåbären* (букв. Лассе обильно полил чернику; *Lasse* – ласкательная форма имени *Lars*).

Переулок *Hindersmässgränd* назван в честь дня Хенрика (Хиндрика) (*Henriks / Hindriks*). Святой Хенрик – известная личность в истории Финляндии, возведенная в Швеции в сан епископа и обратившая в христианство большое количество язычников-финнов. 19 января, когда в разных городах средневековой Швеции, в том числе в г. Эребру, разворачивались ежегодные масштабные ярмарки, становившиеся центром деловой жизни и часто приуроченные к культовым религиозным праздникам (Пасхе, дням апостолов, святых и т. п.) или политическим собраниям (*möte*, *herredag* и др.), на которых ставились и решались проблемы, значимые для страны. Очевидно, что и в этом случае христианские и социально-политические события объединяются. Так, в г. Эребру такое «законное торжище» (*rätta torgh*, *rätta marknad*, *rätta hamn*) было приурочено ко дню Хенрика [Сванидзе, 1980, с. 74–75]. Считалось, что 19 января (*Henriksdagen*, *Hindersmäss*) обозначает середину зимы, и в сарае должна остаться половина сена, приготовленного для скота (*Henrik delar höet*, букв. 'Хенрик делит сено'). Традиция была особо сильна в провинции Норрботтон.

В названии переулка *Persmässgränd* представлен композит *Persmässan*; праздник отмечали 29 июня в честь памяти апостола Петра (*Petrus*). До 1901 года в календарях отмечали *Petri fängelse* (*fängelse* «тюрьма») – день освобождения апостола Петра из темницы могущественным ангелом, который приходился на 1 августа. Сокращенный вариант *Petri fäng* находим в пословице *Regnar det Petri fäng*, / *regnar det tre veckor i fläng* «Дождь на освобождение Петра из темницы / непрерывный дождь в течение трех недель».

В названии улицы *Sankt Mickelsgatan* зафиксировано имя Архангела Михаила (*Sankt Mickel*), день памяти которого приходится на 29 сентября (*Mickelmäss(an)*, *Mikaeli*). *Mickelmäss* прежде всего в южной части региона Свеаланд и северной части региона Йоталанд символизировал праздник, посвященный собранному урожаю.

В ряде годонимов объединяются представления о почитаемых святых и исторически обусловленных социальных и социально-политических событиях, важных для единства страны и руководства ею. Историческая память о таких событиях сохраняется, например, в названиях улиц. Так, *Fastingsgatan* (*fastan* «пост») зафиксировала название рынка *Fastingsmarknaden*, или *Fastingen*, который существовал издавна до 1903 г. и по времени совпадал с проведением поста в г. Кристинехамне.

Название ярмарки *Distingen*, которая ежегодно открывается в первый понедельник и вторник февраля в г. Упсала, лежит в основе номинации

переулка *Distingsgränd*. Эта ярмарка изначально была связана с праздником Дисаблот (*Disablot*), предполагавшим жертвоприношение дисам, – женским божествам низшего ранга в скандинавском пантеоне, валькириям, прислужницам Одина, и норнам, богиням судьбы [Скандинавская мифология, 2007]. Популярность ярмарки определялась не только тем, что на ней можно было приобрести различный мех, качественную соленую рыбу, отличный скот и др., но и тем, что ее проведение постепенно порождало ряд традиций. Например, в дни проведения ярмарки было престижно обречься. Женитьба, которая приходилась на ярмарочные дни, по распространенным поверьям, приносила новой семье благоденствие. Название улицы *Valborgsmässovägen* (*Valborg* «Вальпургия») увековечило студенческую традицию – встречать весну в ночь с 30 апреля на 1 мая разжиганием костров, в том числе в столице государства. В этом ритуальном действе соединились, с одной стороны, прославление в ночь на 1 мая католической святой Вальпургии, покровительницы крестьян, к которой обращались при неурожае; покровительницы моряков, утишающей морские бури; покровительницы больных, умиряющей эпидемии и избавляющей от голода; с другой – давние языческие традиции противостояния разгулу нечистой силы в ночь на 1 мая (Вальборг, Вальпургиева ночь) [Антонова, 2009]. Символом такого противостояния были разожженные костры; постепенно ритуал усложнялся представлениями об уничтожении в пламени костров любого зла, скопившегося мусора. В итоге огонь стал символом призыва весны как обновляющего начала, традиционного языческого ликования по поводу прихода весны. Студенческие сообщества сопровождают этот праздник различными ритуалами, складывающимися постепенно в стенах конкретных учебных заведений: хоровым пением, соревнованиями по рафтингу, приветствием форменными фуражками и др. Возможно, что на становление современной

традиции празднования оказали определенное воздействие исторические ассоциации с реальной Вальпургой – акушеркой, жившей в XVI веке, обвиненной в колдовстве и казненной на костре после изощренных пыток. Закреплению праздника способствовали и социальные события. Уже в Средние века он отмечался как праздник наступления весны, чему способствовало окончание административного года 30 апреля; крестьянские общины в этот день подводили итоги деятельности за год и выбирали старейшину; поскольку начинался выпас скота, для отпугивания хищников зажигали костры; естественно, что все эти значимые события сопровождались разного рода весельем. Поэтому вопрос о переплетении всех исторических событий и сопровождающих их легенд и поверий требует специального изучения. Существенно то, что годонимы актуализируют самые разнообразные культурные ассоциации и способствует их закреплению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в годонимах г. Стокгольма обнаруживаются, во-первых, номинации городских линейных объектов, связанные с мифологической сферой шведской культуры. Во-вторых, в таких годонимах представлены как универсальные для скандинавских народов имена божеств, так и национально специфичные. В-третьих, номинация городских линейных объектов производится как на базе антропонимов христианских святых, так и на основе объединения в названии представлений о святых и ассоциативно связанных с ними хозяйственно-бытовых событий и природных явлений; наконец, возможно совмещение в названии представлений о празднике в честь святого с языческими ритуалами и традициями. При этом культурное содержание, исторически и этимологически соотносимое с годонимом, может быть не актуальным для носителей современной лингвокультуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егорова Л. В. К вопросу изучения годонимов в современной лингвистической парадигме исследований // Вестник Чувашского университета. Серия Языкознание и литературоведение. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-godonimov-v-sovremennoy-paradigme-lingvisticheskikh-issledovaniy>.
2. Полевая А. Ю. Годонимы Нижнего Новгорода: прошлое и настоящее // Язык и репрезентация культурных кодов. Материалы и доклады. Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королёва: Инсома-пресс, 2017. С. 27–29.
3. Stahre N.-G., et al. Stockholms gatunamn / N.-G. Stahre, P. A. Fogelström, J. Ferenius, G. Lundqvist. Stockholm: Stockholmia förlag, 2005.
4. Чеснокова Т. А. Стокгольм времен Астрид Линдгрен. История повседневности. М.: Продюсерский центр Александра Гриценко, 2012.
5. Swahn J.-Ö. Svenska traditioner. Bromma: Ordalaget Bokförlag, 2007.

6. Религия и церковь Швеции: от эпохи викингов до начала XXI века / отв. ред. О. В. Чернышева; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2015.
7. Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок Швеции. XIII–XV вв. М.: Наука, 1980.
8. Скандинавская мифология: Энциклопедия / К. Королев. М.: Эксмо; СПб.: Мидгарт, 2007.
9. Антонова Ю. В. Швеция. Исторический путеводитель. М.: Вече, 2009.

REFERENCES

1. Egorova, L. V. (2018). On the issue of studying godonyms in the modern linguistic research paradigm. Vestnik Chuvashskogo universiteta. Seriya Yazy'kovedenie i literaturovedenie, 2. <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-izucheniya-godonimov-v-sovremennoy-paradigme-lingvisticheskikh-issledovaniy> (In Russ.)
2. Polevaya, A. Yu. (2017). Godonyms of Nizhny Novgorod: past and present. Language and representation of cultural codes (pp. 27–29): Materials and reports. Samara National Research University: Insoma-press. (In Russ.)
3. Stahre N.-G., et al. (2005). Stockholms gatunamn = Street names in Stockholm. Stockholm: Stockholmia förlag. (In Swed.)
4. Chesnokova, T. A. (2012). Stokgol'm vremeni Astrid Lindgren. Istoriya povsednevnosti = Stockholm in the time of Astrid Lindgren. History of everyday life. Moscow: Prodyuserskiy centr Aleksandra Gricenko. (In Russ.)
5. Swahn, J.-Ö. (2007). Svenska traditioner = Swedish traditions. Bromma: Ordalaget Bokförlag. (In Swed.)
6. Korolev, K. (Ed.). (2007). Skandinavskaya mifologiya = Norse Mythology: Encyclopedia. Moscow: E'ksmo; St. Petersburg: Midgard. (In Russ.)
7. Svanidze, A. A. (1980). Srednevekovy'j gorod i ry'nok Shvecii. XIII–XV vv. = Medieval town and market in Sweden. XIII–XV centuries. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Cherny'shev, O. V. (Ed.). (2015). Religiya i cerkov' Shvecii: ot e'poxi vikingov do nachala XXI veka. In-t vseobshhej istorii RAN = Religion and Church of Sweden: from the Viking Age to the beginning of the 21st century. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Antonova, Yu. V. (2009). Shveciya. Istoricheskij putevoditel' = Sweden. Historical guide. Moscow: Vech. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ

Природина Ульяна Петровна

кандидат филологических наук, преподаватель
Частного образовательного учреждения дополнительного образования по изучению иностранных языков
“Скандинавская школа”

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pishchalnikova Vera Anatolievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor,
Professor at the General and Comparative Linguistics Department,
Moscow State Linguistic University

Prirodina Uljana Petrovna

PhD (Philology), Lecturer, “Nordic School”,
private educational institution of additional education for the study of foreign languages

Статья поступила в редакцию 12.04.2022
одобрена после рецензирования 11.05.2022
принята к публикации 16.05.2022

The article was submitted 12.04.2022
approved after reviewing 11.05.2022
accepted for publication 16.05.2022

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 6 (861)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 6 (861)**

Ответственный редактор выпуска

Н. Н. Германова,
доктор филологических наук, профессор

Executive editor

N. N. Guermanova,
Doctor of Philology (Dr.habil), Professor

Редактор В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor B. A. Геронимус

Layout: A. V. Alymov

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 11.10.2022

Усл. печ. л. 20,25. Формат 60х90/8

Заказ № 60/22

Signed for print: 11.10.2022

Conventional printed sheets: 20,25. Layout format 60x90/8

Order 60/22

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

© FSBEI HE MSLU, 2022

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».